

28-29

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

ЗНАК БЕДЫ

Российский независимый
исторический и
правозащитный журнал

Адрес: 390000, Россия,
г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Тел./факс: (0912)77-51-17
E-mail: andy@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:
Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992 г.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов

Редакция:
Юлия Середя
Сергей Романов
Вадим Шубин
Петр Митцнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.
По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над номером работали:
А. Блинушов, С. Романов,
Ю. Середя, Т. Пospelова

Компьютерная верстка:
Ю. Середя

Отпечатано ООО "СЕРВИС"
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ № 773.
Печать офсетная.

Тираж
2000 экз.

Подписано
в печать 16.10.2000 г.

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала "КАРТА", выходящего с января 1982 года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

Дело № 52	
Ученый обвиняется в шпионаже	3
"...ФСБ сможет объявить шпионажем любую научную работу"	
Ученый обвиняется в шпионаже	5
Дело № 52. Хронология	
Ученый обвиняется в шпионаже	6
Из Уголовного кодекса РФ	
"Шпионские" статьи с комментариями	7
Дело № 52. Радио Свобода. Программа "Права человека"	
Ученый обвиняется в шпионаже	11
Внесен в "закрытый список"...	
Известному миротворцу Тэрасаве Дзюнсею запрещен въезд в Россию	15
Тэрасава Дзюнсей: открытое письмо президенту Владимиру Путину	16
Евгений ЗАХАРОВ Правозащитники	
Задачи, функции, права и принципы деятельности правозащитных организаций	18
Надвигающаяся катастрофа	
Положение вынужденных переселенцев из Чечни	22
Андрей ЛАНЬКОВ Северная Корея: репрессии и бесправие	
Взгляд на Северную Корею с точки зрения международного права	26
Положение с правами человека в Северной Корее	
Из доклада Корейской Международной Лиги защиты прав человека (IHLK)	38
Лэрри ДАЙАМОНД Голоса из северокорейского "ГУЛАГа"	
Свидетельства очевидцев	41
Сюзанна ШОЛЬТ За темным занавесом Северной Кореи	
Свидетельства очевидцев	43
Пытки и убийства заключенных	
"Наскальная живопись" переживших северокорейские лагеря	45
Наталья ЛЕБЕДЕВА Четвертый раздел Польши и катынская трагедия	
Исторический очерк	50
Паулина ДРЕВНЯК Воспоминания дедушки Збышка	
Поляки в Казахстане	64
История в документах	
Документальные свидетельства катынского преступления	69
Ежи ПОМЯНОВСКИЙ Эта годовщина	
Размышления писателя	73
Юзеф ЧАПСКИЙ Старобельские воспоминания	
Документальные свидетельства катынского преступления	74
Из сборника "Катынское преступление в свете документов"	
Документальные свидетельства катынского преступления	74
Оглянись в раскаянии	
Заявление российских правозащитников	75
Простите нас, поляки! Медное, 2 сентября 2000 года	
Сергей РОМАНОВ Фоторепортаж	75
"Я перешел на статус свободного человека"	
интервью с правозащитником Иосифом Дядькиным	78
Виктор КАГАН Синтаксис погрома	
Размышление о природе национализма	85
Давид ТАРАСЮК Без вины виноватые	
Еврейские погромы в годы Гражданской войны в России	86
Норман КОН Благословение на геноцид	
Из истории антисемитизма	89
В. ВОЛКОВ Фашизм в России. Что завтра?	
Размышления историка	96
Словарь	
Геноцид, этноцид, этническая чистка, преступления против человечества	99
Она хотела, чтобы люди знали правду	
Памяти Анны Михайловны Гришиной	101
Иннокентий ПАСЫНКОВ Побег	
Судьбы столетия	102

На первой стр. обложки фото из журнала "Index on Censorship"
на четвертой — фрагмент мемориального комплекса в Катыни под Смоленском

Дело № 52

Вице-президент Университета Йорк

Майкл Стивенсон:

Сергею Рогову

Директору

Института США и Канады

Российской Академии наук

121814 Москва, Хлебный переулок, 2/3

Факс: 011-7095-200-1207

Уважаемый д-р Рогов,

Я хочу попросить Вашей помощи в весьма неприятном деле. Делая это, я надеюсь на наши личные отношения, а также на давно установившиеся партнерские отношения между нашими институтами.

Недавно я получил письмо от Павла Подвига, сотрудника Центра по изучению проблем разоружения при Московском физико-техническом институте. Подвиг обратил мое внимание на дело Игоря Сутягина, научного сотрудника ИСКРАНА. Насколько я понимаю, осенью Сутягин был арестован российской Федеральной службой безопасности (ФСБ) по подозрению в государственной измене и

шпионаже. Согласно письму Подвига, среди аргументов, которые следствие приводит в поддержку обвинения, используется факт участия Сутягина в канадском исследовательском проекте, который осуществлялся совместно университетами Карлтон и Йорк.

Мне не известны детали обвинения, которое российское государство выдвигает против Сутягина, и у меня нет намерения, на самом деле, и никакого права вмешиваться в ход расследования. В то же время, я считаю своим долгом обратиться к известным мне аспектам этого дела, которые касаются университета Йорк и которые исключительно важны для меня и для всех канадских исследователей, которые убеждены в том, что совместные исследовательские проекты с нашими российскими коллегами представляют ценность для обеих наших стран.

Позвольте мне описать проект, в котором принимал участие Игорь Сутягин.

Проект был задуман как часть программы по изучению военно-гражданских отношений, начатой в 1997 г. Министерством обороны Канады с помощью Ассоциации университетов и колледжей Канады. Цель программы зак-

ИГОРЬ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ СУТЯГИН — кандидат исторических наук, заведующий сектором военно-технической и военно-экономической политики Отдела военно-политических исследований Института США и Канады РАН.

Функциональные обязанности: Специалист в области внешней и военной политики и вопросов международной безопасности, научный стаж более 10 лет. Основные области исследований — стратегические вооружения, безопасность ядерного оружия, проблемы строительства и использования вооруженных сил.

Образование: 1982-1988 — Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. Физический факультет, кафедра общей физики и волновых процессов.

Диплом об университетском образовании по специальности «Радиофизика и электроника, включая квантовую электронику» — П № 227775. 1988-1991 — Институт США и Канады Академии наук (Москва). Аспирантура по специальности «История международных отношений». Учёная степень кандидата исторических наук, диплом кандидата наук — КТ № 019750.

Трудовая деятельность: с 1989 по настоящее время — Институт США и Канады Российской Академии наук. Старший лаборант (1989-1992); младший научный сотрудник (1992-1993); научный сотрудник (1993-1997); старший научный сотрудник (1997-1998); заведующий сектором военно-технической и военно-экономической политики (с 1998).

1992-1996 — соредатор, главный редактор и автор ежемесячного «Военного вестника» Информационного агентства «Постфактум».

Публикации: Игорь Сутягин является автором более чем 100 статей и брошюр, опубликованных в Советском Союзе/России, а также в Соединённых Штатах, Великобритании и Швейцарии. Соавтор трёх книг: «Civil-Military Relations and Nuclear Weapons», Stanford, 1994, «Kernwaffenverbreitung und internationaler Systemwandel», Baden-Baden, 1994 и «Стратеги-

ческое ядерное вооружение России» (под ред. П.Подвига, М., Издат, 1998).

Научные работы сектора:

Сутягин И. В. «Основные программы создания в США средств противоракетной обороны», 1999 г.

Сутягин И. В. «Разработка в США систем противоракетной обороны различного назначения» (справочные данные), 1999 г.

Сутягин И. В. «Разработка перспективных крылатых ракет для ВМС Франции», 1999 г.

Сутягин И. В. «Совершенствование возможностей ракетного комплекса «Минитмен-III» по борьбе с мобильными целями», 1999 г.

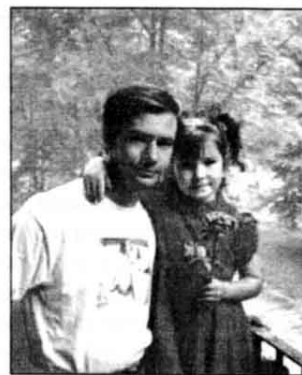
Сутягин И. В. «О возможном сотрудничестве России и США в сфере предотвращения распространения критических технологий», 1999 г.

Сутягин И. В. «О технической возможности создания в США неядерных средств противоракетной обороны», 1999 г.

Сутягин И. В., Евстигнеев Е. В. «Проблемы социального обеспечения военнослужащих ВС США», 1999 г.

Сутягин И. В., Зенкин Д. Ю. «Перспективы совершенствования техники ВВС США», 1999 г.

Мазинг В. А., Иванов Ю. А., Сутягин И. В., Зенкин Д. Ю., Почуева Т. Ю., Евстигнеев Е. В. «Рынок авиационной техники стран АСЕАН», 1999 г.

лючается в ознакомлении сотрудников военных ведомств посткоммунистических стран с канадским опытом военно-гражданских отношений в демократическом обществе. Каждый год, начиная с 1997 г., в Канаду приглашались делегации различных восточноевропейских стран и России. В ходе визитов, длившихся несколько недель, эти делегации слушали лекции, посещали военные объекты и научно-исследовательские институты, специализирующиеся на исследованиях в области международной и национальной безопасности. По ходу осуществления программы ее концепция изменялась под воздействием приобретенных уроков и критических замечаний участников. В частности, в 1998 г. Министерство обороны приняло решение провести научное исследование проблем военно-гражданских отношений в Восточной Европе.

Конкурс на право проведения этого исследования был выигран коллективом ученых из университетов Йорк и Карлтон, возглавляемым профессором университета Карлтон Харальдом фон Рикхоффом. С самого начала как правительство, так и университеты, участвующие в проекте, рассматривали его как полностью открытый законный научно-исследовательский проект. Никто из участников не видел ничего противозаконного или неправильного в том, чтобы канадские исследователи провели изучение проблем отношений между военными и гражданскими институтами в странах, бывших ранее коммунистическими. На самом деле, за время, прошедшее с момента окончания холодной войны, эти проблемы были предметом нескольких исследовательских проектов, осуществленных совместно учеными Западной и Восточной Европы. Этот интерес вне всякого сомнения оправдан, так как эти вопросы являются исключительно важными для международного мира и успешного развития демократии в Восточной Европе.

Работа над проектом была начата осенью 1998 г. Один из его элементов предполагал проведение серии интервью с представителями военных ведомств и научными экспертами стран, изучение которых входило в задачу проекта. Для проведения интервью были выбраны два человека — Дэвид Бетц, канадский аспирант, который сейчас учится в университете Глазго, и Игорь Сутягин. Вопросы интервью касались в основном вопросов контроля гражданских органов правительства за военными и их участия в решении текущих проблем армии, отношений между армией и обществом и роли парламента, средств массовой информации, научного сообщества в определении военной политики.

Насколько мне известно, в ходе осуществления проекта никто из принимавших в нем участие людей, включая интервьюируемых, не подверг сомнению законность проведения исследования и не заподозрил наличие каких-либо скрытых мотивов его проведения. Дэвид Бетц совершил поездку в Москву в ноябре 1998 г. и провел интервью с несколькими представителями российского Министерства обороны. В декабре 1998 — январе 1999 гг. И. Сутягин взял интервью примерно у 20 человек — в основном научных экспертов. Качество проделанной им работы было исключительно высоким: он взял интервью высокопрофессиональным образом и приложил к ним свои соображения по обсуждаемому предмету.

Работа над проектом была закончена к апрелю 1999 г. Отчет о проекте, насчитывающий около 500 страниц (И. Сутягин перечислен в числе соавторов), был представлен общественности на встрече в университете Карлтон в Оттаве. Проф. фон Рикхофф и два других сотрудника, работавших над проектом, представили результаты дипломатам из стран, которые были предметом исследования, включая и Россию. Издательство Прагер, которое выразило интерес к публикации результатов проекта, подписало соответствующий контракт летом 1999 г. Ожидается, что двухтомник с результатами исследований выйдет в свет в этом году.

Просмотрев еще раз историю проекта и роль И. Сутягина в его осуществлении, я не могу поверить в то, что кто-либо, и в частности правоохранительные органы, может счесть, что эта работа может являться актом государственной измены или шпионажа. Я с глубоким сожалением должен отметить, что Россия стала единственной из 12 стран, изученных в ходе этого проекта, в которой официальные лица сочли, что проведенное Канадой изучение состояния военно-гражданских отношений представляет угрозу для национальной безопасности. Во всех других странах исследователи пользовались полной поддержкой со стороны правительственных органов, которые рассматривали канадский проект как полезную и важную форму помощи в осуществлении реформ, проводимых этими странами.

Вне всякого сомнения, противоречивая ситуация, которая сложилась вокруг участия И. Сутягина в канадском исследовательском проекте, вносит ноту беспокойства и недоверия в сферу российско-канадских научных контактов. Канадские (а возможно, и другие западные) исследователи, которые осуществляют проекты с участием российских ученых или рассматривают возможность таких проектов, должны будут спросить себя о том, не создают ли они тем самым неоправданный риск для своих российских коллег. Я хотел бы надеяться на то, что ситуация, сложившаяся вокруг Сутягина, является следствием чьей-то серьезной ошибки и не отражает новый подход российского правительства к установившейся практике совместной научной работы ученых разных стран.

Я буду Вам очень признателен, если Вы сможете прояснить обстоятельства дела для меня и моих коллег.

С уважением,
Майкл Стивенсон

В октябре 1998 г. вышла в свет книга «Стратегическое ядерное вооружение России», подготовленная Центром по изучению проблем разоружения при Московском физико-техническом институте. В издании рассматривается широкий круг вопросов, связанных с историей создания и развития стратегических ядерных сил СССР, нынешним состоянием стратегических сил России и перспективами их развития.

«...ФСБ сможет объявить шпионажем любую научную работу»

Обозреватель "The Globe and Mail" Джефффри Йорк:

Исследовательская работа, осуществлявшаяся канадскими университетами, оказалась вовлеченной в российский шпионский скандал, в результате которого московский ученый помещен в тюрьму по обвинению в государственной измене и шпионаже.

Игорь Сутягин был привлечен исследовательским коллективом университетов Йорк и Карлтон для изучения военно-гражданских отношений в России в проекте, который финансировался Департаментом национальной обороны [Канады].

Однако ФСБ подозревает, что в действительности канадские военные хотели, чтобы Сутягин выведal секретные сведения у интервьюируемых им военных экспертов.

Оба университета отрицают факт шпионажа и предупреждают, что подобные обвинения могут привести к свертыванию сотрудничества между учеными России и Канады.

ФСБ арестовала И. Сутягина в октябре 1999 года, девять месяцев спустя после того, как он закончил проведение интервью для канадского проекта. Он до сих пор находится в тюрьме в городе Калуга.

ФСБ не обнародовала каких-либо деталей предъявляемого Сутягину обвинения в шпионаже. В момент ареста ФСБ сообщила средствам массовой информации, что он собирал секретную информацию о российских атомных подводных лодках. Однако впоследствии ФСБ начала расследование его контактов в Канаде.

Это дело стало примером растущего влияния российских органов безопасности, которые подвергали преследованиям и арестам российских граждан, работающих в области исследований окружающей среды, в антиядерном движении, ведущих исследования в области безопасности или работающих в независимых средствах массовой информации.

Игорь Сутягин, 35 лет, является сотрудником Института США и Канады, известного исследовательского института. В 1998 г. исследовательская группа университетов Йорк и Карлтон заключила с ним контракт на проведение серии интервью. Ученые проводили исследование в 12 бывших коммунистических странах, среди которых были Россия, Украина, Болгария, Румыния и Словакия.

«Я не могу поверить, что кто-то, а особенно правоохранительные органы, могли счесть эту работу шпионажем или государственной изменой», — написал Майкл Стивенсон в письме на имя директора Института США и Канады.

«Я с глубоким сожалением должен отметить, что из 12 стран, в которых проводились исследования, только в

России официальные лица сочли, что канадское исследование военно-гражданских отношений представляет угрозу национальной безопасности».

В интервью Майкл Стивенсон сказал, что он был потрясен поворотом событий, который он описал как абсурдный.

«Насколько я знаю содержание проекта, это совершенно невероятно. Это очень тревожно — людей могут обвинить в шпионаже и фактически уничтожить на основании полностью надуманных обвинений».

Исследование было частью гораздо более широкой программы канадской помощи представителям военных ведомств стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. В рамках этой программы, известной как «Программа демократических военно-гражданских отношений», начатой в 1997 г., десятки военных из бывших коммунистических стран — включая Россию — были приглашены на семинары в исследовательские институты в Канаде.

В Канаде полагали, что подобная помощь будет полезной для России, помогая ей создавать механизм гражданского контроля за военными, аналогичный тому, который существует на Западе. Российские военные, судя по всему, с энтузиазмом принимали участие в семинарах, а российские дипломаты присутствовали на церемонии презентации книги, в которой были представлены результаты исследования, проводимого И. Сутягиным.

Однако сегодня ФСБ относится к канадскому проекту с большим подозрением, опасаясь, что он является шпионской деятельностью. Павел Подвиг, московский ученый, занимающийся вопросами разоружения, говорит, что его очень сильно обеспокоили вопросы, которые ФСБ во время допросов задавала людям, которых интервьюировал Сутягин.

«ФСБ заявляла этим людям, что интервью были не частью исследовательского проекта, а якобы проводились Сутягиным по заданию канадского министерства обороны, подразумевая тем самым, что это была шпионская деятельность», — заявляет Подвиг, который имел возможность поговорить с некоторыми из допрошенных.

ФСБ произвела обыск в офисе и на квартире Подвига и изъяла все его научные материалы 27 октября прошлого года — в тот же день, когда был арестован Сутягин. В тот момент ФСБ была в основном заинтересована в материалах о ядерных вооружениях и безопасности. Сутягин и Подвиг являются одними из соавторов книги, посвященной российским стратегическим вооружениям.

«Они считают, что Сутягин передавал какие-то секреты иностранцам. Но у него не было доступа к секретным сведениям», — сказал Подвиг в интервью.

«Все, что у него было — это открытая информация. Он писал статьи, используя свои аналитические способности. Если мы сегодня позволим ФСБ подвергать сомнению любой контакт с иностранцем и называть его шпионажем, то мы заслуживаем то, что мы получим в итоге. А получим мы ситуацию, в которой ФСБ сможет объявить шпионажем и государственной изменой любую научную работу».

Профессор политологии университета Йорк Сергей Плеханов, который составлял вопросы, использованные Сутягиным в ходе интервью, сказал, что они в основном касаются роли парламента и региональных администраций в решении проблем армии и политических симпатий военных. Те же самые вопросы задавались во всех 12 странах, где проводилось исследование.

«Наш проект совсем не является новым или необычным. Это был полностью открытый проект. У меня даже никогда не возникало мысли о том, что он может быть интерпретирован как попытка выведать российские военные секреты», — сказал Плеханов в интервью. «Все было сделано так, чтобы быть полезным для России и других стран, помочь им в военной реформе».

Он добавил, что арест Сутягина является частью более широкой тенденции к авторитарному правлению в России. «Мы видим подавление исследований в области национальной безопасности. Растут настроения недоверия и подозрительности по отношению к иностранцам, а также видна тенденция к изоляции России от внешнего мира».

В течение почти двенадцати месяцев И. Сутягин испытывает на себе всю тяжесть переполненного следственного изолятора. Его жена, Ирина, может видеться с ним только два раза в месяц, а то и меньше.

«Он в очень тяжелом физическом и психологическом состоянии», — сказала она в своем интервью.

«Сначала он был среди 28 человек в камере, которая рассчитана на восьмерых. Там было ужасно жарко и не было

воздуха. А в последние две недели его поместили в карцер... Там очень холодно, нет отопления, электричества, ничего. Его здоровье ухудшается. У него были проблемы с сердцем и сейчас они усугубляются».

Она сказала, что следователи ФСБ отказываются сообщать ей или адвокату какие-либо детали обвинения. «Я знаю только то, что уже объявлено. Конечно, это неправда. Я не знаю, почему все это происходит».

Существует определенная параллель между делом Сутягина и преследованием Александра Никитина, отставного капитана атомной подводной лодки, которого обвинили в государственной измене и шпионаже после того, как он принял участие в проекте по изучению радиоактивного загрязнения на российских военных базах.

Канада принимала деятельное участие в деле Никитина, поскольку он подавал заявление на получение канадской визы в тот момент, когда он был арестован в 1996 г. Его жена впоследствии переехала в Канаду. Никитин был оправдан судом в 1999 году.

Во время поездки в Канаду в марте этого года Подвиг имел возможность встретиться с министром иностранных дел Канады Ллойдом Эксуорси и рассказать ему о деле Сутягина. Министерство иностранных дел не заявляло никаких официальных протестов Москве, но, как сказал его представитель, «наблюдает за развитием событий».

«Его работа в канадском проекте по изучению военноподобных гражданских отношений была первоклассной и была посвящена теме, которая находится в сфере долгосрочных интересов Канады в ее отношениях с Россией и со странами Центральной и Восточной Европы».

После того как мы так долго были вовлечены в дело Никитина, мы очень внимательно относимся к фактам необоснованного обвинения в шпионаже и вмешательства российских секретных служб в правосудие», — сказал представитель министерства.

Дело № 52. Хронология.

27 октября 1999 г.

В 8 часов утра в квартире Игоря Сутягина в Обнинске появились сотрудники Калужского отделения Федеральной службы безопасности (ФСБ). После предъявления ордера они начали обыск, который продолжался практически весь день.

Игорь Сутягин был препровожден в Обнинское отделение ФСБ, где он был допрошен как свидетель по делу №52 о разглашении государственной тайны. Необходимо отметить, что в тот момент Игорь не был арестован и ему не было предъявлено никаких обвинений.

Во второй половине того же дня сотрудники ФСБ начали обыски в офисе Игоря Сутягина в Институте США и Канады, на квартире Джошуа Хэндлера и в офисе Павла Подвига в Москве. Эти обыски были, по всей видимости, скоординированы, так как все они были начаты около 16:30.

Джошуа Хэндлер — американский исследователь, который находился в Москве с июля 1999 г. в рамках программы академического обмена между Институтом США и Канады и Принстонским университетом, аспирантом которого Джошуа является. Игорь Сутягин участвовал в обеспечении визита Джошуа Хэндлера.

Во время обыска на квартире Джошуа Хэндлера, продолжавшегося более 7 часов, сотрудники ФСБ изымали компьютер, дискеты, рабочие материалы. Хотя сотрудники ФСБ и задавали вопросы, Джошуа не был допрошен и никаких обвинений ему не было предъявлено.

Павел Подвиг, в офисе которого также был произведен обыск, — российский гражданин, научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения. Павел Подвиг являлся редактором книги «Стратегическое ядерное вооружение России», которая была опубликована в октябре 1998 г., Игорь Сутягин — один из авторов этой книги.

Во время обыска в офисе Павла Подвига сотрудники ФСБ изыали рабочие материалы и принадлежащие Центру компьютеры. Кроме этого, сотрудники ФСБ опечатали все находившиеся в Центре копии книги «Стратегическое ядерное вооружение России». После завершения обыска в офисе сотрудники ФСБ провели обыск на квартире Павла Подвига.

29 октября 1999 г.

Вечером 29 октября Игорь Сутягин был арестован как подозреваемый в государственной измене и переведен в Калугу. До этого момента Игорь находился в отделении ФСБ в Обнинске, где он допрашивался как свидетель по делу о разглашении государственной тайны.

Несмотря на то что до вечера 29 октября Игорь Сутягин не был арестован, сотрудники ФСБ не позволяли ему покидать место допроса, «настоятельно не советуя» этого делать. Помимо прочего, подобный способ задержания позволил ФСБ в течение трех дней вести допросы при отсутствии адвоката. В то же время, сотрудники ФСБ разрешили Игорю позвонить родственникам и друзьям.

2 ноября 1999 г.

Сотрудники ФСБ провели повторный обыск в офисе Павла Подвига. По всей видимости, он являлся лишь продолжением обыска, начатого 27 октября. Так, в ходе обыска сотрудники ФСБ изыали копии книги «Стратегическое ядерное вооружение России», опечатанные в ходе первого обыска.

5 ноября 1999 г.

Игорю Сутягину предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ (Государственная измена). Эта статья предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком от 12 до 20 лет.

В тот же день Джошуа Хэндлер был вынужден покинуть Москву. Это стало результатом «скоординированных» усилий ФСБ и генерального консула США. ФСБ устроила открытую слежку за Джошуа, а генконсул США в очень резких выражениях рекомендовал Джошуа покинуть Россию.

26 апреля 2000 г.

Заместитель Генерального прокурора А. А. Рязанов удовлетворил ходатайство ФСБ о продлении срока следствия на три месяца. В соответствии с российским законодательством, заместитель Генпрокурора имеет право про-

длить срок следствия на шесть месяцев. После этого вопрос о продлении срока должен будет решаться Генеральным прокурором.

Май 2000 г.

Стало известно, что ФСБ расследует роль И. Сутягина в исследовательском проекте, посвященном изучению военно-гражданских отношений, осуществлявшемся канадскими университетами. Канадские ученые считают такой поворот событий «абсурдным».

Июнь 2000 г.

Межрегиональная Группа Правозащитная Сеть открыла страницу в сети, посвященную делу Сутягина. Родственники Игоря также открыли сетевую страницу с информацией о деле: <www.hro.org/actions/sutyagin>.

29 июня 2000 г.

В г. Калуге состоялось судебное заседание, на котором рассматривалась жалоба И. Сутягина на продление срока следствия и содержания под стражей. Судья оставила в силе решение заместителя Генерального прокурора, который удовлетворил просьбу ФСБ о продлении срока следствия. Игорь Сутягин остается под стражей.

1 июля 2000 г.

ФСБ обнародовала информацию о том, что Игоря Сутягина собираются обвинить в преступлении, не предусмотренном Уголовным кодексом РФ. В интервью, которое директор Института США и Канады С. М. Рогов дал «Независимой газете», он сообщил, что «мы получили разъяснение [следствия], что Игоря обвиняют в передаче иностранным представителям информации в ущерб безопасности России». ФСБ пыталась убедить С. М. Рогова в том, что «согласно отечественному законодательству передача каких-либо сведений представителям иностранных организаций за денежное вознаграждение подпадает под эту статью [275 ст. УК РФ о государственной измене], даже если эта информация не содержит государственной тайны». Как несложно понять, в действительности ничего подобного 275 статья УК РФ не содержит.

26 июля 2000 г.

Генеральная прокуратура в очередной раз удовлетворила ходатайство ФСБ о продлении срока следствия. На этот раз следствие продлено до 26 сентября 2000 г. Игорь Сутягин продолжает оставаться в следственном изоляторе г. Калуги.

Из Уголовного кодекса РФ

Статья 275. Государственная измена

Государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации, —

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

Примечание.

Лицо, совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьей, а также статьями 276 и 278 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

1. Государственная измена представляет собой акт предательства, т. е. оказание гражданином РФ помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в осуществлении враждебной деятельности против Российской Федерации. Кроме общей (родовой) формы измены в виде оказания помощи закон предусматривает ответственность за ее специальные формы — шпионаж, выдачу государственной тайны — если они направлены в ущерб внешней безопасности.

2. Внешняя безопасность как объект преступного посягательства означает состояние защищенности государственного и общественного строя России от угроз извне. Действия виновного создают угрозу суверенитету, территориальной неприкосновенности и обороноспособности РФ.

Указанные сферы общественных отношений тесно связаны между собой, и вопрос о том, какому компоненту нанесен наибольший вред, подлежит установлению в каждом конкретном случае на основании имеющихся материалов.

3. Государственная измена в форме шпионажа выражается в передаче, а равно в собирании, похищении или хранении в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также в передаче или собирании по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, если они совершаются гражданином России. Если подобные действия совершаются иностранным гражданином либо лицом без гражданства, то они квалифицируются по ст. 276 УК (см. комментарий к данной статье).

4. Государственная измена в форме выдачи государственной тайны выражается в действиях, связанных с передачей иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому они были доверены по службе или работе либо стали известны иным путем, за исключением их собирания либо похищения. В этом состоит отличие выдачи государственной тайны от шпионажа, при котором передаются либо хранятся с целью передачи сведения, которыми лицо не располагает по службе (работе).

Например, Т., будучи ведущим инженером режимного НИИ, по своей инициативе установил преступную связь с иностранной спецслужбой и выдал известные ему по работе сведения, составляющие государственную тайну.

Государственную тайну составляют защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации (ст. 2 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г.).

В указанном Законе (ст. 5) дается перечень сведений, которые могут быть отнесены к государственной тайне. Исчерпывающий же открытый «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне» утвержден Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. №1203.

Государственную тайну образуют сведения 3 степеней секретности: «секретно», «совершенно секретно» и «особой важности».

Выдача государственной тайны признается с момента перехода сведений, ее составляющих, в адрес иностранного государства, иностранной организации либо их представителей. Представителями иностранного государства и иностранной организации являются их официальные лица (члены правительственных делегаций, сотрудники дипломатичес-

ких представительств в России, сотрудники иностранных спецслужб, члены иностранных негосударственных организаций т. д.), а также иные лица, выполняющие их поручения.

Могут иметь место стадии приготовления либо покушения на преступление (например, задержание виновного при попытке передать сведения указанным адресатам).

5. Иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности против России выражается в совершении различных деяний, направленных на оказание им содействия в проведении разведывательной и иной подрывной деятельности против основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации, если они не охватываются другими формами государственной измены.

Объективно оказание помощи связано с установлением контакта (связи) гражданином России с представителями иностранного государства или иностранной негосударственной организации и совершением по их заданию:

а) других (кроме измены) преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства;

б) деяний, не образующих признаков указанных преступлений, но наносящих ущерб внешней безопасности РФ.

В первом случае действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений: государственная измена и конкретное преступление данного вида (террористический акт, диверсия, вооруженный мятеж и т. д.).

Во втором случае круг деяний многообразен и не имеет исчерпывающего перечня. Объединяющим началом является их направленность против внешней безопасности России. Это могут быть: вербовка агентуры для иностранной спецслужбы; подбор явочных и конспиративных квартир; оказание содействия иностранным эмиссарам и кадровым разведчикам в приобретении документов прикрытия, устройстве на работу, связанную с доступом к государственным секретам, и т. п. Оказание помощи может быть как в мирное, так и в военное время.

Преступление считается *оконченным* с момента фактического оказания помощи. Могут иметь место стадии совершения преступления.

Приготовление к преступлению образуют разработка плана оказания помощи, создание условий для установления контакта с адресатами, приведение в систему, удобную для выдачи, тех сведений и возможностей, которыми располагает данное лицо, и т. д.

Как *покушение* на преступление квалифицируются неудавшаяся попытка установить контакт с представителями иностранного государства или иностранной организации, совершение действий, направленных на оказание помощи, которой иностранная разведка не могла воспользоваться, и т. п.

6. Государственная измена совершается только с *прямым умыслом*, т. е. виновный сознает общественно опасный характер действий, указанных в диспозиции данной статьи, и желает их осуществить. Некоторые авторы высказывали мнение о возможности совершения измены и шпионажа с косвенным умыслом, однако данная позиция не нашла отражения в практике и дальнейшем развитии теории.

Для квалификации преступления подлежит установлению направленность умысла — *нанести ущерб внешней безопасности России*. При этом мотивы могут быть самыми разными: корысть, месть, националистические побуждения и т. д. Мотивы, хотя и не указаны в данной норме, имеют большое значение в раскрытии механизма совершения преступления, определении степени вины и назначении наказания.

7. **Субъектом государственной измены** признается только гражданин России, достигший шестнадцати лет. Соучастниками же преступления (кроме исполнителя) могут быть иностранные граждане и лица без гражданства.

Гражданин России может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство). При совершении им государственной измены он также подлежит уголовной ответственности, поскольку «наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации» (п. 2 ст. 62 Конституции РФ).

8. Примечание к ст. 275 УК предусматривает **возможность освобождения от уголовной ответственности**, если:

а) лицо добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом содействовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации;

б) в его действиях не содержится иного состава преступления.

Данная поощрительная норма призвана показать человеку, совершившему оконченное преступление, путь к отступлению и при выполнении им указанных условий гарантировать освобождение от уголовной ответственности.

Статья 276. Шпионаж

Передача, а равно собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, если эти деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства, — наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Примечание.

1. **Общественная опасность** шпионажа заключается в том, что из владения государства могут уйти важнейшие сведения, составляющие государственную тайну. Кроме того, шпионаж, как преступное деяние, создаст условия для совершения других преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Именно поэтому предметом шпионажа может быть наряду с государственной тайной иные сведения, не образующие государственной тайны.

2. **К иным сведениям** может относиться любая информация, не составляющая государственной тайны, которую лицо собирает по заданию иностранной разведки для использования ее в ущерб внешней безопасности:

характеризующие данные на ответственных должностных лиц, пробы почвы, воды в определенной местности, снимки или схемы крупных железнодорожных узлов, транспортных развязок и т. п. Подобные сведения собираются разведками для перспективного решения вербовочных задач, совершения диверсий, разработки стратегических планов подрывной деятельности на особый период и т. д.

3. Шпионаж **объективно** выражается в передаче, собирании, похищении или хранении с целью передачи указанным адресатам сведений, составляющих государственную тайну, либо в передаче или собирании по заданию иностранной разведки иных сведений.

Передача сведений — это сообщение их любым способом адресату (устно, письменно, через посредника, с использованием технических средств, тайников и т. д.).

Собирание есть любая, кроме похищения, форма получения названных сведений для последующей их передачи указанным в законе организациям и лицам. Способы собирания могут быть самыми разнообразными (наблюдение, включая применение технических средств; общение с секретносителями и выведывание сведений при разговорах; подслушивание бесед специалистов; несанкционированное подключение к техническим средствам связи и т. п.).

Похищение сведений, как разновидность их собирания, может осуществляться и тайно, и открыто. Если похищаемые сведения находятся на материальных объектах (изделиях, деталях, узлах, материалах и т. п.), то при наличии признаков кражи либо другой формы хищения такие действия квалифицируются по совокупности со шпионажем.

Хранение сведений означает любой способ их сбережения, обеспечивающий сохранность и неизменность информации при ее последующей передаче.

4. **Шпионаж, предметом которого является государственная тайна**, может совершаться либо инициативно, либо по заданию иностранного государства. Данное преступление окончено с момента совершения указанных выше действий. Установление контакта с иностранной разведкой и получение от нее задания является приготовлением к данному преступлению. Пресеченная попытка собрать сведения, например путем кражи, образует покушение на преступление.

5. **Шпионаж, предметом которого являются иные сведения**, образует *оконченное* преступление, если передача, или собирание сведений осуществляется по заданию иностранной разведки. Если указанные действия совершаются инициативно, но с целью последующей передачи сведений иностранной разведке, они образуют *приготовление* к данному преступлению.

6. **Субъективная сторона шпионажа** характеризуется **прямым умыслом**, т. е. осознанием лицом общественно опасного характера совершаемых действий и желанием действовать в ущерб внешней безопасности России. *Мотивы* и *цели* могут быть различными. Как показывает практика, чаще всего проявляют себя корыстные побуждения при наличии цели обогатиться противоправным способом.

7. **Субъектом** (исполнителем) шпионажа может быть только иностранный гражданин либо лицо без гражданства, достигшее шестнадцати лет. Соучастниками данного преступления (организаторами и подстрекателями) могут выступать и граждане РФ при отсутствии в их действиях признаков государственной измены (см. комментарий к ст. 275). Пособнические действия гражданина России по оказанию помощи в совершении шпионажа иностранным гражданином либо лицом без гражданства квалифицируются как государственная измена.

8. На норму о шпионаже распространяет свое действие примечание к ст. 275 УК, где сформулирована поощрительная норма об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего шпионские действия, но выполнившего условия, призванные предотвратить дальнейший ущерб интересам Российской Федерации (см. комментарий к ст. 275).

Текст статей и комментарий к ним приведен по книге «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации». Изд. 3-е, изм. и доп. Под общей редакцией Генерального прокурора Российской Федерации, профессора Ю. И. Скуратова и Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М., 1999. — С. 708-712.

Директор Института США и Канады РАН Сергей Рогов:

...Сутягин пришел в наш институт аспирантом десять лет назад, защитил кандидатскую диссертацию и, в отличие от многих других, не ушел в коммерцию, а продолжил аналитическую работу. Поэтому я и рекомендовал его на должность заведующего сектором в отделе военно-политических исследований. Мы не раз говорили с ним и о докторской диссертации. Его арест был для всех нас неожиданностью. Ведь мы в нашей работе не пользуемся секретными документами, а только открытыми источниками. Поэтому никто из сотрудников по роду своей работы в институте не может разгласить какие-то государственные тайны.

...Мы обратились к следствию с просьбой официально разъяснить суть и характер предъявленных Сутягину обвинений. В ответ мы получили разъяснение, что Игоря обвиняют в передаче иностранным представителям информации в ущерб безопасности России. По мнению следствия, это обвинение получило свое подтверждение в ходе расследования. У меня нет оснований обвинять следствие в предвзятости, но только суд может установить виновность обвиняемого. Поэтому мы исходим из презумпции невиновности и до суда не можем согласиться с выдвинутыми против сотрудника института обвинениями.

...На наш запрос следствие сообщило, что тот факт, что Сутягин не имел доступа по работе к секретным сведениям, «на квалификацию преступления не влияет». По мнению следствия, Игорь собирал, хранил и передавал «сведения, составляющие государственную тайну, и иные сведения о военно-политическом и оборонном потенциале России». Нам было сообщено, что более подробная информация об обстоятельствах расследования и существе предъявленного обвинения пока не может быть представлена.

...Этот вопрос обсуждался на заседании ученого совета института, единогласно поддержавшего ходатайство об изменении Сутягину меры пресечения под наше поручительство. Мы не оказываем давления на следствие, но просим учесть состояние его здоровья и материальное положение семьи (у Игоря двое детей). Однако Генеральная прокуратура санкционировала продление срока его пребывания под стражей, а Калужский суд оставил меру пресечения без изменений.

Сотрудник Центра по изучению проблем разоружения Павел Подвиг:

Опубликованное в «Независимой газете» 1 июля интервью с С. М. Роговым, директором Института США и Канады, посвященное делу Игоря Сутягина, дает редкую возможность составить представление о том, в чем конкретно ФСБ может обвинить Сутягина. Как справедливо отмечено в интервью, это дело приобретает все больший общественный резонанс. Следует сказать, что для этого есть серьезные основания, так как дело Сутягина во многом беспрецедентно.

Следует согласиться с Роговым, который не верит в политический характер этого дела. Ситуация выглядит гораздо серьезней. Та информация, которую ФСБ сочла возможным сообщить на прошлой неделе, равно как и та, что была обнародована раньше, определенно говорит о том, что основная причина, по которой появи-

лось дело Сутягина, — удручающая безграмотность работников калужской ФСБ.

Действительно, директору Института США и Канады, как и всем, кто занимается научными исследованиями, сложно поверить в то, что объектом внимания следствия стал опрос о состоянии военно-гражданских отношений, который Сутягин проводил по просьбе канадского университета Йорк (и следует отметить, с ведома и согласия руководства своего института). И нет ничего удивительного в том, что ФСБ в официальных сообщениях заверяет всех, что она не видит в этом опросе ничего противозаконного. Более того, есть основания полагать, что ФСБ не исключит факт участия Сутягина в этом опросе в окончательное обвинение. Если бы это произошло, стало бы совершенно беспрецедентным фактом объявление шпионажем научной работы, выполненной в соответствии с самыми высокими стандартами открытости и профессионализма.

Но даже если эпизод с канадским опросом и не будет включен в окончательное обвинение, это ничего не изменит — есть достаточно убедительные свидетельства того, что следователи ФСБ совершенно искренне полагают, что этот опрос является частью «шпионской деятельности» Сутягина. И если сегодня оставить этот факт без надлежащего внимания, удовлетворившись заверениями следствия, то завтра подобного рода обвинения будут делаться совершенно открыто и беззащитно.

Совсем неудивительно, если окажется, что и остальные эпизоды, которые расследует ФСБ, окажутся похожими на эпизод с опросом, проведенным канадским университетом, а в чем-то, возможно, и превзойдут его. Об уровне работы, которую ведет следствие, можно судить, например, по такому факту: оправдывая свои подозрения в отношении американского коллеги Сутягина, ФСБ приводила в качестве основания для них тот факт, что он якобы работает в институте, в котором служит племянник бывшего директора ЦРУ.

К сожалению, обществу скорее всего не удастся узнать, в чем конкретно ФСБ обвиняет Сутягина, так как его дело засекречено и будет слушаться в закрытом судебном заседании. Вполне возможно, что причина засекречивания дела как раз и состоит в том, что следствие боится выставить свое невежество на суд общества и понимает, что отстоять свою позицию в открытом суде ему не удастся. Других причин, оправдывающих секретность, попросту не существует. Игорь Сутягин никогда не имел допуска или доступа к секретным сведениям, и, кроме того, в изъятых у него бумагах не было секретных (то есть имеющих соответствующий гриф) бумаг или материалов. Следствие, говоря о неких «сведениях, составляющих государственную тайну, и иных сведениях о военно-политическом и оборонном потенциале России», как несложно понять, имеет в виду найденные у Сутягина газетные вырезки и другие открыто и законно опубликованные материалы.

Тот факт, что следователи ФСБ не могут понять, каким образом в открытых публикациях могут содержаться сведения, составляющие государственную тайну, и как при этом она может оставаться неразглашенной, вряд ли способен кого-то удивить. Удивление вызывает то, что свою очевидную безграмотность и непрофессионализм следствие пытается скрыть за завесой секретности и продолжает держать в следственном изоляторе человека, который, похоже, виноват лишь в том, что умеет анализировать прочитанное лучше, чем это умеют делать следователи ФСБ.

Дело N 52. Радио Свобода. Программа «Права человека»

Ученого из Обнинска ФСБ обвиняет в «нанесении ущерба безопасности российского государства»

Девятый месяц содержится в калужском СИЗО сотрудник военно-политического отдела Института США и Канады, житель Обнинска Игорь Сутягин. ФСБ обвиняет его в нанесении ущерба безопасности российскому государству. Ученому грозит лишение свободы сроком до двадцати лет. О деле Игоря Сутягина рассказывает наш обнинский корреспондент Алексей Собачкин.

Алексей Собачкин:

Игорь Сутягин — ученый с большим спектром интересов. Он закончил физический факультет МГУ, а кандидатскую диссертацию защитил как историк, исследуя военно-морскую стратегию США шестидесятых-восемидесятых годов. В 1998 году в Москве вышла книга «Стратегическое и ядерное вооружение России», в которой Сутягин написал главы о создании и эксплуатации ядерных боеприпасов и о стратегической обороне. Он публиковал свои статьи в «Морском сборнике», «Зарубежном военном обозрении» и других специализированных журналах. В Обнинском учебном центре военно-морского флота, где проходят переподготовку экипажи ядерных подводных лодок, Сутягин на общественных началах читал офицерам лекции о подводном флоте США.

Все свои исследования Игорь Сутягин проводил по открытым источникам и публикациям, не содержащим государственную тайну. По роду своей деятельности он НЕ ИМЕЛ ДОПУСКА К СЕКРЕТАМ. Он часто встречался с иностранными учеными и дипломатами в рамках совместных научных проектов России и других государств.

Незадолго до ареста Сутягин оказывал помощь в работе над диссертацией американцу Джошуа Хэндлеру, аспиранту Принстонского университета, который был приглашен в Россию Институтом США и Канады. Его диссертация была посвящена проблемам стратегических ядерных вооружений. Когда в октябре 1999 года Сутягина арестовали, то у Хэндлера произвели обыск и изъяли компьютер. Никаких конкретных обвинений американскому аспиранту не предъявили. Он через месяц покинул Россию и больше сюда не возвращался.

Под наблюдение ФСБ Игорь Сутягин попал еще в 1998 году, когда стал оказывать информационные услуги различным зарубежным фирмам. Эти услуги заключались в анализе военно-политической ситуации в России. Работа выполнялась по открытым источникам: газетам, журналам и книгам. За нее Сутягин, разумеется, получал деньги. Родители Игоря, обнинские ученые Вячеслав и

Светлана Сутягины, считают, что произошло, мягко говоря, недоразумение, так как анализ открытых источников и публикаций не может нанести ущерба обороноспособности России.

Однако у Калужского управления ФСБ другое мнение. Игорь находится под следствием, два его компьютера изъяты, другое имущество описано. Директор Института США и Канады Сергей Рогов был удивлен арестом своего сотрудника, сказав, что это было большой неожиданностью, так как специалисты института в своей работе не пользуются секретными документами.

Известный ученый академик Евгений Велихов обратился с ходатайством в Калужское управление ФСБ с просьбой изменить Сутягину меру пресечения на подписку о невыезде. Велихов поручился за подследственного, но его просьба осталась без внимания.

29 июня 2000 года состоялся суд, на котором рассматривался вопрос об освобождении Сутягина из-под стражи. Было вынесено решение — оставить ученого в следственном изоляторе. Там он, до последнего времени, находился в невыносимо тяжелых условиях. В камере, рассчитанной на восемь человек, содержалось двадцать восемь подследственных. Мало того, Сутягина однажды поместили в карцер. Когда родственники возмутились таким обращением с Игорем, им пришло письмо из калужской прокуратуры, в котором было написано, что Сутягин помещался в карцер «не в качестве меры взыскания, а с учетом его личного желания о соблюдении к нему требований закона об изоляции от других категорий заключенных», — конец цитаты. 26 июля заканчивается очередное продление срока содержания под стражей, но, по всей видимости, следствие будет продолжаться еще месяц-два.

Илья Дадашидзе:

«Дело Игоря Сутягина для меня — особое дело», — утверждает председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева.

Людмила Алексеева:

Я разговаривала с его друзьями, с его родителями. Я прочла все имеющиеся по этому делу документы. И не нужно быть юристом, а нужно быть просто человеком в здравом уме для того, чтобы понять: этот человек абсолютно невиновен. И для того, чтобы понять, как опасно возникновение такого дела у нас в России. С моей точки зрения, если Сутягин будет осужден, это один, но очень серьезный шаг к тому, чтобы над нашей страной снова опустился железный занавес, за которым мы жили больше семидесяти лет.

Представьте себе: если за разговоры на научные темы, основанные на открытых, опубликованных источниках, можно загреметь в тюрьму по такому страшному обвинению, какое предъявляется Сутягину, то кто же из российских ученых согласится дальше поддерживать контакты со своими коллегами за рубежом?

А представляете себе, чем это грозит нашей стране, если эти научные контакты будут прекращены или хотя бы сужены? Мы и так отстали невероятно от цивилизованного мира во многих областях науки. Мы отстанем еще больше, мы отстанем безнадежно. И дело не только в научных связях. Каждый гражданин будет бояться контактов с иностранцами, как боялся в советское время. Причем, я бы сказала даже, в сталинское, а не в самые последние годы, потому что в последние годы люди, вроде бы, перестали бояться.

Почему ФСБ так взялась за Сутягина? Я не могу это объяснить иначе как желанием взять реванш за то, что не удалось осудить Никитина, за то, что не удалось посадить Пасько, за то, что сорвалось дело Сойфера и другие дела, где пытались доказать, что люди нарушили какую-то пресловутую секретность, не вторгаясь в ту область, которая запрещена для разглашения.

Это совершенно очевидно сшитое дело, шитое белыми нитками и тем не менее вызывающее большую тревогу, потому что мы знаем, что по этому обвинению можно устроить закрытый суд, и тогда самым неловким образом сшитое дело может закончиться обвинением.

Илья Дадашидзе:

Не нужно быть юристом, чтобы понять: Игорь Сутягин невиновен, — утверждает Людмила Алексеева. В отличие от нее, сотрудник Московского института прав человека Валентин Гефтер считает необходимым сосредоточиться на юридических аспектах этого дела, несмотря на всю его закрытость.

Валентин Гефтер:

Я думаю, что здесь есть два аспекта в том поле, о котором я хочу говорить в первую очередь, — правовом. Собственно, что представляет собой статья 275 Уголовного кодекса, по которой Сутягин обвинен? Позволю себе процитировать. Кроме шпионажа и выдачи государственной тайны, которая инкриминируется этой статьей, есть еще понятие «иностранный оказание помощи иностранному государству, организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации». Здесь два понятия — помощь иностранцам в проведении враждебной деятельности и ущерб внешней безопасности.

Я думаю, что когда обвиняют в подобного рода деяниях, хотя мы не знаем сейчас с вами и не можем знать до суда, да, я боюсь, и после суда не узнаем, поскольку он будет закрытым, что же составляло ущерб внешней безопасности, следствие и суд должны доказать, что эта помощь, если она оказывалась иностранному государству, именно в проведении враждебной деятельности.

Статья, может быть, не идеально сформулирована, но она все-таки ставит довольно серьезные ограничения. Не любое деяние, которое следствие считает ущербом для нашей внешней безопасности, может быть инкриминировано тому или другому человеку, в данном случае Игорю Сутягину, а только то, которое подразумевает, что это была помощь определенному государству, или фирме, или представителю, в проведении деятельности, враждебной нашей стране.

Это первый аспект, на который я хочу обратить внимание, потому что очень часто, в современных условиях, следствие особенно, а может быть, и суд, не обращают внимания на эту очень важную часть этой 275.

А теперь по сути самого дела, которое напоминает многие другие дела, и которыми мы, правозащитники, занимались на протяжении последних лет. Мы с вами понимаем, что интеллектуальный уровень любой аналитики сильно повысился за последние годы, за последние десятилетия. Этот уровень очень смущает нашу контрразведку, нашу ФСБ. И она начинает вводить понятие «открытой разведдеятельности», о которой уже несколько раз говорила применительно к самым разным делам — и экологов, и собирателей общественно-политической информации для иностранных общественных организаций, и государств даже, и вот, как в деле Сутягина, по работе с канадскими университетами, для которых он брал интервью...

Эти интервью, эти опросы, уже опубликованы. И поэтому по содержанию опубликованных интервью, я думаю, инкриминировать ничего нельзя, поскольку они опубликованы в открытой печати, и каждый может увидеть, что никакого ущерба там нет.

Так вот, эти обвинения в «открытой разведдеятельности» носят абсолютно не правовой и, я бы сказал, даже не умный характер. Потому что любую аналитику, которая позволяет не только сбор информации, но и ее обдумывание, ее сопоставление и производство каких-то выводов, можно представить как некий уже ущерб, как некое превышение того, что конкретно содержится в источниках этой информации.

Таким образом, вот это представление об «открытой разведдеятельности», введенное в последние годы ФСБ, кстати говоря, публично, — мы читали это уже в ряде публикаций в открытой печати, — представляет собой очень опасную тенденцию, которая, как мы видим, применяется в самых разнообразных направлениях.

Я думаю, что недаром комментарии по делу Сутягина, я еще раз подчеркиваю: даже людей, которые не знают сути конкретных предъявленных ему эпизодов и нюансов дела, говорят о том, что его интеллектуальный аналитический уровень настолько превышает представление ФСБ, и особенно сотрудников одного из областных управлений ФСБ, что для них это, может быть, даже добросовестно заблуждающихся, кажется чуть ли не шпионажем в пользу иностранного государства, или, по крайней мере, оказанием ему помощи.

Академик Алексей Яблоков:

...Я говорил много раз и считаю по-прежнему, что дело Игоря связано с изъятием у Джошуа Хэндлера космических снимков наших ядерно-оружейных территорий. Эти снимки, которые незадолго до приезда Джошуа в Россию были рассекречены в США, он имел в своем компьютере и показывал на двух своих выступлениях. По его словам, они вызвали большой интерес у военных, которые открыто заявляли, что их надо немедленно засекретить! Чтобы не возиться с легальным получением этих снимков в США (надо платить за них, надо посылать и тем самым «засвечивать» каких-то наших людей там), ФСБ, не исключено, что по просьбе Минобороны, решила просто изъять их у Джошуа под каким-то предлогом. Просто обыск и конфискация у американца были бы трудно объяснимы. Поэтому и придумали «дело Сутягина»...

Главный редактор журнала «Индекс/Досье на цензуру» Наум Ним:

...Прошу Вас обратить внимание на тревожную практику ФСБ РФ по внедрению в общественное сознание представлений о том, что информационное сотрудничество российских граждан с иностранцами (или с иностранными организациями) может быть квалифицировано как измена Родине.

...В известных делах Мирзоянова, Никитина и Пасько ФСБ РФ безуспешно старалась выстроить обвинение в шпионаже. Указанные дела развалились в суде не только потому, что обвинения были несостоятельными. Главным было внимание СМИ, при котором российский суд не решился согласиться с обвинениями, не подтвержденными убедительными доказательствами.

Когда подобные процессы проходят без внимания журналистов — суд послушно утверждает обвинительным приговором голословные предположения спецслужб.

Сами же спецслужбы все более успешно выводят такие дела из поля внимания СМИ. Вначале они предлагают не торопиться и не мешать следствию. Потом они дозируют любую информацию под предлогом секретности следствия. В ходе закрытого судебного процесса выносятся обвинительный приговор. Вроде все цивилизованно. Однако при этом во время следствия обвиняемый находится в пыточных условиях сегодняшней российской тюрьмы и в полной власти следственной бригады, полностью игнорирующей законы по обращению с обвиняемым. Кроме того, все участники следствия заранее опутаны подпольской и все разглашения (которую следователи толкуют в самом широком смысле, не допуская разглашения сведений даже о незаконных методах следствия). В это же время само обвинение в коротких комментариях сообщает о полном установлении вины обвиняемого.

Другими словами, следствие и суд по указанным делам полностью выведены из поля общественного внимания (и общественного контроля). Это очень благоприятная атмосфера для фальсификации дел по измене Родине.

...Пугающим представляется дело Игоря Сутягина, так как здесь ФСБ в открытую заявила, что Сутягин виновен в передаче иностранным представителям информации в ущерб безопасности России. Не шпионаж, не разглашение тайн, к которым Сутягин не имел никакого допуска, а передача информации.

Это можно применять к любому журналисту, работающему с иностранными коллегами, да и к любому гражданину страны, работающему, скажем, по грантам иностранных организаций...

Академик Евгений Велихов:

Начальнику следственного отделения УФСБ РФ
по Калужской области
В.С. Калашникову

Уважаемый Виктор Сергеевич!

Мне стало известно, что в Вашем ведении находится дело в отношении Игоря Вячеславовича Сутягина, обвиняемого в государственной измене (статья 275 УК РФ). Насколько мне известно, в настоящее время И. В. Сутягин находится под стражей.

Я знаю Игоря Вячеславовича Сутягина со времени окончания им университета как ответственного и порядочного человека. Я убежден в том, что в случае изменения ему меры пресечения он не будет предпринимать каких-либо шагов, направленных на сокрытие обстоятельств дела или препятствовать ходу следствия.

В связи с этим я убедительно прошу изменить И. В. Сутягину меру пресечения на не связанную с содержанием под стражей. Я готов выступить личным поручителем Игоря Вячеславовича Сутягина, как это предусмотрено статьей 94 УПК РСФСР.

С уважением

Копия: Прокурору Калужской области

Григорий Пасько:

...Арест Игоря происходил буквально на моих глазах: в то время я только вышел из тюрьмы и был в Москве. Я (и не только я) удивлялись отсутствию информации по поводу ареста — от адвокатов, жены, друзей, ученых-коллег... Я знаю Хэндлера, знаю, что он ученый, а не шпион (в «моем» деле он тоже фигурирует). Теперь я знаю, что и Игорь невиновен. Я убежден, что текст обвинительного заключения содержит идентичные абзацы моего ОЗ.

Думаю, что необходимо постоянно, регулярно публиковать в Интернете, в прессе, на ТВ больше информации об этом деле, о ходе следствия и затем судебного заседания. КГБ не любит света, гласности, все свои преступления они привыкли творить в тени. Они привыкли к безнаказанности. Еще никто из них — ни по делу Никитина, ни по моему делу, ни по делу Моисеева (дело Дудника до сих пор закрыто) — не понес уголовного наказания. И чем дольше мы будем молчать, тем наглее они будут.

Желаю Игорю стойкости, выдержки и мужества. ТАМ не сладко: я почти два года отсидел в СИЗО, из них год — в подвале-одиночке. За это время я написал книгу стихов и книгу прозы. Писать Игорь умеет, время есть, писать по закону не запрещено — пусть пишет. Потом и его опыт всем нам пригодится.

Жене и дочкам — тоже выдержки. Когда-нибудь все кончается. Моя семья меня поддерживала в первую очередь своей верой в меня...

Информация по делу Игоря Сутягина в Интернете:

<http://www.hro.org/actions/sutyagin>

<http://www.case52.org>

<http://www.chat.ru/~scotch13>

Из письма Гарольда Шапиро (Принстонский университет) президенту Российской Академии наук Юрию Осипову:

Уважаемый Академик Осипов,

Я обращаюсь к Вам для того, чтобы обратить Ваше внимание на ситуацию, которая, на мой взгляд, очень серьезна, так как может угрожать совместным исследованиям, которые ведут ученые России и Соединенных Штатов...

Насколько мне известно, исследовательская работа Дж. Хэндлера попала в поле зрения ФСБ в связи с делом И. Сутягина, который был арестован ФСБ в октябре 1999 г. по обвинению в государственной измене и шпионаже. В моем распоряжении оказался транскрипт передачи «Вести», показанной по российскому государственному телевизионному каналу РТР 30 октября 1999 г. В этой передаче утверждалось, что «среди связей Сутягина установлены кадровые разведчики США и Великобритании. А совсем недавно он встречался с сотрудником Принстонского университета Джошуа Хэндлером. При обыске квартиры Хэндлера в Москве были изъяты материалы разведывательного характера. ФСБ не сомневается, что и Хэндлер имеет отношение к сбору секретной информации».

«Настораживает оперативников прежде всего тот факт, что Хэндлер, плюс ко всему, является сотрудником Центра стратегических и международных исследований. Этот Центр, по данным ФСБ, ведет двойную исследовательскую работу. Кроме того, с 1995 г. отдел, занимающийся Россией и странами СНГ, возглавляет племянник экс-президента США Кит Буш, который является кадровым сотрудником спецслужб США».

...Сотрудники и студенты Принстонского университета проводят исследования во многих странах. Обвинения в шпионаже, выдвинутые против одного из них, способны поставить под вопрос законность других исследовательских проектов. Поэтому я внимательно изучил ситуацию и обнаружил, что подозрения ФСБ не имеют под собой абсолютно никаких оснований.

Прежде всего, Хэндлер никогда не имел никакого отношения к расположенному в Вашингтоне Центру стратегических и международных исследований (CSIS). Я могу предположить, что утверждения ФСБ основаны на том, что ее сотрудники неверно прочитали название одного из исследовательских центров Принстонского университета, с которыми Хэндлер действительно связан — Центра международных исследований (CIS) или Центра по изучению проблем энергетики и окружающей среды (CEES).

Во-вторых, что касается «материалов разведывательного характера», которые ФСБ якобы нашла у Хэндлера, то у него с собой были рассекреченные спутниковые снимки территории Советского Союза 30-летней давности. О рассекречивании этих материалов объявил вице-президент США Эл Гор в 1995 году в специальной речи. Хэндлер взял эти материалы в Национальном архиве США и использовал их в своем исследовательском проекте, целью которого было изучение возможности безопасного размещения боеголовок, снятых с ракет...

...Я прошу Вас разъяснить ФСБ, что подобное обращение с американскими учеными, проводящими открытую научную деятельность в России, будет иметь очень разрушительные последствия для очень важного научного сотрудничества между учеными России и США.

С уважением,
Гарольд Т. Шапиро

**Письмо дочерей Игоря Сутягина
Президенту РФ Владимиру Путину:**

Здравствуйте, Владимир Владимирович! Мы, Сутягинны Оксана и Настя, просим Вас защитить нашего папу, Сутягина Игоря Вячеславовича. Его считают шпионом и уже девять месяцев содержат в тюрьме. Он не шпион!!! Он учил нас любить Россию, читал книги о русских героях, возил по историческим местам. Был в разных, странах рассказывал, что там хорошо, но у нас, на Руси, в тысячу раз лучше!!! Наш папа очень хороший, добрый, самый лучший в мире. Он никогда не курил, не употреблял спиртных напитков, не ругался.

Он очень любит нас и не мог изменить нам (сделать так плохо).

Мы не хотим, чтобы бабушка плакала, а дедушка так быстро старел. Наш кот Кузя и собака Юна тоже скучают!

Папа поддерживает нас открыточками, которые он делает сам. Но этого нам мало.

Мы не хотим жить без папы!!! Он не виноват!!!

Помогите нам, пожалуйста.

Оксана. Настя.

249039, Россия,
Калужская обл.,
г. Обнинск,
ул. Звездная,
д. 1а, кв. 82
Сутягинны Ирины,
Оксаны и Нasti.

Письмо Игоря Сутягина из тюрьмы:

Вот уже почти 10 месяцев, с октября 1999 года, я нахожусь в заключении по обвинению в государственной измене. Причем основанием для такого тяжкого обвинения Управление ФСБ по Калужской области считает тот факт, что я на протяжении года делал для иностранной фирмы обзоры публикаций отечественной прессы по военной тематике.

Я не теряю все еще надежды на то, что истина все-таки восторжествует. Однако я хочу обратить Ваше внимание на то, что мой случай может стать прецедентом для того, чтобы обвинять людей в шпионаже, проявляя себя в пересказе иностранцам статей, опубликованных в наших газетах и журналах. Возможно, Вы не согласитесь со мной, но я полагаю, что такое развитие событий было бы опасным шагом прочь от свободы граждан нашей страны.

В такой ситуации я обращаюсь к Вам с просьбой: поддержите мою семью, мою супругу Ирину — им очень тяжело переносить эту ничем не обоснованную разлуку. И сделайте все, что в Ваших силах, для того, чтобы не допустить возникновения в нашей стране положения, когда пересказ иностранцу выступления Президента, опубликованного в газетах, будет достаточным основанием для того, чтобы обвинить человека в предательстве и измене Родине.

Я очень рассчитываю на Вашу помощь и нуждаюсь в ней.

15 августа 2000 г.

Внесен в «закрытый список»...

6 июня 2000 года произошло чрезвычайное событие: Министерство иностранных дел России отказало известному общественному и религиозному деятелю Тэрасаве Дзюнсею в выдаче въездной визы. Причем сотрудник МИД пояснил, «что по линии МИДа МИАС «Тэрасава чист» и что приглашение уже было выписано 16 мая 2000 г., но его выдача была приостановлена указанием Федеральной службы безопасности РФ, поскольку данный гражданин внесен в некий «закрытый список ФСБ».

Дело в том, что Тэрасава, как представитель неправительственной организации Международное Бюро Мира, участвовал в работе 56-й сессии Комиссии ООН по правам человека, которая проходила с 20 марта по 28 апреля 2000 г. в Женеве. Д. Тэрасава в своем выступлении, а также в общении с членами делегаций говорил правду о фактах военных преступлений против мирного населения и серьезнейших нарушениях прав человека в Чечне с начала нынешней войны.

Случай с господином Тэрасавой — не частный эпизод. Если неправительственные организации России не выскажут свой решительный протест практике возрождения «черных списков ГБ» — завтра из России вышлют честных иностранных журналистов, представителей благотворительных фондов и т.д. А послезавтра в эти «черные списки» может попасть любой российский общественный активист.

Министру иностранных дел
Иванову Игорю Сергеевичу
121200 Россия, Москва,
Смоленская-Сенная пл., д.32/34
Телефон: (095) 244 1606
E-mail: ministry@mid.ru
Info@dks.ru

Заявление

11 июня 2000 года

«Об отказе МИД РФ в выдаче въездной визы г-ну Тэрасаве Дзюнсей»

Уважаемый Игорь Сергеевич!

Как стало известно нашей неправительственной правозащитной организации, 6 июня 2000 г. атташе ДКС МИДа г-н Захаров сообщил об официальном отказе в выдаче визы гражданину Японии Тэрасаве Дзюнсею, устно пояснив, что по линии МИДа МИАС «он чист» и что приглашение уже было выписано 16 мая 2000 г., но его выдача была приостановлена указанием Федеральной службы безопасности РФ, поскольку данный гражданин внесен в некий «закрытый список ФСБ».

Господин Тэрасава известен нам в течение пяти лет как глубоко нравственный, порядочный человек, чрезвычайно много сделавший для мирного разрешения конф-

Справка «Карты»:

Г-н Тэрасава Дзюнсей родился в 1950 г. в префектуре Исикава, Япония. В 17 лет познакомился с Достопочтенным Нитидацу Фудзии, настоятелем буддийского ордена Ниппондзан Меходзи, и стал его учеником. Прожил в Индии 6 и в Европе 15 лет, главным образом в Англии, путешествуя и практикуя как буддийский монах, а также занимаясь активной миротворческой деятельностью. Во время войны в Персидском заливе был одним из организаторов Лагеря Мира под открытым небом. В 1988 году впервые посещает Советский Союз. Неоднократно встречался с М. С. Горбачевым, равно как и с другими руководителями разных стран. В 1992 году появляются общины его учеников-монахов в России и на Украине. С 1995 года вместе с учениками неоднократно посещал Чечню с миротворческими и гуманитарными миссиями. Широко известен во многих кругах российского общества.

ликов, происходящих в нашей стране. Трудно даже предположить, что такой человек мог совершить действия, связанные с нарушением закона.

Тэрасава Дзюнсей широко известен в среде российских и зарубежных неправительственных организаций и религиозных конфессий. Отказ в выдаче визы такому человеку будет воспринят как демонстрационный политический шаг, как отступление от принципов демократии в России.

Практика «закрытых списков», на наш взгляд, глубоко порочна и свойственна только закрытым обществам с авторитарными и тоталитарными режимами, к числу которых Российская Федерация не принадлежит уже почти десять лет.

Кроме того, ограничения прав и свобод граждан, наступающие в результате практики «закрытых списков», противоречат положениям ратифицированных Россией международных соглашений и Конституции РФ.

Убедительно просим Вас решить вопрос с выдачей господину Тэрасаве Дзюнсей въездной визы в соответствии с действующим законодательством. Просим известить нашу организацию о принятом Вами решении.

С уважением,

Андрей Юрьевич Блинушов

Председатель Рязанского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Относительно отказа в выдаче визы гражданину
Японии Тэрасаве Дзюнсею.

Разъясняем Вам, что решение об отказе в выдаче визы упомянутому Вами лицу принято на основании статьи 27 Федерального Закона Российской Федерации «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», предусматривающей случаи, в которых въезд в Российскую Федерацию иностранным гражданам и лицам без гражданства не разрешается.

Что же касается существования «закрытых списков», то практика внесения в единый список лиц, нежелательных для въезда, является обычной и подобный список ведет каждая страна. В частности, статья 5 Шенгенского соглашения (подписанного 10-ю европейскими странами) в пункте «d» сообщает, что въезд на территорию Договаривающейся Стороны может быть разрешен при условии, что иностранный гражданин не должен быть зарегистрирован в перечне лиц, которым отказано в праве на въезд.

Более того, по предъявлению одной из сторон въезд закрывается во все «шенгенские государства».

С уважением,

Заместитель директора

ДКС МИД России В. Н. Лизун

Тэрасава Дзюнсей: открытое письмо Президенту Владимиру Путину

Господин Президент!

Я — японский буддийский учитель. Последние десять лет я жил в России. Однако 6 июня 2000 года Ваше правительство отказало мне в выдаче визы под предлогом того, что моя фамилия занесена в некий закрытый список ФСБ. Именно этот случай заставил меня выступить с открытым письмом в дни Вашего пребывания в Японии на встрече руководителей стран большой восьмерки на Окинаве.

Я впервые посетил Вашу страну еще во времена существования СССР, это было во время исторической встречи президентов Горбачева и Рейгана в Москве. Я сидел на Красной площади, молился и бил в барабан, а впоследствии вручил Михаилу Горбачеву в Кремле священные мощи Будды.

Это было время невиданных политических трансформаций — начиная с падения Берлинской стены и до исторического саммита ОБСЕ, провозгласившего окончание долгой «холодной войны». Я с чистым сердцем возрадовался началу новой эры, путь к которой был проложен теми, кто участвовал в маршах мира в 70-х и 80-х годах. Я был одним из них, а мой барабан часто возглавлял многочисленные марши мира и демонстрации в Европе. Когда в 1991 году вспыхнула война в Персидском заливе, я находился в Лагере Мира в пустыне, разделяющей Ирак и Саудовскую Аравию, призывая стороны к мирному ненасильственному разрешению конфликта.

В августе того же года, во время попытки государственного переворота в Москве, я был единственным буддийским монахом, который поспешил прийти на баррикады перед Белым домом в те судьбоносные дни. Тысячи людей слышали тогда звуки моего молитвенного барабана. И до сих пор многие москвичи помнят, что какие бы критические события ни случались в Москве, во время любого кризиса, всегда была на виду группа буддийских монахов, молившихся с барабанами в руках. Мы были заметны на этом сложном, штормовом политическом фоне последнего десятилетия XX века в России.

И вот теперь вся моя деятельность в России как буддийского монаха, начавшаяся вместе с началом новой России, прекратилась из-за того, что кто-то внес мою фамилию в черный список ФСБ. Эту беспрецедентную меру в отношении меня применили в ответ на мою независимую, но очень заметную деятельность на 56-ой сессии Комиссии ООН по правам человека в апреле сего года, где была принята резолюция, осуждающая российскую военную операцию в Чечне.

Моя открытая антивоенная позиция широко известна еще с того времени, как была развязана первая чеченская война. Начиная с самой первой антивоенной демонстрации на зимних улицах Москвы звуки барабанов буддийских монахов вели за собой как гражданские движения, так и неправительственные организации, такие, как «Мемориал» и Комитет солдатских матерей России. Тысячи

солдатских матерей и жителей чеченских сел вместе шли через поля сражений, когда мы проводили Марш Материнского Сострадания «Во Имя Жизни».

Этот уникальный пример ненасильственных действий, объединивший обе стороны конфликта, оказал сильное влияние на общественное мнение в России и за рубежом.

Теперь же, когда началась новая военная операция, Ваше правительство любыми методами — правовыми и неправовыми, — изо всех сил старается пресечь любые попытки критики. Отказ в выдаче мне въездной визы — лишь один из многочисленных тому примеров.

И с помощью каких бы высокопарных слов Вы ни пытались оправдаться, эта чеченская война — неприкрытое и жестокое подавление свободолюбия, похожее по сути на усмирение непокорных территорий древней Римской империей и средневековыми государствами.

Мое первое знакомство с Чечней случилось задолго до первой войны. Еще тогда меня глубоко впечатлили красивый дух и достойная уважения культура этого народа, который пронес их через все испытания своей трагической истории.

Сейчас Вы, не зная меры в применении силы, просто физически уничтожаете этот маленький достойный народ за то, что он пронес через века древние понятия о свободе, чести и благородстве. Может ли быть что-либо более ужасным и апокалиптически удручающим, чем надежды чеченского народа, распятые новой Россией?! Даже руины и пепелища Чечни вызывают к правосудию и состраданию!

Демократическое развитие и реформы в России — на грани провала. И в свете этих событий последние десять лет без «холодной войны» могут оказаться не просто утраченным шансом человечества, но и опасным катализатором возможного противостояния народов и целых цивилизаций в новом веке.

В наши дни атомная энергия, способная уничтожить все живое на планете, как правило, служит военным целям. Астрономические суммы денег тратятся на убийства и разрушения, а затем еще большие деньги идут на оказание экстренной помощи и восстановление разрушенного. И после всего этого ни одна серьезная проблема не оказывается решенной. О каких тогда мирных намерениях и надеждах на мир в XXI веке может идти речь?

Именно лидеров ведущих индустриальных стран следует обвинить в том, что из-за собственной ограниченности и отсутствия понимания идеи созидания глобальной культуры Мира в новом веке человечество упустило шанс на перемены.

Ядерная трагедия Хиросимы и Нагасаки стала для моего народа настоящим откровением на все времена, которое не дает Японии погрязнуть в гонке вооружений. Конституционное положение моей страны об отказе от войн и вооруженных сил глубоко укоренилось в сердцах людей как форма национального пацифизма. Миссия всей моей буддийской монашеской жизни — сделать все, чтобы мир пришел к ненасилию и отказу от войн.

С такими убеждениями и с молитвой об этом я обращаюсь ко всему народу Чечни: заявите России и всему миру о своем стремлении к ненасилию и миру, откажитесь от вооруженного сопротивления и во имя истинной свободы и чести объединитесь всем народом как одно целое, как одна сила, как одно Храброе Сердце ненасилия. И кто тогда посмеет назвать вас бандитами, незаконными вооруженными формированиями, исламскими экстремистами и террористами?

Господин Президент Путин!

Я хочу спросить, хватит ли у Вас храбрости и мудрости добиться примирения и мирного сосуществования со всем народом Чечни? В настоящей ситуации этому может способствовать вывод войск с территории республики и реальная действенная помощь в восстановлении общественного устройства без насилия и войн.

Если Вы упустите эту возможность, история предъявит Вам следующий ультиматум: посадите за решетку тех, кто во имя мнимых реформ растранил национальное богатство страны и иностранные займы в последние десять лет. Схватите и выдайте международному военному трибуналу всех тайных и явных зачинщиков первой и второй чеченских войн, в том числе и себя.

21 июля 2000 года.

Буддийский монах ордена Ниппондзан Меходзи,
Дзюнсей Тэрасава

Буддийские монахи, ученики г-на Тэрасавы, — участники Марша Материнского Сострадания. Чечня, март 1995 г.

Евгений ЗАХАРОВ

Правозащитники

Задачи, функции, права и принципы деятельности правозащитных организаций.

Правозащитные организации (ПО) — это особый вид негосударственных неприбыльных организаций, деятельность которых направлена на утверждение и защиту прав и свобод человека, эффективный контроль за их соблюдением государством, его органами и должностными лицами. ПО содействуют уменьшению организованного насилия, осуществляемого государством.

Для этого они работают одновременно в трех направлениях:

1. Защита прав человека в конкретных случаях (эта помощь должна быть бесплатной для заявителя), общественные расследования фактов нарушений прав человека государственными органами.

2. Распространение информации о правах человека, правовое воспитание.

3. Анализ положения с правами человека.

Все три направления тесно взаимосвязаны, работа только в одном из трех направлений, вообще говоря, не может быть, на мой взгляд, эффективной. Если заниматься только защитой граждан, то правозащитные организации обречены на вечную борьбу с государством при сохраняющемся патернализме в обществе, незнании людьми своих прав и инструментов их защиты в законодательстве, которое по-прежнему содержит угрозы правам человека. Правовое воспитание и преподавание прав человека, знание своих прав, национальных и международных механизмов их защиты необходимы для успешного отстаивания своих прав и утверждения правового сознания.

Анализ положения с правами человека предполагает анализ законодательства, судебной и административной практики, их соответствия нормам международного права, наблюдение за законодательным процессом, инициирование необходимых изменений в законодательстве и правоприменительной практике.

Для проведения такого анализа необходимо знание международных договоров в области прав человека, внутреннего законодательства и судебной практики других стран, “мягкого” права, в частности, практики Европейского суда по правам человека. Было бы очень хорошо, если бы существовала сеть организаций, занимающихся только одним ключевым правом — например, только правом на жизнь; или только правом на защиту от пыток и жестокого обращения; или только свободой выражения своего мнения, т.е. свободой мнений, свободой слова и свободой информации; или только свободой совести и т.д.

Однако правозащитных организаций (имеются в виду общественные организации, занимающиеся хотя бы одним из трех указанных направлений) очень мало, поэтому

они вынуждены заниматься рассмотрением нарушений самых различных прав человека, работая в режиме пожарной команды с непредсказуемыми вызовами. Более эффективной работе способствовала бы специализация ПО, когда они, выбрав одно или несколько ключевых прав, занимались бы ими систематически и глубоко из года в год.

Попытаемся рассмотреть более подробно и определено по форме предмет контроля ПО, задачи ПО, их функции и права, принципы их деятельности, имея в виду разработку в будущем специального закона “Об общественных правозащитных организациях”.

Предметом контроля ПО является текущая государственная политика в области прав человека, решения, действия (бездействие) государственных органов и их должностных лиц, в результате которых нарушаются права и свободы человека, либо создаются препятствия для осуществления человеком своих прав и свобод, либо человек незаконно принуждается к выполнению каких-либо обязанностей или незаконно привлекается к ответственности. Эти нарушения, препятствия и принуждение могут быть системными, т.е. касаться не одного человека, а группы людей, поэтому ПО рассматривают заявления и жалобы как физических, так и юридических лиц, включая обращения группы людей, или проводят расследования по собственной инициативе.

ПО призваны решать следующие задачи:

1. Защищать права и свободы человека, закрепленные в Конституции и национальном законодательстве (включая международные договоры, согласие на обязательность которых дано парламентом).

2. Быть источником информации о правах человека для народа и органов власти, повышать уровень образованности в области прав человека, поощрять становление ценностей и развитие установок, способствующих уважению и осознанию прав человека.

3. Анализировать положение с правами человека в своей стране и ее отдельных регионах.

Для решения этих задач ПО необходимо выполнять следующие функции:

- 1.1. Рассмотрение заявлений физических и юридических лиц, либо их ассоциаций, о несоблюдении прав и свобод человека, закрепленных в Конституции, международном праве и национальном законодательстве.

- 1.2. Информирование подателя заявления о его правах и имеющихся возможностях их правовой защиты и содействие ему в доступе к этим средствам.

- 1.3. Осуществление посреднических функций для восстановления нарушенных прав и свобод с помощью согласительной процедуры (mediation).

1.4. Проведение общественных расследований фактов нарушений прав человека (как по заявлениям физических и юридических лиц, так и по собственной инициативе).

1.5. Направление заявлений (от имени заявителя либо от своего имени) компетентным органам для решения по сути вопроса.

1.6. Обращение от имени заявителя или от своего имени в суд и международные организации.

1.7. Участие в судебном процессе с целью защиты и восстановления нарушенных прав и свобод заявителя.

1.8. Принятие заключений по результатам проведенного общественного расследования.

1.9. Вынесение общественного порицания и общественного предупреждения органам и (или) лицам, чьи действия (бездействие) привели к нарушению прав и свобод человека.

1.10. Публикация своих заключений в СМИ.

2.1. Сбор, подготовка и распространение информационных материалов, включающих:

- внутреннее законодательство (в том числе имплементированное международное право), касающееся прав человека, комментарии к нему, соответствующие административные и судебные решения и их толкования высшими судебными органами;

- внутренние механизмы защиты прав человека;

- международно-правовые документы по правам человека и комментарии к ним;

- международные механизмы защиты прав человека;

- информацию о деятельности самой правозащитной организации и ее собственные публикации.

2.2. Создание просветительских печатных, аудио-, фото- и киноматериалов по правам человека для массового потребителя и специального назначения.

2.3. Разработка учебных планов, методик и программ преподавания прав человека для различных социальных и профессиональных групп.

2.4. Проведение специализированных семинаров по правам человека для представителей т.н. «профессий риска» (сотрудников органов внутренних дел и служб безопасности, служащих пенитенциарных учреждений, адвокатов, судей, прокуроров, военнослужащих, врачей, журналистов, профсоюзных деятелей, социальных работников), представителей законодательной и исполнительной ветвей власти, связанных с созданием и исполнением законодательства, касающегося прав человека.

2.5. Организация различных публичных кампаний и акций с целью утверждения прав человека в общественном сознании: конкурсов на лучшее сочинение о правах человека и конкурсов рисунков и фотографий для школьников, олимпиад для студентов, специальных мероприятий, приуроченных к Дню прав человека, Дню политзаключенного и т.д.

2.6. Сбор и распространение материалов по истории развития идеи прав человека и истории правозащитного движения.

3.1. Подготовка заключений о законах, законопроектах и иных нормативно-правовых актах и программах,

направленных на утверждение и защиту прав человека, подготовка и предоставление парламенту через официальных субъектов права законодательной инициативы собственных законопроектов и программ.

3.2. Мониторинг законодательства, судебной и административной практики в области прав человека.

3.3. Содействие ратификации международных договоров в области прав человека и слежение за соответствием национального законодательства и правоприменительной практики международным обязательствам в области прав человека.

3.4. Подготовка независимых докладов о состоянии соблюдения и защиты прав и свобод человека и комментариев к официальным докладам, представляемым тем или иным государством в соответствии с международными договорами.

3.5. Подготовка и представление парламенту, правительству и другим органам государственной власти и управления аналитических записок, рекомендаций и предложений, касающихся любых вопросов, связанных с правами человека, в частности, по вопросам:

- а) национальной политики;

- б) административных процедур и практики;

- в) процессуальных действий правоохранительных органов — суда, полиции (милиции), прокуратуры, службы безопасности, налоговой полиции и др.;

- г) международных аспектов прав человека.

Для выполнения перечисленных функций ПО должны иметь следующие права:

- на свободный доступ ко всем документам, включая документы, сохраняемые государственными органами и архивами, которые необходимы для надлежащего расследования заявления, и право снимать с них копии, если изложенная в этих документах информация не содержит государственной или иной охраняемой законом тайны;

- получать письменные либо устные разъяснения от всех лиц (в том числе государственных должностных лиц и служащих), которые могут располагать информацией о предполагаемом нарушении или иным образом оказать помощь в расследовании;

- проводить расследования заявления на месте, включая камеры предварительного задержания, места предварительного заключения, учреждения исполнения наказаний, воинские части, психиатрические больницы, интернаты и другие места временного ограничения свободы человека;

- осуществлять иные действия, необходимые для проведения надлежащей проверки заявления, не противоречащие законодательству;

- выносить рекомендации государственным органам по результатам расследования и оценивать действия государственных и негосударственных органов в этой области;

- на свободный доступ к законотворческой работе: право получать проекты законов от комитетов парламента, право участвовать в обсуждении законопроектов на заседаниях комитетов, право обращаться к субъектам законодательной инициативы;

— участвовать в разработке государственных программ, касающихся преподавания и исследований по вопросам прав человека, и их реализации в школах, вузах и иных учреждениях по профессиональной подготовке государственных служащих;

— присутствовать в судебных заседаниях и заседаниях иных государственных органов по вопросам защиты прав и свобод человека, право иметь доступ к протоколам таких заседаний и снимать с них копии;

— получать официальные доклады, которые государство должно направлять органам и комитетам ООН, ОБСЕ, Совета Европы и другим международным организациям;

— передавать собранную информацию о нарушениях прав человека, собственные аналитические материалы органам власти, средствам массовой информации, а также международным организациям, если эта информация не содержит сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну.

Принципы деятельности ПО следующие.

1. ПО утверждают и защищают права человека независимо от его расы, пола, гражданства, этнического или социального происхождения, имущественного или другого положения, должности, рода и характера занятий, места проживания, языка, религии, политических и других убеждений.

2. Право на мотивированный отказ заявителю в удовлетворении его жалобы. Этот принцип означает, что ПО имеют определенную свободу усмотрения, они, в отличие от государства, которое обязано защищать права человека, принимают к рассмотрению жалобы, если полагают, что их усилия приведут к восстановлению нарушенных прав и свобод человека, помогут предотвратить незаконную деятельность либо бездействие государственных органов и должностных лиц или прекратят такую деятельность, или хотя бы будут способствовать привлечению внимания общества к этим нарушениям. При этом отказ должен быть тщательно мотивирован. Пожалуй, это самое трудное дело в работе ПО — отказать человеку, который просит помощи.

3. Открытость и гласность. Деятельность ПО должна быть открытой и прозрачной для общественности. На мой взгляд, была бы естественной подготовка годовых отчетов о деятельности организации, включающих, помимо содержательной части, подробный финансовый отчет с указанием источников финансирования и расходования полученных средств.

4. Ненасилие. Конечно, бывают времена (нацистская Германия, СССР в период 1917-1953 гг.), когда вооруженная борьба против государства оправдана, но это уже область деятельности, далекая от институционализированной защиты прав человека.

5. «Не навреди!». Этот принцип означает, что нужно действовать так, чтобы не ухудшить положение объекта (жертвы) нарушения прав человека. Он следует также из того, что главная цель правозащитной активности — минимизация уровня насилия в обществе.

6. Независимость от политической позиции. Для правозащитника принципиально, чтобы в общественной

жизни были отражены и левые, и правые, т.е. все направления политической мысли и социальной активности. Поэтому, правозащитные организации обязаны быть принципиально беспартийными и не должны поддерживать ту или иную партийную платформу в избирательных кампаниях, политический выбор должен оставаться делом личного выбора каждого члена правозащитной организации. На мой взгляд, члены правозащитных организаций не должны быть членами политических партий и депутатами парламента.

7. Независимость от общественного мнения. Общественное мнение может вполне поддерживать идеи, чуждые правам человека и угрожающие правам человека. Например, общественное мнение в подавляющем большинстве стран поддерживает смертную казнь, правозащитные же организации — борются за ее отмену.

8. Честность, максимальная достоверность и объективность информации. Этот принцип означает, во-первых, невозможность думать одно, а говорить другое и, во-вторых, работу по формуле английского суда: «говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды». Здесь одно из основных отличий между правозащитной и политической деятельностью. Для политика, в лучшем случае, характерно говорить правду, но не всю. А ту информацию, которая может оказаться вредной для своей партии, можно и утаить. Известная формула «...но это наш сукин сын» для правозащитных организаций совершенно неприемлема. Они должны стремиться к объективности информации, даже если эта объективность не свидетельствует в их пользу.

9. Скромность. Этот принцип менее ясен и трудно поддается формализации. К сожалению, в последние годы развилось явление, которое можно было бы назвать «правозащитным туризмом», когда людей, называющих себя правозащитниками, трудно услышать в родной стране; появились организации, именующие себя правозащитными, которые постоянно устраивают конференции с пышными банкетами — в нищей стране это, по-моему, недопустимо.

10. Независимость правозащитных организаций от государства. Поскольку ПО являются оппонентами государства, они должны быть максимально независимыми от него, прежде всего, в финансовом плане. На мой взгляд, правозащитные организации не должны субсидироваться за счет государства и не должны получать какие-либо специальные льготы, кроме установленных законом для всех негосударственных неприбыльных организаций. Однако независимость не должна переходить в конфронтацию. Меня смущает прокурорский по отношению к государству тон многих правозащитников, их стремление во всем обвинить власти. Источник нарушений прав человека — сам человек и те структуры, которые он создает. Но людям свойственно искать причины своих бед где угодно, кроме как в самих себе.

11. «Честное сотрудничество неединомышленников». Этот принцип взаимодействия правозащитных организаций с государством сформулировал в 1988 г. Сергей Ковалев. Во всем том, в чем я согласен с властью, я готов

с ней честно сотрудничать, а когда она допускает ошибки, я буду противостоять ей, используя имеющиеся законные методы.

12. Учет интересов всех сторон, связанных с конфликтом, в том числе государственных органов. Это один из основных принципов в конфликтологии — отчетливое понимание того, что гармония в обществе наступает не тогда, когда интересы всех его членов совпадают (такое совпадение невозможно, ибо не природно), а тогда, когда в одинаковой мере уважаются и учитываются интересы всех заинтересованных сторон.

13. Содействие государству в защите прав граждан. Заметим, что правозащитник не может не быть государственным, поскольку права человека подразумевают обязанности государства по их соблюдению. Как сказала известная американская правозащитница Кэтрин Фицпатрик, «без справедливых законов, независимых судов и профессиональных адвокатов борьба за права человека — это элементарная борьба за гласность: обнародование информации о преступлениях в надежде задеть совесть или, по крайней мере, вызвать обеспокоенность среди властных структур». Поэтому до тех пор, пока государство способно на диалог, правозащитные организации должны его вести. Характер диалога определяют сформулированные выше принципы «честного сотрудничества неединомышленников» и «учета интересов всех сторон», а тема его — реальное соблюдение государством прав человека, приоритет которых провозглашен всеми пост-тоталитарными странами. Поэтому старая формула правозащиты в тоталитарный период — «защита прав граждан от организованного насилия, осуществляемого государством» — должна быть дополнена: «и содействие государству в обеспечении и защите прав граждан».

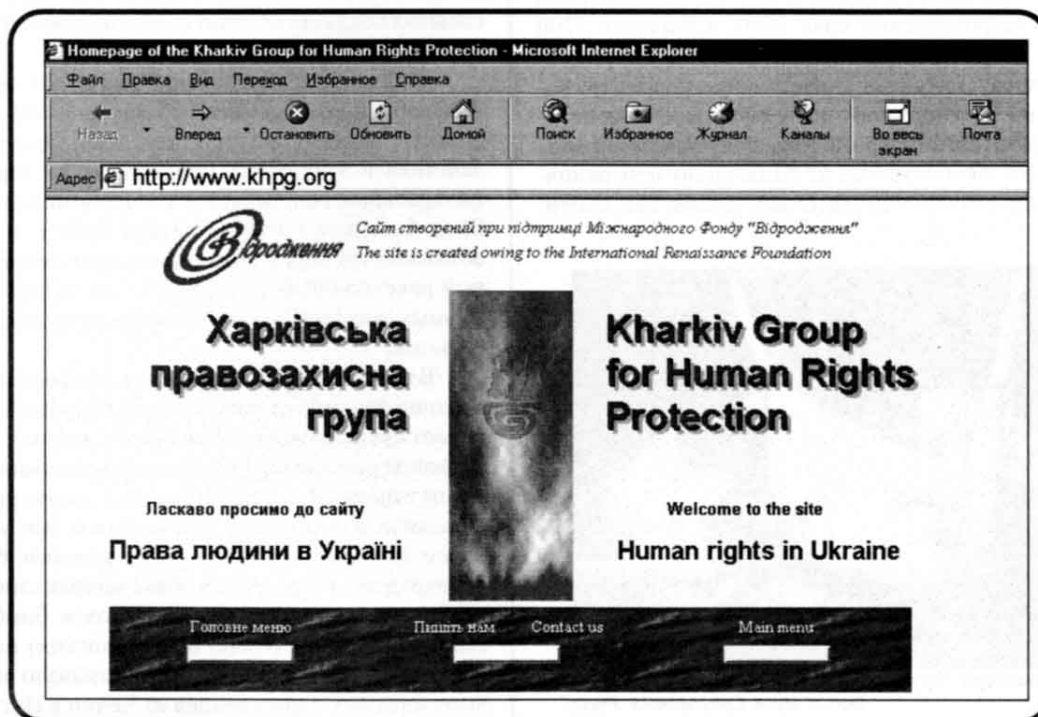
Не менее специфичны отношения правозащитных организаций с остальной частью гражданского общества, которые могут быть далеко не безоблачными. Негосударственная организация защищает интересы определенного коллектива, конфликты интересов в обществе неизбежны, и правозащитные организации по природе своей должны улаживать эти конфликты. Фактически ПО должны играть роль буфера между обществом, государством и различными общественными группами. Можно было бы сравнить их с иммунной системой организма. При этом, вообще говоря, не исключена ситуация, когда правозащитники будут отстаивать интересы государства в случае угрожающего поведения каких-либо экстремистских, радикальных структур гражданского общества.

Самой большой проблемой представляется легализация правозащитных организаций. Очевидно, что не государственный орган должен решать, является ли действительно правозащитной организация, называющая себя таковой. По-видимому, это должно определяться правозащитным сообществом в целом, например, в лице национальной ассоциации правозащитных организаций, а орган государственной власти может только оформить решение этой ассоциации. Должна быть описана процедура принятия новой организации в ассоциацию, так же, как и ряд других требований, определяющих порядок работы ПО: кодекс профессиональной этики, декларация прав и обязанностей и др.

Харьков

Автор благодарит Зиновия Антонюка, Ларису Богораз, Сергея Ковалева, Мирослава Мариновича, Всеволода Речицкого и Сергея Федоринчика, без общения с которыми эта статья не могла бы быть написана.

Редакция благодарит Харьковскую правозащитную группу за предоставленный материал.

НАЛВИАЮЩАЯСЯ КАТАСТРОФА

Положение вынужденных переселенцев из Чечни на территории Республики Ингушетия

С первых же дней широкомасштабной военной операции, осуществляемой на территории Чеченской Республики, грубейшим образом нарушались права граждан России на свободу передвижения и выбор места жительства.

Жителям Чечни, желавшим покинуть зону боевых действий, запрещалось выезжать за пределы этой республики. В частности, в конце сентября 1999 г. в органы внутренних дел краев и республик, находящихся в составе Российской Федерации, была направлена соответствующая телефонограмма за подписью командующего объединенной группировкой федеральных сил «Запад» генерал-майора В. Шаманова.

Фактически единственным регионом России, принимающим вынужденных переселенцев из Чечни, оказалась Республика Ингушетия (РИ). Личным распоряжением Президента РИ Р. Аушева ее границы были открыты для людей, бегущих от войны. Возможность выезда в Ингушетию, безусловно, спасла жизни многих людей. Однако в результате в этой республике численность населения за короткий срок увеличилась более чем в полтора раза: в республику с населением в 310 тысяч человек въехало более 200 тысяч вынужденных переселенцев.

По сравнению с этим потоком лишь малая часть вынужденных переселенцев смогла выехать в другие регионы РФ. К примеру, в Северную Осетию выехало 2200 человек, в Ставропольский край 5000, в Дагестан 2200 человек.

Выезд предусматривал унижительную процедуру последовательных регистраций, не предусмотренных никакими правовыми актами; кроме того, полученное «право» на выезд часто заканчивалось на ближайших приграничных постах, где начинались новые нарушения. Так, напри-

мер, на постах, расположенных в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, лиц чеченской национальности, независимо от возраста и пола, снимали с транспорта, обыскивали, вымогали у них взятки. Ситуация на этих постах мало в чем изменилась и в настоящее время.

Необходимо отметить, что античеченская информационная кампания привела к тому, что даже сумевшие выехать в российские регионы чеченские семьи, в большинстве своем, не находят сочувствия и понимания у местных жителей. Стабильность же их положения во многом определяется настроением местных властей.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что планируемая операция предусматривала блокирование всех жителей Чечни в пределах этой республики и концентрацию вынужденных переселенцев в так называемых «зонах безопасности».

«Зоны безопасности»

В конце 1999 года представители федеральных органов власти объявили «зонами безопасности» ряд населенных пунктов Чечни. В эти населенные пункты рекомендовалось возвращаться их постоянным жителям. В Чечне и за ее пределами жителей «зон безопасности» отказывались регистрировать по форме № 7, наличие которой обязательно для получения вынужденным переселенцем минимальных социальных пособий. В этих же зонах предлагалось располагаться жителям других сел и городов Чечни, вынужденным бежать от боевых действий (в том числе и в Ингушетию). Однако последовавшие вскоре события показали полную необоснованность таких указаний и рекомендаций.

Боевики не считали и не считают для себя обязательным соблюдать объявленный федеральной властью РФ в одностороннем порядке статус «зон безопасности». Их действия в этих зонах провоцировали ответные удары федеральных сил, ведущие к гибели мирного населения. Вход боевиков в начале января 2000 г. в город Шали, объявленный перед этим «зоной безопасности», и ответный ракетно-бомбовый удар, приведший к гибели сотен мирных жителей, — яркий пример подобного развития событий.

В феврале 2000 г. стало ясно, что федеральное командование при подготовке военных операций также не учитывает существование «зон безопасности». В ходе разработанной российским военным командованием операции так называемый «коридор смерти», по которому боевики выходили из Грозного и на котором они уничтожались огнем артиллерии и бомбовыми ударами, был проведен через ряд сел, в том числе и объявленных «зонами безопасности». В результате артобстрелов и бомбардировок в селе Шаами-Юрт («зона безопасности») погибло около 200 мирных жителей. Все это вызывало новые потоки вынужденных переселенцев из Чечни в Ингушетию.

В лагере беженцев "Спутник". Ингушетия, 25 августа 2000 г.
Фото: Муса Садулаев/AP Photo

Попытки перемещения переселенцев в Чечню

Еще в ноябре 1999 г. представитель Правительства РФ ЧР Н. Кошман заявил, что к 25 декабря все вынужденные переселенцы, находящиеся на территории Ингушетии, будут возвращены назад в Чечню. В декабре 1999 г. — январе 2000 г. Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС) РФ предприняло первые попытки выдвигания и даже прямого насильственного возвращения вынужденных переселенцев из Ингушетии назад в Чечню. В этих целях прекращалась выдача любой помощи вынужденным переселенцам из ряда населенных пунктов Чечни. В Серноводск (Чечня) из лагеря «Северный» (Ингушетия) были против воли их обитателей перемещены 47 железнодорожных вагонов, в которых располагались вынужденные переселенцы.

В силу ряда причин: объективная ситуация в Чечне, протесты правозащитных и международных организаций, протесты самих вынужденных переселенцев, — планы быстрого возвращения вынужденных переселенцев из Ингушетии в Чечню реализованы не были.

В течение уже семи месяцев 2000 года на территории Ингушетии продолжает находиться громадное количество вынужденных переселенцев из Чечни. Отток в места своего постоянного проживания происходит крайне медленно — за весну-лето 2000 г. количество вынужденных переселенцев из Чечни сократилось с 190000 до 150000 человек. Это обусловлено прежде всего невозможностью наладить сколько-нибудь нормальные условия жизни на большей части территории Грозного и ряда разрушенных крупных сел, реальным отсутствием безопасности во многих районах Чечни.

Так, 18 июля станица Ассиновская, в которой находится один из центров временного размещения вынужденных переселенцев, была обстреляна из танковых орудий и с вертолета. Погиб один местный житель, ряд домов по улице Краснопартизанской был сильно разрушен, полностью уничтожена мельница. Военнослужащие объясняли свои действия тем, что со стороны станицы по ним стреляли.

Власти России бросают переселенцев на произвол судьбы?

Вместе с тем, на протяжении всей военной операции финансирование проживания вынужденных переселенцев в Республике Ингушетия было явно недостаточным. Несколько раз практически полностью прекращалось поступление средств от федеральных структур, что ставило ситуацию на грань катастрофы.

На содержание и проживание граждан, вынужденно покинувших Чеченскую Республику, Правительством РФ за период октябрь 1999 г. — март 2000 г. было выделено 474,2 млн. рублей. Реально же, по расчетам Миграционной службы РИ, на содержание и проживание граждан, вынужденно покинувших ЧР, было необходимо почти в два раза больше — за первые 7 месяцев 2000 г. из расчета 180 тысяч человек — 922,087 млн. рублей.

Из выделенных средств в Миграционную службу Республики Ингушетия по распоряжению Федеральной миграционной службы (ФМС) России реально поступило за период октябрь 1999 г. — май 2000 г.: 349,212915 млн. рублей. Из поступивших средств было израсходовано:

Беженцы, живущие в ж/д вагонах. Ингушетия.
Фото: <http://www.acchechnya.org/>

349,178741 млн. рублей. Средства из ФМС России поступали несвоевременно.

В результате по состоянию на 01.06.00 г. у Миграционной службы Республики Ингушетия из-за недостаточного финансирования и запаздывания с поступлением средств образовалась большая кредиторская задолженность в 307,3 млн. рублей. По расчетам Миграционной службы РИ, на обеспечение вынужденных переселенцев из Чеченской Республики (исходя из цифры в 150 тыс. человек) необходимо 92,5 млн. рублей в месяц.

Однако с июня 2000 г. средства на содержание вынужденных переселенцев на территории Ингушетии вообще перестали поступать.

Еще в начале июня Миграционная служба Ингушетии предупреждала Правительство РФ, что несвоевременная оплата задолженности может вызвать перебои в снабжении вынужденных переселенцев продуктами питания.

19 июня из-за отсутствия средств было полностью прекращено обеспечение обитателей лагерей вынужденных переселенцев горячим питанием. Склады МЧС пусты и там нет продуктов даже для сухих пайков (благодаря которым зимой 2000 г. в аналогичной ситуации удавалось избежать катастрофы). Нет возможности обеспечивать на прежнем уровне снабжение вынужденных переселенцев хотя бы хлебом. Дело дошло до того, что МЧС Ингушетии было вынуждено обратиться к организациям, поставляющим хлеб для переселенцев из Чечни, с просьбой уменьшить рацион хлеба, выделяемого на одного человека, для того чтобы снабжать хлебом всех нуждающихся в этом людей. В результате количество хлеба, раньше предназна-

Проверка документов. Грозный, 19 августа 2000 г.
Фото: AP Photo

Семья беженки Раисы Ханчаровой.
Фото: Human Rights Watch

чавшееся для одного лагеря «Спутник», сейчас распределяется также и на лагерь «Северный». И это при том, что государство не проводит снабжение вынужденных переселенцев любыми другими продуктами питания.

В настоящее время продукты питания в лагерь вынужденных переселенцев поступают исключительно от неправительственных и международных гуманитарных организаций. По данным организации «Врачи мира», в лагере «Северный» участились заболевания среди детей, что является следствием прекращения снабжения горячим питанием.

В интервью корреспонденту «Радио России» Т. И. Касаткиной министр по делам федерации, национальной и миграционной политике РФ А. В. Блохин заявил по данному поводу, что продовольственные проблемы в лагерях временны и связаны с ликвидацией Федеральной миграционной службы и передачей основных функций этой службы его министерству. Однако прошло больше месяца и никаких изменений нет, хотя речь идет о жизненно важных приоритетах в обеспечении людей.

На встрече руководителей Группы процесса конференции ООН по вынужденной миграции в странах СНГ, проходившей 14 июля 2000 г. в Женеве, российская делегация, возглавляемая А. В. Блохиным, утверждала, что финансирование питания и других видов помощи вынужденным мигрантам, выехавшим из Чечни, продолжается, что небольшие перерывы в поступлении средств никак не связаны с ликвидацией ФМС.

В июне в Миграционную службу РИ обратились руководители ряда ведомств («Ингушгаз», «Ингушэнерго», «Водоканала») с предупреждающими письмами о предстоящем, в связи с большой задолженностью, отключении газа, воды, электроэнергии в местах компактного прожи-

Лагерь беженцев «Спутник». Ингушетия, 25 августа 2000 г.
Фото: Муса Садулаев/AP Photo

вания вынужденных переселенцев. В результате в июле 2000 г. в Ингушетии в центрах временного размещения началось повсеместное отключение электричества. Поскольку люди часто живут в помещениях без окон, они оказываются круглые сутки в условиях полной темноты.

Большинство вынужденных переселенцев на территории Ингушетии проживают в помещениях частного сектора и различных хозяйственных постройках. Согласно распоряжению Федеральной миграционной службы от 20.10.99 г № 329 хозяевам этих помещений должна была выплачиваться арендная плата за счет бюджетных средств.

В настоящее время к Миграционной службе Ингушетии предъявляются иски в арбитражный суд с требованием оплатить задолженность за аренду помещений. Договоры же, заключенные с частными домовладельцами и собственниками предприятий, неоднократно возвращались из Федеральной миграционной службы РФ назад в Ингушетию с замечаниями для доработки. Вполне обоснованно можно предполагать, что якобы «недоработанные» арендные договоры являются лишь бюрократической проволочкой, позволяющей «не платить, не отказывая». Если же кредит терпения арендодателей будет исчерпан и вынужденных переселенцев начнут выселять из частного сектора, Ингушетии реально грозит экстремальная ситуация, т.к. лагеря для беженцев уже перенаселены.

Ингушетия пытается помочь переселенцам

Обоснованно считая, что:

- в течение предстоящего осенне-зимнего сезона на территории Ингушетии останется большая часть ныне находящихся там вынужденных переселенцев;
- условия жизни в действующих лагерях прошлой зимой были чрезвычайно суровыми;
- значительная часть переселенцев будет вынуждена выехать из частного сектора.

Президент РИ отдал распоряжение о строительстве нового палаточного лагеря. Правительство РИ обратилось в Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН с просьбой об оказании помощи в строительстве этого лагеря, поскольку Ингушетия своими средствами для этого не располагает, а из федерального бюджета средства не поступают.

УВКБ ООН, в свою очередь, тщательно проанализировав ситуацию, дало согласие на строительство двух благоустроенных лагерей всего на 12 тыс. человек, стоимостью 0,5 млн. долларов. Лагеря должны вместить в себя всех обитателей железнодорожных вагонов, а также вынужденных переселенцев, проживающих в местах, непригодных для жилья (молочно-товарные фермы, подвалы и т.п.). Предполагалось завершить строительство в летний период.

Однако работы были приостановлены, поскольку министр по делам федерации, национальной и миграционной политике РФ А.В. Блохин высказал свое несогласие со строительством этих лагерей в Ингушетии, по его мнению, лагеря должны быть построены в Чечне. УВКБ ООН, в свою очередь, не может строить лагеря в Чечне по следующим причинам:

- отсутствие безопасности проживания;
- отсутствие уверенности в том, что люди поедут из Ингушетии в построенные лагеря.

Насколько нам известно, во Временной администрации Чеченской Республики преобладает мнение, что пока Ингушетия кормит вынужденных переселенцев, они в Чечню не вернутся. Но толпы людей, которые осенью 1999 г. бежали в Ингушетию, искали там безопасности. Они не были заранее обеспечены ни местами проживания, ни продуктами питания. Очевидно, что сначала должны быть созданы условия для безопасного проживания людей, и лишь затем можно говорить о мерах, направленных на массовое возвращение вынужденных переселенцев.

Могут ли жить люди в разрушенном Грозном?

По имеющимся у ПЦ «Мемориал» сведениям, Правительство РФ приняло решение о создании пяти центров временного размещения на территории Грозного. Исполнителем назначено Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политике РФ. К счастью, пока никаких практических шагов в этом направлении не предпринимается. Все, кто хотя бы приблизительно знакомы с нынешней обстановкой в Грозном, прекрасно понимают, что размещение массы людей в палатках или вагончиках посреди разрушенного города, в котором ежедневно происходят перестрелки, регулярно проводятся «зачистки», где исчезают люди, а передвижение по улицам крайне ограничено, явилось бы полной безответственностью.

Вряд ли удастся полностью исключить возможность проникновения боевиков в подобные центры временного размещения. Нападение же где-либо поблизости от такого центра на федеральные силы неизбежно повлечет, как это уже неоднократно случалось на территории Чечни, применение ответных мер, направленных против мирных жителей, — в данном случае обитателей центров временного размещения. Попытки же предотвратить подобное развитие событий путем установления дополнительных блок-постов, заграждений и т.п. превратит эти центры в концентрационные лагеря.

К сожалению, весь образ действий командования федеральных сил в ходе нынешней военной операции в Чечне оставляет возможность для еще одного предположения. Не исключено, что созданием пяти лагерей в Грозном преследуется цель прикрытия ими от боевиков как «живым щитом» некоторых направлений.

Краткие выводы

Вышеприведенный анализ сложившейся ситуации позволяет сделать следующие выводы:

— накануне наступления осени ста пятидесяти тысячам вынужденных переселенцев, находящимся на территории Ингушетии, грозит катастрофа. Вместо того, чтобы позаботиться о безопасности и реальном обустройстве этих людей к предстоящей зиме, их пытаются выдвинуть назад в Чечню;

— исходя из сугубо политических целей федеральные органы власти России, и в первую очередь — Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политике РФ, фактически препятствуют УВКБ ООН оказывать помощь гражданам России, оказавшимся в тяжелой ситуации;

— федеральные органы власти РФ, в согласии с Временной администрацией Чеченской Республики, проводят политику «выдавливания» вынужденных переселен-

"Мой новый дом."
Фото: Human Rights Watch

цев из Ингушетии в Чечню, оказывая косвенное давление и на правительство Ингушетии;

— перемещение вынужденных переселенцев из Ингушетии в северные районы Чечни не решит ни одной проблемы и будет иметь такие же отрицательные в социальном аспекте последствия, как и размещение таких лагерей на территории Ингушетии. Но это потребует затрат значительных средств и создаст дополнительные неудобства самим вынужденным переселенцам;

— перемещение вынужденных переселенцев из Ингушетии в другие районы Чечни, где их безопасность не обеспечена, может спровоцировать новые террористические акты и массовое насилие;

— изначальная позиция представителей ряда федеральных ведомств, нацеленная на концентрацию всех жителей Чечни в пределах этой республики, и проводимая сегодня политика на ускоренную реэмиграцию вынужденных переселенцев делает обоснованными подозрения о возможности создания на территории Чечни закрытых зон для размещения внутренних мигрантов, куда будет ограничен проезд журналистов и правозащитников.

В планировании работы с вынужденными переселенцами из Чечни федеральные органы власти оперируют лишь двумя административными единицами: либо Чечня, куда многие люди пока совершенно справедливо опасаются возвращаться, либо Ингушетия, которая уже около года находится в состоянии чрезвычайной ситуации.

Думается, что целесообразным было бы рассмотрение новых конструктивных предложений. Например, заключение производственных договоров в регионах России, куда традиционно выезжали на сезонные работы жители Чечни и Ингушетии, возможность аренды сельскохозяйственных под фермерские хозяйства и т.д.

(публикуется в сокращении)

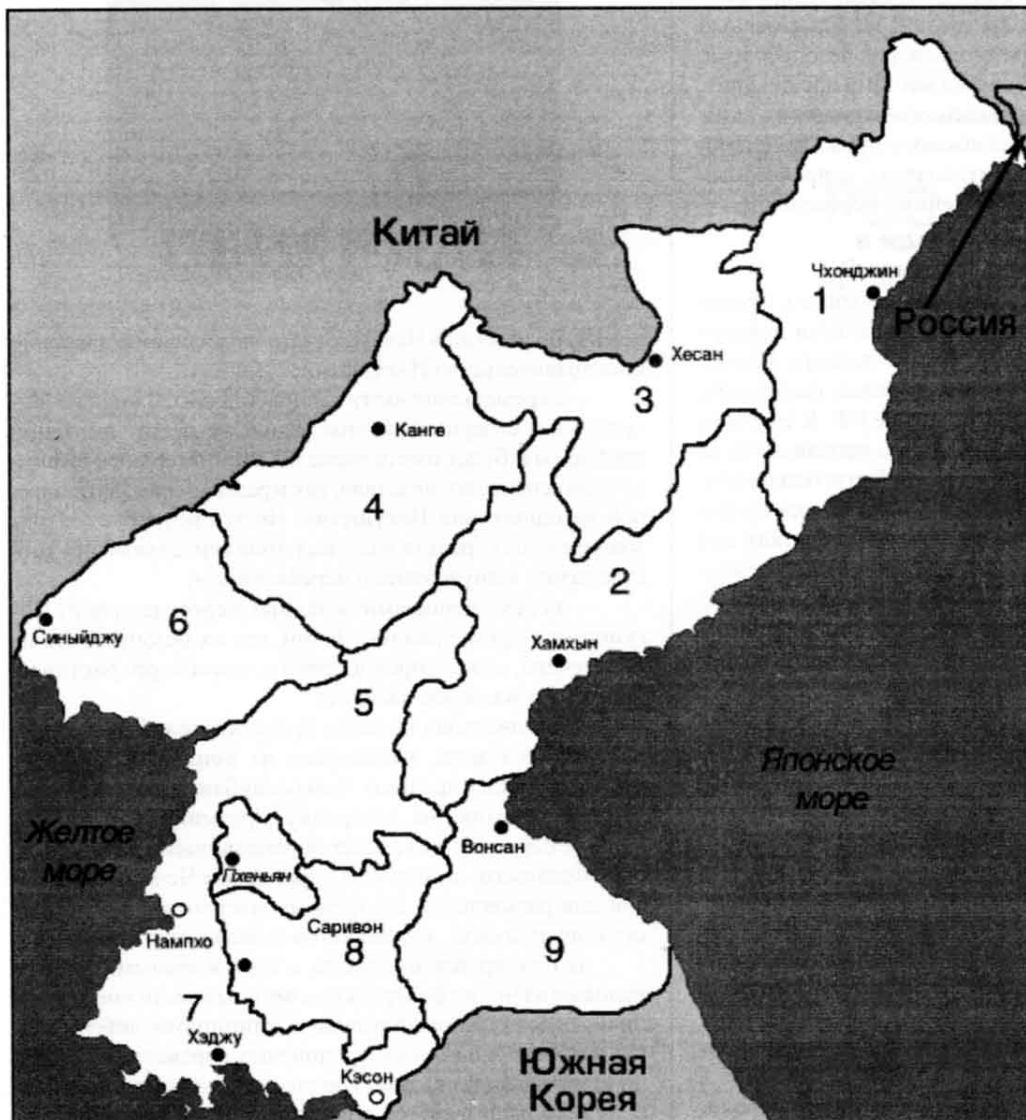
Текст подготовлен
Правозащитным
Центром "Мемориал".
Москва, 103051,
М. Каретный пер.
д.12, ком. 17.
Тел.: (095) 200-6506,
факс: (095) 209-5779,
E-mail: memhrc@glasnet.ru
<http://www.memo.ru/hr>

Беженцы. Раненый ребенок в
больнице Ингушетии.
Фото: <http://www.acchechnya.org/>

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

Национальные праздники:

9 сентября – День образования КНДР; 15 апреля – День рождения Ким Ир Сена (1912 г.); 16 февраля – День рождения Ким Чен Ира.

Административно-территориальное деление:

9 провинций и 3 города центрального подчинения (Пхеньян, Кэсон, Нампхо).

Провинции:

1. Хамгён-Пукто
2. Хамгён-Намдо
3. Янгандо
4. Чагандо
5. Пхёнан-Намдо
6. Пхёнан-Пукто
7. Хванхэ-Намдо
8. Хванхэ-Пукто
9. Канвондо

Политическое устройство:

Однопартийная (Трудовая Партия Кореи [ТПК], создана 10 октября 1945 г., насчитывает около 3,2 млн. членов) коммунистическая диктатура жесткого тоталитарного типа с гипертрофированным культом личности вождя партии.

После гражданской

Государство: **Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР)**. Образована в 1948 году.

Имеет дипломатические отношения с Россией (с СССР – с 1948 г.)

Высший орган государственной власти (однопалатный) – Верховное Народное Собрание (ВНС). Глава государства (с 1972 г.) – президент.

Площадь: 122,8 тыс. кв. км.

Сухопутные границы: Китай, Россия (16,5 км).

Население: около 23 млн. человек (1998 г.).

Столица: Пхеньян (2,3 млн. чел.).

Государственный язык: корейский.

Основные религии: буддизм, конфуцианство, христианство.

Денежная единица: вона.

войны 1950-53 гг. корейский полуостров был разделен (примерно по 38-й параллели) демилитаризованной зоной (шириной 4 км и длиной 240 км) на Северную Корею (КНДР) — сферу влияния СССР и Китая, и Южную Корею — сферу влияния западных демократий (в первую очередь — США).

Согласно конституции (1972 г.) КНДР — суверенное социалистическое государство, которое в своей деятельности руководствуется идеями «чучхе». Массы воспитываются в духе безграничной преданности Великому Вождю Ким Ир Сэну, а также его сыну — Ким Чен Иру, который после смерти отца (1994 г.) стал руководителем страны. В октябре 1997г. Ким Чен Ир избран Генеральным секретарём Трудовой партии Кореи (ТПК).

«Чучхе» — самостоятельность. В соответствии с этими идеями все вопросы «в революции и строительстве» должны решаться с позиций самостоятельности, при опоре на собственные силы, сообразно с действительностью страны.

Андрей ЛАНЬКОВ

Северная Корея: репрессии и бесправие

Одной из характерных черт северокаорейского общества является всеобъемлющий государственный контроль, который касается всех сторон жизни корейца. По-видимому, не будет особым преувеличением сказать, что Северная Корея — наиболее контролируемое общество современного мира. В этой статье хотелось бы остановиться как на истории, так и на современных методах административно-полицейского контроля над населением в Северной Корее. <...>

На первых порах структура северокаорейского репрессивно-полицейского аппарата складывалась под сильным советским влиянием, при прямом участии выходцев из СССР и направленных Москвой советников, которые работали в аппарате корейского МВД вплоть до конца 1950-х гг.¹ По-настоящему специфические методы административно-полицейского контроля над населением, характерные именно для КНДР, появились только в конце 1950-х гг., когда период безоговорочного следования в фарватере советской политики остался позади, и во многом были связаны с влиянием политической культуры маоистского Китая.

Резкое ужесточение контроля над населением началось в Северной Корее с конца 1950-х годов, то есть с того времени, когда фракция Ким Ир Сена, расправившись со своими реальными и потенциальными соперниками, захватила всю полноту власти в стране. Именно с тех пор Северная Корея, которая и раньше отнюдь не являла собой цветущую демократию, начинает превращаться в тотально контролируемое общество, в котором власти стремятся вмешиваться абсолютно во все стороны жизни своих подданных.

30 мая 1957 года Постоянный комитет (Политбюро) ЦК Трудовой Партии Кореи (ТПК) принял решение под длинным названием: «О превращении борьбы с контрреволюционными элементами во всенародное, всепартийное движение» (так называемое «решение от 30 мая»). Этим решением было положено начало одной из первых крупных кампаний по выявлению врагов режима. На первых порах кампания по «превращению борьбы с контрреволюционными элементами во всенародное, всепартийное движение» шла вяло и резко активизировалась лишь в 1959 году, когда при ЦК ТПК был создан специальный орган для руководства ею. Во главе этого органа встал младший брат Ким Ир Сена — Ким Ен Чжу, который в то время был одним из высших партийных функционеров. Аналогичные органы, в состав которых входило до 7000 человек, были созданы и при партийных комитетах более низкого уровня².

Разделенное общество

В ходе этой кампании все население Северной Кореи было впервые разделено на 3 группы: «враждебные силы», «нейтральные силы» и «дружественные силы». Это трехчленное деление сохраняется и поныне.

К «враждебным силам» были отнесены:

- 1) семьи перебежчиков на Юг;
- 2) бывшие помещики, предприниматели, торговцы и служители культа, а также их семьи;
- 3) не вернувшиеся на Север пленные и члены их семей;
- 4) бывшие сотрудники японской колониальной администрации и их семьи;
- 5) семьи лиц, отбывающих тюремное заключение, а также сами бывшие заключенные;
- 6) «фракционеры» (то есть те члены партии, которые выступали против действий Ким Ир Сена) и их семьи.

К «дружественным силам» были отнесены:

- 1) семьи погибших революционеров;
- 2) семьи погибших военнослужащих;
- 3) кадровые работники и их семьи.

Остальное население попало, естественно, в разряд «нейтральных сил».

Так была заложена основа жесткого, по сути — сословного деления населения на неравноправные и наследственные категории, которое стало характерной чертой политической организации северокаорейского общества. Система эта сложилась под явным влиянием маоистского Китая, где с конца 50-х гг. тоже существовали похожие квазисословные группы населения, однако в Корее это деление, во-первых, было куда более дробным, и, во-вторых, просуществовало в течение куда более долгого времени.

В ходе кампании 1957-1960 гг. было выявлено небольшое количество «злостных контрреволюционеров», которые предстали перед судом. Около 2500 человек было казнено, причем именно в это время казни стали осуществляться публично. Многие подверглись более мягким наказаниям. Частью кампании стало Постановление Совета министров № 149, принятое на основании уже упомянувшегося «решения 30 мая». В соответствии с этим постановлением лица, отнесенные к «враждебным силам», лишались права жить в приграничных и приморских районах (на расстоянии менее 20 км от границы или береговой линии), а также на расстоянии менее 50 км от Пхеньяна и Кэсона и менее 20 км — от любого другого крупного города. Если учесть, что Северная Корея — не слишком

“Дорогой и Любимый Вождь и Учитель Ким Ир Сен”.

большая страна, то это постановление фактически означало выселение «враждебных элементов» в малолюдные горные северные провинции, где для их размещения были созданы специальные районы.

Всего же за время действия Постановления № 149, которое остаётся в силе и поныне, в горные районы было, по южнокоре-

йским данным, выселено на постоянное проживание около 70 тысяч человек³. Надо сказать, что в этом случае мы, возможно, имеем дело с прямым советским влиянием, так как вся эта система весьма напоминает пресловутый «101 км», существовавшую в СССР систему, в соответствии с которой освободившиеся из заключения лица и иные неблагонадежные элементы не имели права жить ближе 101 км от Москвы, Ленинграда и иных крупных городов.

К началу 1961 года кампания по выявлению и выселению «контрреволюционных элементов» успешно завершилась. Однако резкая активизация военных приготовлений в начале 1960-х гг. и продолжающееся ужесточение внутренней политики кимирсеновского режима потребовали проведения новой, более тщательной «проверки населения на лояльность». Проверка эта началась в 1964 году в соответствии с постановлением «О дальнейшем усилении работы с различными слоями и группами населения», принятым восьмым пленумом ЦК ТПК четвертого созыва в конце февраля. Постановление предписывало провести новое перераспределение населения по категориям, причем новым (не таким, как в 1957-1960 гг.) и существенно более дробным. Работа эта проводилась в 1964-1969 гг. силами так называемых «групп 620», специально сформированных для этой цели. Как и в 1957-1960 гг., эта деятельность сопровождалась высылками, арестами и казнями врагов режима (как реальных, так и потенциальных или просто выдуманных). Завершилась кампания установлением новой системы разделения всего населения Северной Кореи на группы. Система эта с некоторыми изменениями действует и до настоящего времени, поэтому на ней следует остановиться поподробнее.

Все население КНДР в зависимости от своего происхождения подразделяется на 51 группу, которые образуют три слоя: «основной», «колеблющийся» и «враждебный».

К «основному слою» относятся следующие 12 групп:

- 1) рабочие, выходцы из рабочих семей;
- 2) выходцы из крестьян-батраков;
- 3) выходцы из бедных крестьян;
- 4) служащие государственных учреждений;
- 5) члены ТПК;
- 6) члены семей погибших в боях участников революционной борьбы;
- 7) члены семей покойных участников революционно-го и национально-освободительного движения;

8) революционные интеллигенты (то есть такие интеллигенты, которые получили образование уже после Освобождения);

- 9) семьи убитых в годы войны мирных жителей;
- 10) семьи солдат, погибших на Корейской войне;
- 11) семьи военнослужащих;
- 12) герои войны.

К «колеблющемуся слою» относятся 9 групп:

- 13) бывшие мелкие торговцы-разносчики;
- 14) бывшие средние торговцы;
- 15) бывшие ремесленники;
- 16) бывшие владельцы мелких предприятий;
- 17) бывшие владельцы мелких предприятий сферы обслуживания;

18) бывшие владельцы средних предприятий сферы обслуживания;

19) семьи лиц, ушедших на Юг во время Корейской войны, но при этом не совершивших никаких действий, направленных против северокорейского политического и государственного строя;

20) бывшие крестьяне-середняки;

21) выходцы с Юга, не принимавшие участия в так называемой «фракционной деятельности» (то есть, попросту, не связанные с коммунистическим движением в Южной Корее).

Как и следует ожидать, наиболее дробная классификация существует для людей, которых нынешний северокорейский режим относит к «враждебному слою». Существует ни много ни мало — 30 видов врагов:

22) рабочие со сложным социальным происхождением, то есть те люди, которые, хотя и стали рабочими после Освобождения, до этого были предпринимателями или чиновниками;

23) бывшие кулаки, то есть крестьяне, использовавшие в своих хозяйствах наемный труд;

24) бывшие торговцы, представлявшие национальный мелкий и средний капитал;

25) бывшие помещики, то есть лица, владевшие до земельной реформы 1946 года более чем 5 чонбо (1 чонбо = 0,99 га) земли;

26) лица, занимавшиеся прояпонской или проамериканской деятельностью;

27) бывшие реакционные чиновники, служившие в японской колониальной администрации;

28) семьи лиц с хорошим социальным происхождением, совершивших преступные действия и бежавших на Юг во время войны;

29) семьи лиц с чуждым социальным происхождением, бежавших на Юг во время войны;

30) вернувшиеся в 1950-е гг. из Китая в Корею китайские корейцы;

31) вернувшиеся в 1960-е гг. из Японии в Корею японские корейцы;

32) перебежчики с Юга, не относящиеся к категории № 21;

33) старая интеллигенция, получившая образование еще до Освобождения;

34) лица, исповедующие протестантизм и исполняющие протестантские обряды;

- 35) лица, исповедующие буддизм и исполняющие буддийские обряды;
- 36) лица, исповедующие католицизм и исполняющие католические обряды;
- 37) местные конфуцианцы;
- 38) лица, исключенные из ТПК;
- 39) бывшие кадровые работники, снятые с постов;
- 40) лица, служившие во время оккупации Северной Кореи в американско-южнокорейских войсках, в полиции и государственном аппарате Юга;
- 41) семьи лиц, отбывающих тюремное заключение;
- 42) лица, связанные со шпионскими организациями, и члены их семей;
- 43) антипартийные, контрреволюционные, фракционные элементы;
- 44) семьи лиц, наказанных за политические преступления;
- 45) лица, освобожденные после отбытия срока наказания за политические преступления;
- 46) лица, склонные к хулиганским поступкам;
- 47) «подозрительные женщины» — бывшие шаманки, куртизанки-кисэн и их ближайшие родственницы;
- 48) лица, освобожденные после отбытия срока наказания за хищения, растраты и иные экономические преступления;
- 49) бывшие члены Партии молодых друзей небесного пути;
- 50) бывшие члены Демократической партии;
- 51) бывшие капиталисты, собственность которых была национализирована в 1946 году.

Остальные жители страны относятся, как можно легко догадаться, к «колеблющемуся» слою. То, к какому слою и даже к какой конкретно из этих многочисленных групп принадлежит тот или иной человек, оказывает огромное, а порой и определяющее влияние на его судьбу. От этого зависит поступление на работу или учебу, а значит, и уровень жизни, возможность жить в Пхеньяне и других престижных городах, тяжесть приговора в случае суда и многое другое. Например, у представителей «враждебного слоя» обычно нет никаких шансов ни поступить в столичный вуз, ни жить в Пхеньяне или Кэсоне. Представители наиболее дискриминируемых группировок, как правило, могут найти себя супруга только среди товарищей по несчастью (ситуация, известная по маоцзедуновскому Китаю), что окончательно превращает такие группировки в замкнутые наследственные касты неприкасаемых.

Разумеется, нет никакой возможности даже приблизительно определить численность этих групп. Разнобой в данных по этому вопросу редкостный. Так, в 1986 году в одной южнокорейской коллективной монографии, со ссылкой на издание Министерства объединения (эти издания весьма богаты фактами, но, увы, не ссылками, и, похоже, часто опираются на разведывательную информацию), было заявлено, что численность «основного», «колеблющегося» и «враждебного» слоев составляет 28%, 45% и 27% соответственно⁴.

Цифры эти, по крайней мере, правдоподобны, и все бы ничего, если бы в другом разделе той же самой коллек-

тивной монографии не содержались, со ссылкой на американскую публикацию, совсем другие цифры: 25%, 24%, 51%⁵. Такой разброс еще раз подчеркивает то обстоятельство, что серьезной информации пока нет ни у кого.

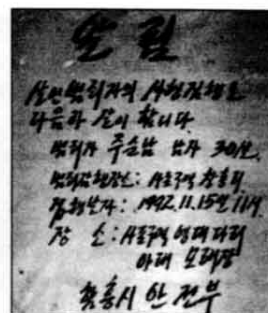
Р. Каган, соавтор известной работы о правах человека в Северной Корее, сказал на проводившихся в мае 1992 года в США специальных слушаниях Heritage Foundation по северокорейскому вопросу, что к первому, «основному», слою относится около 2 млн. человек, ко второму — «колеблющемуся» — около 15 млн. и к третьему — «враждебному» — около 3 млн⁶. К сожалению, Р. Каган не дал при этом никаких ссылок. Нам, однако, представляется, что численность «основного» слоя у Р. Кагана существенно занижена, а «колеблющегося» — наоборот, завышена.

При рассмотрении оценок Р. Кагана следует помнить, что только численность ТПК, все члены которой, по определению, относятся к «основному» слою, в 1980 году составляла, как было сообщено на VI съезде, «2-3 миллиона человек» и с тех пор, бесспорно, увеличилась. Кроме того, к «основному» слою следует отнести практически всех жителей Пхеньяна и Кэсона, а это еще около двух миллионов человек, частично беспартийных и, таким образом, лишь частично входящих в упомянутые выше «2-3 миллиона». Кроме того, в состав «основного слоя» входят и семьи военнослужащих — немалочисленная группа, если учесть, что в северокорейской армии насчитывается более миллиона солдат и офицеров. Так что даже по самым приблизительным минимальным оценкам численность «основного слоя» едва ли может быть меньше 4-5 миллионов человек. Скорее же всего, она существенно выше.

Имеет смысл сказать несколько слов о корейских местах лишения свободы, без которых эффективный контроль режима над населением был бы немислим. Все корейские тюрьмы и лагеря можно разделить на две группы: лагеря, в которые направляются политически неблагонадежные элементы и политические преступники, и обычные лагеря и тюрьмы, в которых содержатся лица, осужденные судом за уголовные преступления. Из известной на настоящий момент информации создается впечатление, что сегрегация между уголовными и политическими преступниками соблюдается в КНДР достаточно строго.

ссылка и спецпоселение

К первому типу лагерей относятся так называемые «районы действия Постановления №149» и «особые районы объектов диктатуры». «Районы действия Постановления №149» (149 хо тэсань чиек) были созданы в конце пятидесятых годов в северных малонаселенных провинциях после принятия уже упоминавшегося постановления

Объявление о проведении публичной экзекуции.

Показательная экзекуция.

Совета министров, которое предусматривало выселение нежелательных элементов в отдаленные горные местности. Высланные туда люди не являются заключенными в точном смысле слова. Скорее, они находятся на положении, напоминающем статус советских «спецпереселенцев» 30-50-х гг. (возможно, что здесь существовало прямое влияние): в удостоверениях личности у них ставится соответствующая отметка, они обязаны периодически отмечаться в местном управлении общественной безопасности, без разрешения этого органа они не могут покинуть своего поселка или пригласить кого-либо к себе. Высланные в эти районы люди занимаются преимущественно тяжелой физической работой, хотя бы по той причине, что никакой другой работы там нет.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что если наши предположения о влиянии сталинской системы «спецпереселенцев» на «Постановление №149» верны, то его авторам не надо было тратить много времени на изучение советского опыта: «спецпереселенцами» в 1937-1945 гг. было большинство советских корейцев, в том числе и те, кто в конце 1950-х гг. занимал заметные посты в КНДР.

«Особые районы объектов диктатуры» были созданы в конце 1950-х гг. и предназначались для выселения туда лиц, связанных с теми или иными политическими преступлениями. Этот институт (как, кстати, и сам странный для нашего слуха термин «объекты диктатуры») — китайского происхождения. Режим, действующий в этих районах, значительно строже того, что существует в «районах действия Постановления №149», ибо в них преимущественно находятся не потенциальные враги режима, а лица, совершившие те или иные «политические ошибки», а также члены семей более серьезных политических преступников. По южнокорейским данным, в конце восьмидесятых годов в КНДР насчитывалось двенадцать таких районов, площадью от 50 до 250 кв. км каждый. Количество проживающих там «объектов диктатуры» оценивается примерно в 150 тыс. человек⁷.

В последнее время появились первые достоверные сведения о жизни в «особых районах объектов диктатуры». Это связано с тем, что нескольким бывшим заключенным удалось через некоторое время после освобождения из заключения бежать в Южную Корею. На основании их рассказов можно представить уклад жизни, существующий в лагерях этого типа.

В целом режим в «особых районах» близок к лагерному. Территория района обнесена колючей проволокой и охраняется, находящиеся там люди в обязательном порядке должны работать по 12 часов в день, получая скудный паек. Они, как правило, живут в отдельных домах или землянках вместе со своими семьями, могут без конвоя передвигаться по территории района, им разрешается заниматься земледелием.

В одном отношении северокорейский режим далеко превосходит свои прототипы: сталинский Советский Союз и маоцзедуновский Китай. <...> В Корее в «особый район» часто попадают целыми семьями, причем несовершеннолетних детей отправляют туда вместе с родителями. Так, живущий ныне в Южной Корее Кан Чхоль Хван был отправлен в «особый район объектов диктатуры» вместе со своей семьей в 1977 году, когда ему было только 7 лет, и находился там до февраля 1987 года. Причиной ареста семьи стал конфликт между его бабушкой, проживавшей в Японии, активисткой Чхонрена, пропхеньянской организации японских корейцев, и лидером этой организации Хан Док Су. После репатриации эта семья, которая, помимо всего прочего, внесла немалые деньги на строительство исполнинской статуи Ким Ир Сена на холме Мансудэ, в полном составе попала в лагерь. Дети в лагерях — это явление столь обычное, что для них там даже действуют школы, где преподают сотрудники политической полиции (такую школу окончил, в частности, Кан Чхоль Хван)⁸.

Внутри самих «особых районов» имеются зоны, различающиеся по своему режиму. Известно о существовании более мягких «зон революционизации» и более жестких «зон абсолютного контроля». В последних заключенные лишены права жить с семьями и вообще не имеют шансов на освобождение⁹.

Все эти типы лагерей отличаются тем, что они не являются, в строгом смысле слова, местами отбытия наказания, потому что заключенные часто (а возможно, и всегда) направляются в них во внесудебном порядке, по одному лишь административному решению властей. Повидимому, срок пребывания в заключении никак не лимитирован и освобождение зависит исключительно от произвола властей.

Осужденные по суду отбывают наказание в тюрьмах, которые бывают двух видов — исправительные лагеря (кехвасо) и исправительно-трудовые лагеря (нодонь кехвасо).

Жизнь тюрем и лагерей — одна из самых закрытых страниц в любом тоталитарном государстве. Особенно это относится к такому сверхтоталитарному государству, каким является современная Северная Корея.

За время своего пребывания в этой стране я обратил внимание на то, что корейская пропаганда и официальное искусство (а другого искусства там просто не существует) почти никогда не говорят ни о суде, ни о тюрьмах. Фильмы про шпионов и «фракционернов» кончаются тем, что разоблаченных злодеев куда-то увозят. Сцена суда, столь популярная в советском киноискусстве сталинских времен, — редкость, о тюрьмах же и вовсе не говорится ничего.

В своем большинстве суды проходят (если проходят вообще) в закрытом порядке. Открытые процессы — явление редкое, и обычно они носят показательный характер. Ан Хек, сам бывший заключенный, заявил категорически: «Те, кто совершил политические или идеологические преступления, [наказываются] без суда»¹⁰. По его словам, судебный процесс — привилегия уголовных преступников. Это, возможно, и некоторое преувеличение, не исключено, что какая-то упрощенная псевдосудебная процедура все-таки проводится (как в случае с арестованным в 1967 году венесуэльским поэтом Али Ламедой, который тогда работал в Северной Корее), но ясно, что на настоящий суд она совершенно непохожа.

С другой стороны, в случае с Ли Сун Ок, обвиненной в уголовном преступлении, некое подобие суда действительно имело место (хотя показания были даны под пытками)¹¹, что может подтверждать заявление Ан Хека о том, что в Северной Корее судят за уголовные преступления, в то время как политические преступления наказываются в административном порядке. Впрочем, во многом этот разговор непредметен, так как очевидно, что суд, даже если он иногда и происходит, занимает буквально минуты и просто формально утверждает заранее подготовленный властями приговор.

Казни

Северная Корея — одна из немногих стран на земле, которая продолжает широко применять публичные казни. До 70-х годов публичные расстрелы, проводившиеся при большом стечении народа, были обычным зрелищем на стадионах Пхеньяна, но в настоящее время подобные «шоу» проводятся только в провинции. Осужденного привязывают к врытому в землю в центре спортивной арены столбу и на глазах собравшейся публики, зачитав приговор, расстреливают. Среди зрителей в обязательном порядке должны присутствовать сослуживцы осужденного. Иногда в воспитательных целях на казнь водят и студентов вузов, а то и старшеклассников (один из знакомых автора ходил на публичный расстрел в 1984 году вместе со всем классом).

Характерной особенностью системы политического террора в Северной Корее является отсутствие пристрастия к пышным судебным спектаклям, на которых лидеры оппозиции должны каяться в разнообразных реальных или, чаще, вымышленных грехах. Это пристрастие, распространившееся по Европе, по-видимому, из позднесредневековой Англии, которая сочетала произвол верховной власти с весьма почтительным отношением к формальным правовым нормам, было характерно и для Французской революции. Попало оно и в послереволюционную Россию, во многом ориентировавшуюся на французские традиции.

В то же время история Северной Кореи знает только один открытый политический процесс — суд 1953 года над рядом бывших руководителей южнокорейского подполья, которых обвинили в шпионаже в пользу США и Японии, подготовке военного переворота и ряде других, столь же фантастических преступлений.

Исчезновения

Однако эта судебная инсценировка произошла еще в период, когда корейское руководство во всех областях жизни однозначно ориентировалось на советский опыт. Выработавшийся же с конца 50-х гг. собственно северо-корейский стиль ликвидации неугодных, не исключая и самых высокопоставленных, стал предусматривать их внезапное исчезновение, после которого зачастую даже родные не могли узнать о судьбе жертв абсолютно ничего. Впрочем, обычно узнавать было некому: члены семей репрессированных, в большинстве случаев, сами отправлялись в ссылку в уже упоминавшиеся «особые районы объектов диктатуры».

В этой методике бесследного исчезновения тоже, конечно, нет ничего нового — ею пользовались многие диктаторские режимы. Однако корейская специфика заключается в том, что такое исчезновение отнюдь не всегда оказывается вечным. В сталинской России внезапное исчезновение видного политика или крупного чиновника почти всегда означало его арест и гибель, но в Северной Корее дела обстоят несколько иначе. Часты случаи, когда люди, которых все наблюдатели единодушно считали давно погибшими, вновь появлялись на северо-корейской политической арене и даже опять начинали играть там немалую роль. Особенно участились подобные «воскрешения из небытия» во второй половине 80-х гг.

Показательна в этом смысле судьба Пак Чжон Э (Пак Ден Ай) — советской кореянки, заброшенной в Корею для нелегальной работы еще в 30-е гг. и впоследствии переметнувшейся на сторону кимирсеновской фракции. Пак Чжон Э приняла самое деятельное участие в уничтожении потенциальных противников Ким Ир Сена, но после лета 1968 года она внезапно исчезла и, казалось, сама разделила их судьбу. Однако спустя 20 лет, в 1986 году, она вновь появилась на корейской политической сцене.

Впрочем, после своего политического воскрешения Пак Чжон Э все-таки стала, что называется, «свадебным генералом» и не играла активной политической или административной роли, чего никак нельзя сказать о другом человеке с похожей судьбой — Чхве Гване. В молодости

«Мобилизованные массы славят идею чучхе».

он принимал участие в партизанском движении, сделал большую карьеру после Освобождения, стал начальником Генерального Штаба, но в феврале 1969 года был обвинен в «подрыве авторитета партии», снят со своего поста и исчез. Однако больше чем через десятилетие он вдруг появился на второстепенном посту, потом снова сделал карьеру и в 1988 году вернулся на ту самую должность, с которой за 20 лет до этого был изгнан, снова став начальником Генерального Штаба (и в таковом качестве прославился особо грозными заявлениями по адресу Южной Кореи).

Еще одним примером такого воскрешения из политического небытия стала судьба Ким Ен Чжу, брата Ким Ир Сена, который в свое время даже рассматривался как его возможный наследник. Именно он, кстати, был одним из руководителей упоминавшейся выше кампании против контрреволюционных элементов, проходившей в 1957-1959 гг. В 1975 г. он бесследно исчез с политической арены (по слухам, из-за того, что недостаточно поддерживал начинающееся возвышение Ким Чен Ира), однако в 1993 году опять появился в северокорейском правительстве, причем на очень заметных ролях. Можно привести еще целый ряд примеров такого же рода.

Тюрьмы и лагеря

До начала девяностых годов внешний мир практически не знал ничего о том, что происходит в северокорейских тюрьмах. Единственным источником информации была небольшая брошюра венесуэльского поэта Али Ламеды, которому удалось, побывав в северокорейской тюрьме, вырваться оттуда на свободу. В середине 60-х годов он работал в Пхеньяне корректором выходящей там на испанском языке литературы и в сентябре 1967 года был арестован вместе с еще одним иностранцем, своим сослуживцем. Им было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу США, судя по всему, абсолютно ложное. В чем заключалась действительная причина ареста Али Ламеды — сказать достаточно сложно, возможно, в этом со временем разберутся корейские исследователи, но возможно и то, что это так навсегда и останется тайной: в таких делах письменных свидетельств обычно не оставляют, а с течением времени будет все меньше шансов найти живых участников этих событий.

После года пребывания в тюрьме, кратковременного освобождения и нового ареста Али Ламеда предстал перед судом. Как и на предшествовавших суду допросах, от Али Ламеды потребовали признать свою вину и покаяться. Он отказался и потребовал защиты и открытого процесса, но судья популярно разъяснил ему, что подобные требования являются буржуазными, и, разумеется, отклонил их. После пятиминутного совещания суд приговорил Али Ламеду к 20 годам тюремного заключения как агента ЦРУ. В тюрьме, однако, он провел только 7 лет и в 1974 году был освобожден в результате активных хлопот самых разных организаций и деятелей — от «Международной Амнистии» до румынского диктатора Николае Чаушеску.

Однако ситуация стала меняться в начале девяностых годов, когда на Юг перешло несколько человек, имевших

самое прямое отношение к северокорейской карательной системе. Среди них можно назвать нескольких бывших заключенных: Ан Хек (находился в лагере в 1987-1989 гг., бежал на Юг в 1992-м), Кан Чхоль Хван (попал в лагерь ребенком, по принципу семейной ответственности, в 1977-1987 гг., бежал на Юг в 1992-м), Ли Сун Ок (отбывала наказание в 1986-1992 гг. в женской тюрьме в Кэчхоне, перешла на Юг в 1995-м). Среди перебежчиков был и бывший охранник, Ан Мен Чхоль, который в 1987-1994 гг. служил в охране концлагерей для политических заключенных.

Их рассказы позволяют составить достаточно полное представление о том, как же протекает жизнь северокорейской тюрьмы. Картина, которая возникает из их воспоминаний, достаточно однозначна. Тюрьма и лагерь — это царство голода и непосильного труда.

Все заключенные обязаны работать. В Кэчхонском женском лагере, например, заключенные шили военную форму и предметы армейского обмундирования: ватники, планшеты, обувь, кожаные портупеи. С 1990 года в лагере работал и вязальный цех, продукция которого отправлялась на экспорт в Японию. Рабочий день в лагере продолжался 18 часов, а в последние недели перед Новым годом, когда было необходимо выполнить план любой ценой к концу года, рабочий день становился вообще 20-часовым¹³.

Хотя все свидетели покинули лагерь до начала продовольственного кризиса, который поразил Северную Корею в начале девяностых, постоянный голод уже тогда был частью повседневной жизни заключенных. Голод использовался и как средство контроля: еда была главной формой поощрения, а лишение ее — главной формой наказания.

Как свидетельствует Ли Сун Ок, которая отбывала наказание в женском лагере в Кэчхоне, там около 1990 года существовала следующая система. Если заключенная не выполняла норму, на следующий день ее 300-граммовый паек снижался до 240 граммов. Если невыполнение продолжалось более 4 дней подряд, то паек сокращался еще больше, до 210 граммов¹⁴.

Разумеется, официального пайка недостаточно, чтобы выжить, так что голод и связанные с ним болезни (в первую очередь — пеллагра) косили заключенных даже в

Единственный католический храм в Северной Кореи. До коммунистического правления в стране было полмиллиона католиков.

сравнительно благополучные восьмидесятые годы. Чтобы уцелеть, люди вынуждены собирать корни, траву, охотиться на крыс и мышей. О мышах и крысах как о главном источнике животного белка в питании заключенных упоминают почти все, кому пришлось побывать в северокорейском лагере. Кан Чхоль Хван говорит: «Если бы я тогда вместе со всеми не ловил и не ел мышей, лягушек, то я был бы уже в лучшем мире»¹⁵. Ему вторит Ан Мен Чхоль: «Хотя политзаключенные тяжело работают, мяса они не видят, и крысиное мясо для них — это важное профилактическое лекарство, средство борьбы с голодом»¹⁶.

Режим изнурительного труда поддерживается террором. Наказания разнообразны. Открытое сопротивление или побег наказываются смертью, причем казнь производится публично, в присутствии других заключенных¹⁷. Большинство более мягких наказаний связано с сокращением и без того мизерного пайка. В Кэчхонском лагере за нарушения режима полагалось заключение в карцере на срок до 10 дней, в течение которых заключенные получали только 90 граммов зерна в день. Как пишет Ли Сун Ок, «заключенные боялись карцера больше смерти»¹⁸.

Разумеется, никаких точных сведений о масштабах репрессий и числе осужденных нет. Существуют разные оценки, в том числе и основанные на данных аэрофотосъемки лагерей, сообщениях перебежчиков, информации иностранных посольств. Самое любопытное, что разброс цифр в этих оценках невелик, почти все признают, что в настоящее время в корейских лагерях находится где-то от 100 до 150 тысяч человек, большинство из которых составляют не уголовные, а политические преступники¹⁹. Несколько особняком стоит оценка, которую без ссылок на источники высказал Р. Каган, оценивший это количество в 300–400 тысяч, но он, видимо, включил в число заключенных и тех, кто находится в «районах действия Постановления №149» и в «особых районах объектов диктатуры».

Из истории террора

Первая волна террора обрушилась на страну в конце пятидесятых годов и была связана с наметившимся тогда отходом Ким Ир Сена от ориентации на СССР. Жертвами репрессий тогда часто становились специалисты, получившие подготовку в СССР и в силу этого со скепсисом относившиеся ко многим идеям Ким Ир Сена, да и вообще, как говорили тогда в Корее, «зараженные ревизионистской идеологией».

В конце 1950-х годов Ким Ир Сен отозвал всех корейских студентов из Советского Союза. Дальнейшая их судьба оказалась печальной. Как рассказал автору этих строк бывший заместитель министра внутренних дел КНДР Кан Сан Хо, которому впоследствии самому пришлось бежать в СССР, для возвратившихся студентов был заботливо подготовлен специальный лагерь, в котором в течение нескольких месяцев проводилась их тщательная проверка. Выясняли, насколько они подверглись тлетворному влиянию XX съезда КПСС и ревизионистской политики Хрущева. С теми, которые оказались «идейно стойкими», поступили милостиво: их отправили в деревню на трудо-

вое перевоспитание, по окончании которого позволили работать по специальности. Менее стойких ждала тюрьма, самых же «ненадежных» попросту расстреляли.

Надо сказать, что кое-кто из студентов предвидел такое развитие событий и отказался

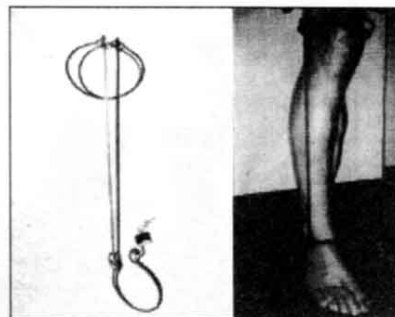
возвращаться на родину. По настоянию Ю. В. Андропова, тогда — главы Международного отдела ЦК КПСС, этим невозвращенцам было предоставлено политическое убежище и, со временем, советское гражданство. В ответ на это северокорейские спецслужбы развернули на советской территории настоящую охоту за потенциальными недовольными. В частности, ими была предпринята неудачная попытка похитить Хо Чжина (впоследствии он приобрел заслуженную известность в качестве журналиста и автора одной из первых книг по истории Северной Кореи). Хо Чжину удалось бежать, выпрыгнув из окна посольства.

Не всегда, однако, все кончалось так благополучно. По меньшей мере, один из диссидентов — студент Московской консерватории — был среди бела дня захвачен корейской спецгруппой в центре Москвы и вывезен в Пхеньян, где едва ли остался в живых. Вообще активная деятельность по отлову невозвращенцев, которую тогда развернули корейские спецслужбы на советской территории, приобрела такой размах, что потребовалось личное вмешательство Хрущева, чтобы остановить ее. По его настоянию северокорейский посол, при котором произошло похищение, был отозван в Пхеньян²⁰.

Жертвы чучхе

Наверное, имеет смысл рассказать здесь о том, за что же человек может оказаться в северокорейской тюрьме. Сейчас информацию такого рода можно найти в многочисленных воспоминаниях перебежчиков, опубликованных в Южной Корее. Однако я бы хотел начать свой рассказ с тех случаев, о которых узнал сам во время своего пребывания в Северной Корее из бесед с северокорейцами и работавшими в Пхеньяне советскими дипломатами. Надо сказать, что о подобных случаях упоминали не один раз.

Вот один из подобных эпизодов, о котором мне рассказал советский дипломат. На Пукчжинском алюминиевом заводе в 1977 году был молодой инженер, человек способный и работающий. Он близко сошелся с нашими специалистами, стал брать у них литературу, несколько раз имел неосторожность выразить свою симпатию к СССР и даже как-то при свидетелях сказал, что «у СССР надо учиться». Он был арестован и публично расстрелян, как объяснили рабочим, за «низкопоклонство перед иностранщиной».

Кандалы для тех, кто пытается убежать из Северной Кореи.

«Великий Вождь (справа) инструктирует китайских добровольцев».

Практика публичных расстрелов за излишне теплое отношение к советскому опыту или людям, да и вообще за любые положительные отзывы о научно-технических или культурных достижениях иных стран, особо широкое распространение получила в шестидесятые годы, в период борьбы за утверждение идеологии чучхе — корейской самобытности. Так, по словам одного отставного офицера, служившего в корейской истребительной авиации и впоследствии бежавшего в СССР, в 1960-1961 годах у него в эскадрилье были казнены два человека. Один из них — за то, что во время полета на его самолете вышла из строя система подачи топлива (обвинили во вредительстве), а другой — за излишне одобрительные воспоминания о советских военных советниках и высокую оценку их профессиональных качеств²¹.

Другой случай, о котором автору стало известно во время пребывания в Пхеньяне в 1984-85 гг., произошел со студентом университета, мать которого работала закройщицей в ателье. Однажды ее арестовали прямо на работе, и больше ее никто не видел. Через три дня и студенту, и его братьям и сестрам было приказано выехать в деревню. Несколько месяцев спустя приехавший из дальнего уезда человек привез письмо, в котором этот студент писал о своей жизни в ссылке. Ему и его семье приходится работать по 12-14 часов в день, а в их наспех построенном домишке ночами даже не тает лед. По-видимому, эта семья оказалась в административном порядке выслана в «район действия Постановления №149» или же «особый район объектов диктатуры».

Немало примеров такого рода можно найти и в воспоминаниях живущих сейчас в Южной Корее перебежчиков из КНДР. Как вспоминает Ан Мен Чхоль, в лагере, где он служил охранником, находилась 27-летняя Хан Чин Док. Попала она туда в возрасте всего лишь 7 лет, по делу своего отца Хан Бен Су, сельского ветеринара. В начале семидесятых ее отец, который лечил свинью у крестьянки, сказал: «В этом мире даже свиньи не могут расти как хотят». Крестьянка, усмотрев в этом выпад против властей, донесла, и на следующий день сотрудник политической полиции пришел к Хан Бен Су. Тут ветеринар совершил вторую ошибку, которая окончательно определила не только его судьбу, но и судьбу его семьи. Он назвал северокорейского руководителя «Ким Ир Сен», не употребив при этом никакого обязательного титула («Великий

Вождь Товарищ Ким Ир Сен», например). Он был арестован, подвергнут пыткам, подписал «признания» в заговорщической и реакционной деятельности и был расстрелян, в то время как его жена и две дочери попали в концлагерь. Жена его умерла там, да и у дочери судьба сложилась трагически: после того как один из охранников потерял место по обвинению в связи с ней (связь с заключенными женщинами — идеологическое преступление), друзья «пострадавшего» схватили ее, изнасиловали, искалечили и добились ее отправки на подземные работы, что равнозначно смертному приговору²².

Кан Чхоль Хван вспоминает о побеге из лагеря, который совершили двое бывших солдат. Причиной их ареста стало то, что они пели южнокорейские песни, которые выучили, пока служили на 38-й параллели. Впоследствии солдатам удалось бежать и скрываться от погони в течение нескольких месяцев. Впрочем, в итоге их побег кончился так же, как и большинство побегов: они были схвачены и повешены в присутствии специально собранных для этого заключенных (среди которых был и сам Кан Чхоль Хван)²³.

Впрочем, подобные примеры можно приводить бесконечно. Ясно, что заметная часть людей, которые сейчас находятся в северокорейских тюрьмах, попали туда из-за проступков, которые ни в какой другой стране не были бы сочтены преступлениями. Ясно также и то, что другая, тоже немалая, часть северокорейских заключенных вообще ничего предосудительного (даже по весьма параноидальным меркам пхеньянского режима) не совершила, а оказалась там по принципу семейной ответственности, который проводится в КНДР в жизнь с последовательностью, не имеющей аналогов в современном мире.

Репрессивный аппарат

Уместно будет, пожалуй, сказать несколько слов и о самих репрессивных органах. Формирование северокорейского репрессивного аппарата началось вскоре после Освобождения страны. Уже в составе созданного осенью 1945 года Административного комитета пяти [северокорейских] провинций существовало Народное бюро безопасности, руководителем которого стал старый соратник Ким Ир Сена по партизанской борьбе в Маньчжурии — Чхве Ён Гон.

После провозглашения КНДР политическим сыском занималось Министерство внутренних дел, в котором с 1948 года существовал «отдел специальной информации», который в июле 1949 года получил название «отдел политической охраны» (по некоторым данным, этот отдел был создан в феврале 1948 года, то есть даже еще до формального провозглашения КНДР)²⁴.

Первым министром внутренних дел КНДР стал блестящий оратор, в прошлом — крупный деятель КПК и доверенное лицо Мао Цзэдуна Пак Ир У, но политический сыск с самого начала находился в подчинении Пан Хак Се, в прошлом — советского корейца. Этот человек сыграл в северокорейской истории зловещую роль, став одним из главных организаторов репрессий 50-60-х гг. О том, что Пан Хак Се пользовался неограниченным доверием Ким

Ир Сена, свидетельствует тот факт, что впоследствии он не только не разделил судьбу своих слишком много знавших советских коллег Ежова и Берии, но до самой своей смерти в 1992 году продолжал занимать важнейшие посты в карательной системе Северной Кореи.

В марте 1951 года «отдел политической охраны» и некоторые другие отделы МВД, занимавшиеся как обычным, так и политическим сыском, были выделены в особое Министерство общественной безопасности, во главе которого встал Пан Хак Се. Впрочем, тогда это министерство просуществовало недолго и в октябре 1952 года вновь было слито с МВД, причем после этого слияния Пан Хак Се занял пост министра внутренних дел, заменив Пак Ир У, которому суждено было вскоре стать жертвой репрессий. Министерство общественной безопасности возникло в октябре 1962 года. На первых порах оно сосредотачивало в своих руках контроль над деятельностью как обычной полиции, так и органов политического сыска, которые подчинялись специальному «отделу политической охраны».

В феврале 1973 года этот отдел был превращен в самостоятельное Министерство политической охраны государства. В апреле 1982 года состоялась еще одна реформа, довольно необычная: Министерство политической охраны государства, которое с этого времени стало называться просто Министерством охраны государства (МОГ), стало (равно как и военное ведомство, и Министерство общественной безопасности) партийным органом, подчиняющимся непосредственно ЦК ТПК.

О структуре МОГ надежных сведений в открытой литературе, разумеется, крайне мало. В отличие от СССР, где в годы конфронтации с США выходило великое множество разоблачительных книг о ЦРУ и ФБР, или же самих США, в которых немало, пусть и в самых мрачных тонах, писали о КГБ, южнокорейские власти крайне неохотно делятся с публикой той информацией о северо-корейских спецслужбах, которой у них не может не быть. Это вообще характерно для Южной Кореи, в которой исследования по ряду аспектов истории и современной жизни северо-корейского общества находятся фактически под негласным запретом. Относится это и к вышедшим в Сеуле запискам перешедших на Юг офицеров северо-корейских спецслужб. Речь в этих записках идет о чем угодно, но только не о структуре и деятельности их бывшего ведомства²⁵. Нет сомнений, что это замалчивание отражает вполне определенную политическую линию Сеула.

Известно, что в состав центрального аппарата МОГ входят 16 отделов (кук) и 4 управления (чхо). Свое Управление политической охраны имеет каждая провинция и каждый уезд. Кроме того, в армии существует система, примерно аналогичная советской системе особых отделов. Штатные представители службы безопасности есть как в частях, так и в подразделениях, вплоть до роты.

Задачи административного контроля над населением МОГ решает не одно, а в тесном контакте с Министерством общественной безопасности (МОБ), которому подчиняется обычная полиция. Большинство про-

стых корейцев имеют дело с МОГ только в тех случаях, когда им особо не повезет, в то время как повседневный контроль над их жизнью поручен органам МОБ. Именно они осуществляют регистрацию населения, выдают разрешения на поездки по стране, именно к ним стекается повседневная информация о поведении, поступках, высказываниях большинства корейцев.

Контроль и слежка

Уникальной, но в то же самое время и имеющей глубокие корни в дальневосточной традиции особенностью системы политического контроля, существующей в современном северо-корейском обществе, является институт круговой поруки. Все население Северной Кореи разделено на так называемые народные группы «инминбан», в которые объединяются по месту жительства от двадцати до пятидесяти, а в среднем — около сорока семей. Обычно это либо жители небольшого квартала сельских домов, либо многоэтажного дома, либо даже одного подъезда в таком доме. Во главе каждой группы стоит чиновник, который несет ответственность за все, что происходит с членами его подведомственной «народной группы». Обычно он бдительно следит за благонадежностью и добронравием своих подопечных, ведь любой их крупный проступок может стоить ему неприятностей.

Называют этих чиновников — «инминбанчан», то есть «начальник народной группы». По его разнарядке члены «народной группы» должны участвовать во всяческих хозяйственных работах, убирать территорию. Проходят в «народных группах» и собрания, на которых их неработающие члены — по большей части пожилые тетушки — изучают идеи чучхе или слушают рассказы о величии Ким Ир Сена.

Однако главная задача этих низших чиновников — контроль над вверенным им населением. «Инминбанчан», в частности, может войти в любую из подопечных ему квартир как днем, так и ночью. Каждый кореец, ночующий не у себя дома, обязан связаться с тем «инминбанчаном», в подчинении которого находится ставшая его ночлегом квартира, предъявить свои документы, объяснить причину своего появления и получить письменное разрешение остаться на ночь (для этого в «народной группе» существует специальный гроссбук). Без согласия этого чиновника нельзя уехать в другой город к родственникам, о выездах в командировки тоже следует ставить его в известность. Даже студенты, прибыв на каникулы, обязаны доложить об этом «инминбанчану».

Власть «инминбанчанов» достаточно велика, в некоторых случаях они могут даже выселить неугодных из

Пхеньяна. В случае, если кто-то из членов «народной группы» совершит особо тяжелое политическое преступление, то тем или иным наказаниям

«Вождь и Армия едины». Ким Ир Сен принимает парад.

Кан Бан Сок, Великая Мать Кореи, вырастившая Великого Вождя народа товарища Ким Ир Сена, всеми силами помогала ему в революционной деятельности и тем самым внесла весомый вклад в продвижение чучхейского революционного дела.

могут подвергнуться все ее члены. Система эта восходит к древнейшим временам, к эпохе легистских экспериментов в Китае в III в. до н.э.

Роль системы «инминбан» трудно переоценить, ибо она обеспечивает возможность осуществлять непрерывный контроль над всеми областями жизни северокорейцев. Во многих отношениях эта система более эффективна, чем даже самая разветвленная сеть полицейских осведомителей: ведь то обстоятельство, что тайным агентам приходится действовать, по определению, тайно и находить какие-то объяснения тем или иным своим поступкам или вопросам, во многом затрудняет их деятельность.

«Инминбанчжан», напротив, имеет официальное право контролировать и задавать вопросы, в том числе и такие, какие полицейский осведомитель не смог бы задать, не рискуя быть раскрытым. Разумеется, это не означает, что осведомителей в Корею нет — их, скорее всего, немало, да и «добровольные» доносы, как мы видели из приведенных выше примеров, власти поощряют.

Контроль над населением очень облегчает то обстоятельство, что передвижение по стране крайне ограничено. Без специального разрешения органов безопасности никто не имеет права выезжать за пределы своего уезда. Билет можно купить, лишь предъявив это разрешение. Перроны железнодорожных станций тщательно огорожены и часто охраняются солдатами внутренних войск, пройти на перрон можно только через контрольный пункт, предъявив вооруженным часовым (а если дело происходит на мелких станциях, где их нет, — то девушке-контролеру) свои документы, билет и разрешение на поездку. Мне самому довелось видеть это разрешение — небольшой голубоватый листочек с именем, указанием учреждения, цели и продолжительности поездки. За попытку проникнуть без этого документа в соседний уезд полагается 15 суток принудительных работ и, разумеется, водворение на прежнее место жительства.

Естественно, возникает вопрос: а как же быть тем, кто хочет встретиться с родственниками или же друзьями, живущими в соседнем уезде? Для них существует система вызовов, органы безопасности выдают разрешение на поездку, если есть официально заверенное приглашение от родственников.

Конечно, вся эта система преследует, в первую очередь, внутрисполитические задачи. Отчасти направлена она и против действий южнокорейских и иных разведслужб, но главная ее цель — не допустить недовольства режимом и пресечь в зародыше саму возможность протеста. Делает она невозможным и побег из мест заключения или дезертирство. Те трое бывших заключенных, которые сейчас находятся в Южной Корее, бежали за границу уже после того, как были освобождены из мест заключения, и

утверждают, что им неизвестен ни один случай удачного побега из северокорейской тюрьмы²⁶. <...>

Одной из важнейших задач, которую преследует система административно-полицейского контроля в Корею, является обеспечение «герметичности» корейского общества, организация жесткого контроля над информацией. В Корею запрещена продажа приемников со свободной настройкой: все продаваемые (точнее — выдаваемые по ордерам и талонам, а также в качестве «подарков Великого Вождя») приемники имеют фиксированную настройку на волну пхеньянского радио, причем представители МОБ систематически проводят внезапные рейды на дома владельцев приемников с целью их проверки. Даже в том случае, если кореец покупает приемник в валютном магазине или привозит его из-за границы, он обязан немедленно сдать его в Управление общественной безопасности для переделки, после которой с помощью приемника можно слушать только идейно проверенное пхеньянское вещание. Наличие у кого-либо не переделанного приемника уже само по себе считается преступлением.

Другим средством информационного контроля над населением является чрезвычайно развитая система спецхранов в библиотеках. В отделы специального хранения попадает вся иностранная литература и (вполне в духе Оруэлла) все корейские издания более чем 10- или 15-летней давности, за исключением чисто технических, так что северокорейцы лишены возможности проследить за колебаниями линии властей по старым изданиям.

Разумеется, полностью изолированы корейцы и от тех немногих иностранцев, что находятся в стране. Опасность быть обвиненным в «шпионских связях» столь велика, что от группы иностранцев на улице буквально отшатываются, как от прокаженных. Надо сказать, что для такого поведения есть основания, ведь любые несанкционированные контакты с иностранцами смертельно опасны для граждан Северной Кореи.

Так, живущий ныне в Южной Корее Ан Хек был в 1986 году арестован за встречу с иностранцем и провел сначала полтора года в тюрьме Министерства политической охраны государства, а потом еще 2 года — в «особом районе объектов диктатуры»²⁷. Обеспечение жесткой ин-

Встреча через полвека. Первая леди Южной Кореи Ли Хи Хо (слева) и ее школьная учительница Ким Джи Хан, уехавшая из Сеула в Пхеньян в 1945-м. (Фото: AP)

формационной изоляции, которую нынешнее северо-корейское руководство не без основания считает залогом сохранения своего режима (а возможно, и собственного физического выживания), тоже возлагается на репрессивно-полицейские органы.

В результате многолетней «деятельности» северо-корейских властей в стране удалось создать стройную систему тотального контроля и, пожалуй, реализовать старую мечту иных утопистов (и кошмар антиутопистов) — построить общество, в котором все стороны жизни индивида если и не управляются властями, то, по крайней мере, им известны и отчасти контролируются. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

- *1. Интервью с Кан Сан Хо. Ленинград, 31 октября 1989 г.
Кан Сан Хо — советский журналист и партийный работник, в 1945–1959 гг. на работе в КНДР, занимал ряд постов: директор Высшей партийной школы, зам. министра внутренних дел и др.
- *2. Пукхан чхоньям (Северокорейское обозрение). Сеул, «Пукхан ёнгусо», 1985. С.310.
- *3. Там же, с.312.
- *4. Пукнам-ый сэнхвальсань (Образ жизни Севера и Юга). Сеул, 1986. С.45.
- *5. Там же, с.105.
- *6. Orwell's Nightmare: Human Rights in North Korea. The Heritage Lectures, №394. Washington, Heritage Foundation, 1992.
- *7. Кан Син Ги. Пукхан-ый пан чхечже серёк-е тэхан кочхаль (Исследование антиправительственных сил в Северной Корее). — Пукхан, 1990, №9.
- *8. Тхыкбёль токжэ тэсань куёк сунёнчададыль ирокхе сальго иттио (Так живут заключенные в «особых районах объектов диктатуры»). — «Пукхан», 1992, №12.
- *9. Там же, с.66.
- *10. Там же, с.65.
- *11. Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисань нахвон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1997, №11.
- *12. Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисань нахвон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1996, №12, с.140, 144; 1997, №1, с.103.
- *13. Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисань нахвон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1996, №12. С.138.
- *14. Кан Чхоль Хван. Оны Пуксон чзиль кёпхо-ый сирён. — «Хин кос-до комда». Сеул, «Тана», 1996. С.26.
- *15. Ан Мён Чхоль. Чви коги-га юильхан пояк. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996. С.178.
- *16. Описание такой казни одним из бывших заключенных см.: Кан Чхоль Хван. Пукухан соёнсо инмин чэпхан. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996. С.30–41.
- *17. Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисань нахвон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1996, №12. С.138.
- *18. Orwell's Nightmare: Human Rights in North Korea. The Heritage Lectures, №394. Washington, Heritage Foundation, 1992. P.24.
- *19. Похищение северокорейского студента вызвало мини-кризис в советско-корейских отношениях. Среди материалов на эту тему можно выделить:
Дневник советского посла в КНДР. Запись от 1 февраля 1960. Архив внешней политики Российской Федерации, фонд 0102, оп. 16, д.6, п.85.
Запись телефонного разговора Е.Д. Титоренко (второй секретарь МИДа) с Ким У Чжоном (первый секретарь посольства КНДР). 26 ноября 1959 года. Архив внешней политики Российской Федерации, фонд 0541, оп. 15, д.8, п.81.
- *20. Интервью с А.Соном. Ташкент, 23 января 1991 г.
- *21. Ан Мён Чхоль. Сурённим мальчом хамёнсо сапсиды. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996.
- *22. Кан Чхоль Хван. Пукухан соёнсо инмин чэпхан. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996. С.33.

*24. Пукхан тэсачжон. Сеул, 1974. С.706.

Это подтверждается и недавно опубликованным в Южной Корее документом северокорейского МВД, который датирован 31 марта 1948 г. и на котором есть, в частности, и подпись Пан Хак Се как «начальника отдела информации» (чоньбочхо чхочжань) (текст документа см. Пукхан минчжу тхониль ундонь са. Пхёнъандо пхён («История демократического движения за объединение в Южной Корее. Провинция Пхёнъандо»). Сеул, «Пукхан ёнгусо», 1990. С.420.

*25. Типичны в этом отношении вышедшие в Сеуле в 1976 г. записки Кон Тхак Хо — одного из первых офицеров северокорейской службы безопасности, перешедших на Юг (Кон Тхак Хо. Кукка чоньчхи повигук нэмак (За кулисами Министерства политической охраны государства). Сеул, 1976), а также в целом очень интересные записки Ким Чон Ён (Ким Чон Ён. Пхёнъянь ёчжа. Сеул, «Корё сочжок», 1995).

*26. Тхыкбёль токжэ тэсань куёк сунёнчададыль ирокхе сальго иттио (Так живут заключенные в «особых районах объектов диктатуры»). — «Пукхан», 1992, №12. С.67.

*27. Там же.

ЗАПИСИ БЕСЕД

1. Интервью с Кан Сан Хо. Ленинград, 31 октября 1989 г. Кан Сан Хо — советский журналист и партийный работник, в 1945–1959 гг. на работе в КНДР, занимал ряд постов: директор Высшей партийной школы, зам. министра внутренних дел и др.
2. Интервью с В.П.Ткаченко. Москва, 23 января 1990 г.
В.П.Ткаченко — советский дипломат и партийный работник, с начала 1960-х гг. и вплоть до августовских событий 1991 г. работал в ЦК КПСС, в корейском секторе.
3. Интервью с А.Соном. Ташкент, 23 января 1991 г. А.Сон — сын крупного северокорейского деятеля Сон Вон Сика, выходца из СССР. После окончания военного училища в 1953–1961 гг. служил в северокорейских ВВС.

ПУБЛИКАЦИИ

4. Orwell's Nightmare: Human Rights in North Korea. The Heritage Lectures, №394. Washington, Heritage Foundation, 1992.
5. Ан Мён Чхоль. Сурённим мальчом хамёнсо сапсиды. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996.
6. Ан Мён Чхоль. Чви коги-га юильхан пояк. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996.
7. Кан Чхоль Хван. Пукухан соёнсо инмин чэпхан. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996.
8. Кан Чхоль Хван. Оны Пуксон чзиль кёпхо-ый сирён. — «Хин кос-до комда». Сеул, Тана, 1996.
9. Ким Пу Сонь. На-га пёхан ттоньгуль. Сеул, «Капча мунхва са», 1976.
10. Пукхан тэсачжон. Сеул, 1974.
- 10а. Ли Сун Ок. Пук Чосон-ый чисань нахвон-ын «акма-ый согуль» иотта. — «Пукхан», 1996, №8–№12; 1997, №1.
11. Ли Чон Хи. Пукхан ёрон. Сеул, Мунхёнса, 1987.
12. Пукхан инмён сачжон. Сеул, «Тонъя ильбо са», 1990.
13. Пукхан минчжу тхониль ундонь са. Пхёнъандо пхён («История демократического движения за объединение в Южной Корее. Провинция Пхёнъандо»). Сеул, «Пукхан ёнгусо», 1990.
14. Пукхан чхоллам (Северокорейское обозрение). Сеул, 1985.
15. Кон Тхак Хо. Кукка чоньчхи повигук нэмак (За кулисами Министерства политической охраны государства). Сеул, 1976.
16. Кан Син Ги. Пукхан-ый пан чхечже серёк-е тэхан кочхаль (Исследование антиправительственных сил в Северной Корее). — «Пукхан», 1990, №9.
17. Пукнам-ый сэнхвальсань (Образ жизни Севера и Юга). Сеул, 1986.
18. Тхыкбёль токжэ тэсань куёк сунёнчададыль ирокхе сальго иттио (Так живут заключенные в «особых районах объектов диктатуры»). — «Пукхан», 1992, №12.

Публикуется в сокращении.

Оригинал:

http://www.korea.org/2000/rights/16_80/427.htm

Положение с правами человека в Северной Корее

Из доклада Кореической Международной Лиги защиты прав человека (IHRLK)

<...> В Северной Корее нет никаких законов, регулирующих защиту прав человека. Юридические власти являются фактически орудиями в руках Трудовой Партии Кореи, и ее указания более важны для них, чем все другие законы. В судах не соблюдаются никакие законные процедуры, а публичные экзекуции производятся в любом месте и в любое время. Таким образом были приговорены около 200000 человек, которые находятся в настоящее время в более чем десяти лагерях, разбросанных по территории всей страны. Заключенные не имеют серьезной надежды на освобождение, а их гражданские права неустанно нарушаются.

В Северной Корее указания, исходящие от Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, считаются наивысшим законом и их весомость превышает даже конституцию или решения Трудовой Партии Кореи. Северокорейская конституция в 11 статье предусматривает, что Кореическая Народно-Демократическая Республика живет под руководством ТПК. А в свою очередь, устав ТПК утверждает в преамбуле, что во всех своих действиях партия подчиняется идеологии чучхе, созданной Великим Вождем Ким Ир Сеном.

Конституция играет роль орудия, при помощи которого проводятся в жизнь инструкции Ким Ир Сена, а те в свою очередь реализуют принципы коллективизма.

Северокорейское уголовное право сконструировано таким образом, чтобы усилить принцип наследственной диктатуры.

Суды и прокуратуры функционируют таким образом, чтобы проводить в жизнь указания Вождя и Партии. Все обязывающие в Северной Корее законы так сформулированы, чтобы принудить людей к безусловному выполнению приказов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, а также политики партии. Законы эти не имеют ничего общего с правами человека.

Нарушение прав человека в политике

Всеобщие выборы в Северной Корее имеют своей целью выбор членов Верховного Народного Собрания (корейского парламента). Голосование, однако, является чистой формальностью, призванной показать миру, что в Северной Корее соблюдается демократический порядок. На самом деле выборы имеют целью утверждение однопартийной системы, поскольку в каждом округе ТПК выдвигает только одного кандидата. Голосующие могут опустить в урны только голоса «за» и «против». В результате в выборах всегда принимает участие 100 процентов на-

селения и 100 процентов голосуют «за». Как следует из заявления северокорейских властей, в выборах приняло участие 99,85 % избирателей, 100 % проголосовало «за».

Нарушение прав человека в экономике

Северокорейская конституция объявляет, что все средства производства принадлежат исключительно государству и кооперативным организациям (статья 20). Статья 21 говорит, в свою очередь, что не существует никаких ограничений имущества, которым может владеть государство. Как утверждает конституция, все общественные здания, а также фабрики, предприятия, банки и средства передвижения принадлежат государству. Личная собственность допускается только в отношении движимости, которой частный владелец пользуется в личных целях.

Продовольственный паек, получаемый гражданином, зависит от его общественной позиции и выполняемой работы. По официальным данным, каждый гражданин получает 700 граммов зерна ежедневно. Однако в связи с ухудшающейся хозяйственной ситуацией в стране с 1995 года власти Пхеньяна приостановили выдачу зерна. Продовольствия тем не менее хватает членам элитарных групп общества. Сейчас большинство граждан вынуждено добывать продовольствие на черном рынке. Население Северной Кореи страдает от отсутствия продовольствия уже в течение нескольких лет. Из полученной информации следует, что за последние два-три года там умерло от голода более миллиона человек. Именно голод является одной из главных причин увеличения в последнее время числа беженцев из Северной Кореи.

Культ личности вождя

Умерший Ким Ир Сен, желая усилить свою позицию вождя-диктатора, сконцентрировал все усилия на укреплении культа личности. Специалисты по пропаганде стряпали истории, которые должны были обогатить достижения Вождя.

По всей стране поставлены разного рода памятники, среди них 70 бронзовых статуй Ким Ир Сена, 40000 гипсовых бюстов Вождя, 250 монументов, восхваляющих достижения Ким Ир Сена, 350 памятных зданий и, кроме того, 3500 так называемых «башен вечной жизни». Более того, все граждане обязаны носить значки с изображением Ким Ир Сена всегда, когда появляются вне дома. Должны также вешать портреты Ким Ир Сена и его сына Ким Чен Ира в главном помещении своего дома.

Северная Корея расходует около 300 миллионов долларов или 6% валового национального продукта только на мумификацию и консервацию тела Ким Ир Сена. Полмиллиона долларов стоило бальзамирование останков, а ежегодная стоимость их содержания достигает 2,27 миллиона долларов. 230 миллионов долларов израсходовано на обновление и увеличение дворца Кумсусан.

Всеми начинаниями, служащими цели поддержки культа личности, руководит лично сын и преемник Ким Ир Сена — Ким Чен Ир. Он пытается оправдать наследственную передачу власти, утверждая, что революционные начинания должны передаваться с поколения на поколение.

Презрение к человеческой жизни

Образование в Северной Корее сконцентрировано на том, чтобы привить в умах учащихся идею о том, что не должно быть колебаний, если потребуется отдать жизнь за вождя Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Корейская конституция утверждает — «государство проводит в жизнь принципы социалистической педагогики и воспитывает новое поколение надежными революционерами, борющимися за общество и народ, которые становятся новым типом коммунистов, образованных, исполненных добрыми качествами и здоровых» (статья 43).

Таким образом, северокорейские власти пробуют подчинить себе общество и сделать из людей защитников Ким Ир Сена и его сына. Как доказательство достигнутых успехов, печатный орган Трудовой Партии Кореи «Родонг Синмун» 17 июля этого года пишет, что 17 членов «Отдела Ли Ин-су» отдали свои жизни, пытаясь погасить огонь, который вспыхнул в одном из мест «революционной памяти». Газета описывает героические подвиги солдат: «Часть солдат не смогла бежать с места пожара, поскольку они пытались заслонить сырой грязью деревья с вырезанными на их стволах надписями в честь Вождя, чтобы таким образом спасти их от огня. Солдаты все время заслоняли деревья собственными руками, несмотря на то что их одежда и тела уже горели». Еженедельник написал, что 17 солдат получили посмертно звание «героя», а правительство приняло решение о строительстве на этом месте памятника в честь отважных солдат.

Группы наслаждения

В Северной Корее существуют так называемые «группы наслаждения», состоящие из танцовщиц и певиц и живущие на специальных виллах. Это коллективы, единственным заданием которых является услаждение Ким Чен Ира. В 80-е годы Северная Корея приглашала даже женщин из Гонконга и с Ближнего Востока, чтобы они работали в этих коллективах.

Каждая «группа наслаждения» состоит из трех коллективов. Первый называется «группой удовлетворения» и оказывает сексуальные услуги. Второй — «группа счастья» — занимается массажем, третий, «вокально-танцевальная группа», дает музыкальные и хореографические представления.

Набор в эти «группы наслаждения» производит бюро защиты Ким Чен Ира. Под руководством этого бюро

В Северной Корее "голосуют" единогласно.

городские и областные отделы Трудовой Партии Кореи выискивают подходящих кандидатов среди учениц последних классов средних школ. По данным беженца с Севера Ким Мионг Хуля (бывшего сотрудника отдела защиты одной из специальных вилл), Бюро Защиты содержит в настоящее время в «группах наслаждения» около 2000 женщин.

Какое количество кандидатов должен представить каждый территориальный отдел партии — решает пятая секция Организационного отдела Трудовой Партии Кореи. Отбор основывается при этом на принципе, что на одно место должны претендовать 100 кандидатов. Секция 5 отбирает одну десятую часть кандидатов и отправляет их в клинику Намсан в районе Даедонгтанг в Пхеньяне на врачебное обследование. Только после обследований ежегодно отбираются 50 женщин, потенциальных членов «групп наслаждения». Список женщин вместе с фотографиями высылают через Департамент Секретариата партии Ким Чен Иру, который окончательно утверждает кандидатуры.

Новички проходят 6-месячный тренинг, прежде чем их назначают на определенные виллы. Минимум 15 дней тренинга имеют форму зарубежной экскурсии. По окончании курса каждая его участница получает звание перчика в Бюро Защиты и назначение на работу на указанной вилле вплоть до момента, когда ей минет 25 лет.

Северокорейская Трудовая Партия Кореи издала тайный документ под заглавием «Проект обеспечения долговечия Великого Вождя (Ким Ир Сена) и Дорогого Предводителя (Ким Чен Ира) является святой обязанностью всех членов Партии и партийных комитетов». Документ был роздан начальству местных комитетов вместе с указанием, чтобы пользоваться им при подборе кандидатов в «группы наслаждения». Каждый представитель руководства выше должности секретаря в первичном местном отделе партии обязан рекомендовать как минимум одну кандидатку в течение года. Каждый представитель партии обычно в начале учебного года посещает старшие классы женских школ на своей территории и производит вступительный отбор кандидатов. Потом приказывает начальству школы, чтобы те хорошо заботились о выбранных им кандидатках.

Идеи чучхе на северокорейских монетах и купюрах.

Публичные экзекуции

Хотя северокорейские власти пытаются это отрицать, теперь уже всем известно, что в Северной Корее часто производятся публичные экзекуции. Большинство беженцев с Севера утверждает, что видели или слышали о них. Пока что удалось собрать доказательства того, что с 70-х годов в Северной Корее произведено, как минимум, 23 публичные экзекуции.

Доклад Amnesty International от февраля 1997 года подтверждает, что власти в Пхеньяне подвергают публичным экзекуциям не только убийц, но также обычных преступников, вроде расхитителей зерна. Публичные экзекуции проводятся после сокращенных или фиктивных судебных процессов, в которых не принимают участия ни судьи, ни адвокаты. Обычно следствие производится местными офицерами полиции, и это они выносят смертный приговор. Обычно полиция вешает объявление, оповещающее жителей данной местности о времени и месте экзекуции. Печатают также фамилии приговоренных преступников. Экзекуции производятся на открытом воздухе, где могут собраться толпы, чтобы следить за их исполнением.

Северокорейское правительство пользуется публичными экзекуциями как средством устрашения граждан, в умах которых могли прорасти антиреволюционные идеи.

Положение инвалидов

Иностранцы никогда не увидят инвалидов в Пхеньяне или в других больших городах. Так происходит потому, что власти Северной Кореи прячут их от общественности, переселяя в отдаленные районы страны. Ли Сун Ок, женщина, которая отбыла срок в северокорейской тюрьме, а потом бежала в Южную Корею, показала, что власти в Пхеньяне начали кампанию переселения инвалидов в отдаленные зоны страны в 80-е годы.

В 90-х годах Север начал вводить в жизнь программу выселения инвалидов из других городов, таких, как Нампхо, Кэсон и Чхондхын, которые были открыты для иностранцев. Были построены специальные деревни в отдаленных районах в округе Ухранг провинции Янгандо, а также в округе Хоангсонг северной провинции Хамгён-Пукто. В этих деревнях жили только карлики, отделенные от мира двойной проволокой под напряжением. Карлики не имеют права общаться с обычными людьми из внешнего мира. Запрещено им также вступать в брак и рожать детей.

Беженцы с Севера

Количество беженцев с Севера начало возрастать в 90-х годах, когда социалистический лагерь стал приближаться к своему концу. Их поток увеличился по причине огромных трудностей с продовольствием на Севере.

Большинство беженцев пересекает северную границу, чтобы попасть в Китай или в Россию, но и после этого они должны скрываться от агентов Севера. Только немногим из них удается добраться до Южной Кореи.

Беженцы, схваченные специальными группами, объявляются врагами государства и транспортируются обратно в Северную Корею в железных цепях, которыми их привязывают за нос. В стране их публично казнят или отправляют в лагерь для политических заключенных.

Выводы

Права человека являются универсальными ценностями, принадлежащими всем человеческим существам независимо от национальности, расы, вероисповедания или идеологических убеждений. В Северной Корее просто не существует такого понятия — права человека.

В этой стране невинные люди могут быть названы контрреволюционерами и без суда и следствия отправлены в лагерь для политических заключенных. Кроме того, большое число корейцев голодает уже много лет.

Положение с правами человека в Северной Корее может быть изменено только в том случае, если правительства всех государств мира, все международные организации защиты прав человека, а также правительственные организации соединят усилия с целью оказания давления на власти Северной Кореи, чтобы они прекратили нарушения прав человека в своей стране.

Только на такие специальные купюры можно приобрести товары иностранного производства.

Лэрри ДАЙАМОНД

Голоса из северокорейского «ГУЛАГа»

Уже в течение многих лет появляются доклады, благодаря которым стало ясно, что в Северной Корее существуют трудовые лагеря, в которых огромное количество политических, а также иных заключенных подвергается страшным издевательствам. Сообщалось об этом в докладах Международного Комитета Защиты Прав Человека Юристов Миннесоты в 1988 году, а также в докладах организации Amnesty International в 1990, 1993, 1994, 1995 годах. Доклад американского государственного департамента о соблюдении прав человека в 1997 году содержит многочисленные ссылки на информацию о том, что в Северной Корее существуют лагеря для политических заключенных.

Конечно, мировое общественное мнение отдает себе отчет в том, что Северная Корея остается одним из наиболее закрытых, строгих и репрессивных политических режимов мира. Подкомиссия Предотвращения Дискриминации и Защиты Меньшинств ООН приняла 21 августа 1997 года резолюцию, выражающую обеспокоенность «повторяющимися и совпадающими до мелочей обвинениями в том, что в Северной Корее бывают случаи грубого нарушения прав человека». Резолюция призывает правительство Северной Кореи обеспечить полное выполнение пунктов Всеобщей Декларации Прав Человека.

Однако, вплоть до сегодняшнего дня, международное общественное мнение недостаточно информировано о масштабе и систематическом характере нарушений прав человека в Северной Корее. Основной проблемой является отсутствие подробной информации. Ситуация, однако, меняется, главным образом, благодаря все возрастающему в последние годы количеству беженцев с Севера, часть которых составляют бывшие политические заключенные и люди, которые исполняли функции лагерных стражников.

И хотя абсолютно закрытый характер северокорейского режима делает практически невозможной проверку подробных показаний беженцев, однако рассказы очевидцев и личный опыт бывших заключенных и стражников рисуют шокирующий образ всеобъемлющей системы террора, издевательства и рабского труда. Все это может быть названо не иначе, как только северокорейским «ГУЛА-Гом».

В мае 1998 года соиздатель «Journal of Democracy» Лэрри Дайамонд лично провел в Сеуле собеседования с бывшими северокорейскими политическими заключенными, а также с бывшими лагерными стражниками. Он разговаривал также с деятелями наиболее значительной южнокорейской общественной организации, занимающейся беженцами с Севера, — Гражданского Союза Помощи

Один из северокорейских лагерей (макет).

Политическим Заключенным в Северной Корее. Все это дало — по словам Дайамонда — заслуживающий доверия и потрясающий образ того, что происходит на Севере. Вот его краткое резюме.

Северокорейский режим пользуется пытками, тюремным заключением, вырванными силой показаниями, а также рабским трудом в огромных масштабах, чтобы искоренить даже самые незначительные проявления инакомыслия, сделать невозможным свободный сбор информации.

Действующий в Сеуле Центр Улучшения Соблюдения Прав Человека в Северной Корее считает, что более чем в десяти разных тюрьмах на территории всей страны содержатся около 200 000 граждан Северной Кореи. Они отбывают сроки за такие «преступления», как чтение зарубежной прессы, слушание зарубежных радиостанций, жалобы на ограничения в доставках продуктов питания, отказ от выполнения распоряжения представителя власти, беседа с иностранцами, выезд за границы Кореи без разрешения или за что угодно, что могло бы «подорвать авторитет» диктатора Ким Чен Ира.

Ослабленная по причине продолжающихся в течение полувека огромных искажений свобод личностей, а также мотивов их деятельности, северокорейская экономическая система, чтобы просуществовать, требует рабской рабочей силы, особенно для поддержания зарубежной торговли. Политические тюрьмы и трудовые лагеря должны в течение каждого месяца, квартала и года выпускать точно определенное количество продукции. Норму надо выполнить любой ценой. Чтобы это осуществить, начальство тюрем и лагерей должно получать свежие партии заключенных, которые бы заняли место тех узников, которые уже не могут этого делать.

Центр Улучшения Соблюдения Прав Человека в Северной Корее считает, что в результате нечеловеческих условий, рабского труда, голодного существования, а также частых своевольных экзекуций в этих лагерях, со времени их создания Ким Ир Сеном, погибло около 400 000 человек.

Эти трагические свидетельства не только не позволяют оставаться безучастными на уровне человеческих эмо-

ций, это также документы, которые требуют гораздо большей заинтересованности правозащитных организаций, демократических правительств и международных структур во всем мире.

Единственная вещь, которой, как кажется, боится режим в Пхеньяне, это обнародование всего того, что происходит в этой стране, а также критика со стороны международной общественности. С этим единодушно соглашаются все бывшие политические заключенные и узники трудовых лагерей, которым удалось совершить побег с Севера. Беженцы с Севера убеждены, что требования на международном уровне допустить в северокорейские тюрьмы наблюдателей, а также требования прекращения истязаний, которые там имеют место, могли бы спасти множество человеческих жизней. Подчеркивают они также и то, что закрытие северокорейского «ГУЛАГа» является непереносимым условием либерализации государственной системы в Северной Корее.

Представленные ниже фрагменты, составленные тематически, взяты из показаний двух бывших заключенных и двух бывших тюремных стражников.

Господин Хуль Хвон Канту, дед которого добровольно возвратился в Северную Корею в 1963 году после того, как ему удалось наладить выгодный бизнес в Японии, было 9 лет, когда вместе со всей семьей он был выслан в лагерь в Йодок. Спустя 10 лет он вышел на свободу. В 1987-1992 годах работал заведующим складом, затем помощником научного сотрудника. В августе 1992 года бежал из Северной Кореи.

Госпожа Сун Ок Ли получила диплом в области инженерии и изучала бухгалтерское дело, когда в 1977 году ее назначили директором снабжения армии в округе Онсеонг. Она закончила экономическое высшее учебное заведение в северокорейском городе Чхонгджин в 1983 году. Госпожа Ли провела 5 лет в тюрьме Кэчхон. Вышла на свободу в декабре 1992 года и спустя три года бежала на Юг. Сейчас госпожа Ли находится на лечении в Южной Корее и читает лекции на тему настоящих условий жизни в Северной Корее. Недавно госпожа Ли издала книгу под названием «Светлые глаза бестий без хвостов», которая является свидетельством жестокостей, которые имеют место в северокорейских лагерях.

Господин Донт Хула Хон, сын госпожи Ли, служил рядовым в отделе государственной службы безопасности в Пхеньяне в 1983-1986 годах, до ареста матери. Позднее был приписан к лагерю №11 в округе Хоинсонг, в северной провинции Хамгён-Пукто. Господин Хон бежал вместе с матерью в Южную Корею в декабре 1995 года.

Господин Миунг Хуль Ахи родился в Северной Корее в 1969 году. В июле 1987 года, вскоре после окончания сельскохозяйственного высшего учебного заведения в своем родном городе Хонвоне, вступил в армию в качестве тюремного стражника. Бежал в Китай, а потом успешно переправился в Южную Корею. В настоящее время — чиновник высокого ранга в национальной Федерации Сельскохозяйственных Ассоциаций в Сеуле. Одновременно он учится заочно в университете на факультете управления производством.

Ниже представлены свидетельства, полученные от сеульского Гражданского Союза Помощи Политическим Заключенным Северной Кореи, правозащитной неправительственной организации, и записи рассказов г-на Канта и г-жи Ли во время их визита в Вашингтон в начале 1998 года. Текст предоставлен вашингтонским Фондом «Форум Защиты».

Хуль Хвон Кант: Я родился в Северной Корее в 1968 году. Однажды, в начале августа 1977 года, в нашу квартиру неожиданно ворвались семеро офицеров службы безопасности. В то время мы жили в апартаментах, принадлежащих министерству полиции и транспорта, около моста Таздонг в Пхеньяне. Офицеры вынули у нас описание нашего имущества и приказали матери подписать этот документ. В нем было написано, что имущество Таз Хну Канта, то есть моего деда, который совершил измену, будет конфисковано согласно с предписаниями уголовного права Корейской Народно-Демократической Республики. Подпись Яэ Куп Юна, шефа округа министерства государственной безопасности.

На следующий день, в четыре часа утра, мы услышали, что к нашему блоку подъехал автомобиль. Офицеры пинками вывели нас из дома и приказали сесть в машину. Мать, сядущую в автомобиль, задержал один из исполнителей и сказал ей: «Ты поедешь отдельно». Именно таким образом я был отделен от матери. Десять часов спустя мы приехали в лагерь для политических заключенных в Йодок, в южной провинции Хванхэ-Намдо. Этот лагерь более известен как Отдел Корейской Народной

«В истекшие периоды мы, установив чучхе, сделали все по нашему стилю, и у нас все дела успешно продвигались вперед. И теперь мы решаем все вопросы по-нашему на основе идей чучхе».

Великий Вождь товарищ Ким Ир Сен

Стражи № 2915. Здесь мы встретили моего дядю, арестованного предыдущей ночью.

Сун Ок Ли: 26 октября 1986 года я была арестована по фальшивому обвинению в хищении государственного имущества. Я пережила разного рода страшные пытки и грубое обращение в течение 14-месячных допросов. Меня так сильно били, пинали и душили, что я еле могла дойти из моей камеры в комнату допросов. Меня должны были волоочь на допросы. Мои губы были разорваны вдоль всей щеки вплоть до уха. Часто меня обливали холодной водой и оставляли снаружи на ледящем зимнем ветру, и я всегда стояла так в течение часа. Это называлось «замораживанием рыбы». Однажды меня оставили на полу без сознания, а когда я очнулась, то увидела, что по моим открытым ранам ползают черви.

Эта страшная боль допросов начиналась ранним утром и продолжалась до полуночи. Часто в течение нескольких дней подряд меня лишали еды и, кроме того, заставляли стоять около офицеров, которые в это время принимали пищу.

Часть заключенных умерла после пыток, среди жертв были Юнг Кван Хон, бывший директор снабжения, госпожа Сун Нио Ким, бывшая служащая банка, и некоторые другие, фамилии которых могу назвать. Офицеры, проводившие допросы, требовали, чтобы я «сказала правду» и признала свою вину. Я отказывалась и все время утверждала, что я ни в чем не виновата. Однажды мне пообещали, что если я признаюсь, то они «не тронут моего мужа и сына». Добавили, что я смогу доказать свою невиновность перед судом. Я подписала бумаги и 9 ноября 1987 года предстала перед судом.

Мой процесс начался в 10 часов утра. Я потребовала свидания с мужем. Хотела ему рассказать, как жестоко со мной обходились. Следователь ответил: «Кто? Твой муж? Его здесь нет. Лучше следи сегодня за своим языком, а если не будешь, то можешь иметь настоящие проблемы. Запомни это!» Вступительное разбирательство происходило в бюро директора отдела управления торговли. Там я впервые увидела судью и адвоката. Спросили, признаю ли я свою вину. Еще раньше следователи многократно говорили мне и принудили обещать, что во время процесса я признаю свою вину. Однако я не удержалась и сказала, что ни в чем не виновата. Попросила также, чтобы процесс проводился честно. После этих моих неожиданных слов стоящие около меня стражники стали на меня кричать и бросили меня на колени. Судья заявил, что на этом вступительная часть процесса окончена. Во время ожидания начала моего процесса, до 5 часов вечера, я была смертельно голодна. Мне трудно было владеть собой. Потом пришли следственные офицеры и сказали, чтобы я призналась и таким образом спасла мужа и сына. Во время процесса судья спросил, справедливы ли выдвинутые против меня обвинения. Я ответила утвердительно. Получила приговор — 13 лет тюрьмы. Мой защитник не произнес слова, а дело сразу

закончили. Позднее я узнала, что мой сын был исключен из школы, а муж лишился работы. Следователи меня обманули...

Сюзанна ШОЛЬТ

За темным занавесом Северной Кореи

<...> Госпожа Ли, высокообразованная гражданка Северной Кореи, была руководителем поставок в торговом центре, который занимался обмундированием армии. Когда директор по делам безопасности в этом центре попросил ее дать ему несколько комплектов одежды, она отказала. Директор добился ее ареста, ложно обвинив в хищении государственного имущества. Она находилась под полицейским следственным арестом 14 месяцев, во время которых ее жестоко избивали и пытали, поскольку она отказалась подписать документы, подтверждающие ее вину.

Госпожа Ли объясняет: «Я не сильная женщина, но переносила все эти пытки, чтобы уберечь мужа и сына, которых очень люблю. Вы знаете, в Северной Корее, если один член семьи будет обвинен в преступлении, то три следующие поколения этой семьи будут сосланы в лагерь».

Одной из пыток, каким подвергалась госпожа Ли, была так называемая водяная пытка, во время которой ее привязывали к деревянной кровати и принуждали выпивать огромное количество воды, которая лилась из сосуда, подвешенного под потолком. Специально спроектированную трубку вкладывали в рот, чтобы вода вливалась прямо в желудок. Когда желудок переполнялся, один из стражников клал на живот госпожи Ли доску и становился на нее. Госпожа Ли признала свою «вину» и была отправлена в лагерь для политических заключенных. Небольшое имущество, принадлежащее ее семье, было поделено между судьей, ее «адвокатом», который не произнес во время процесса ни слова, и начальником полиции.

В Северной Корее существует, по крайней мере, 10 лагерей для политических заключенных, где заключенных принуждают работать 17 часов ежедневно. Это обязательно для всех, кроме больных и детей до семи лет. Заключенные могут спать только 5 часов ночью в страшным образом переполненных бараках. В течение дня всего один час предназначен для еды и посещения туалета. В лагере, в котором находился господин Кант, ежедневную еду составляла горстка кукурузы с щепоткой соли.

«Одним из принципов лагерных властей было так называемое эффективное использование бесплатной рабочей силы в сочетании с мизерным питанием, — административная прекрасно понимала, что при таком обращении заключенные погибнут», — объясняет господин Кант. Во время 10-летнего пребывания в лагере господин Кант был

"Рис есть коммунизм. Вперед, к цели — пятнадцать миллионам тонн зерна!"

свидетелем смерти от голода сотен людей, видел также регулярно исполнения смертных приговоров через повешение или расстрел.

Госпожа Ли рассказывает: «Первыми словами, которые я услышала от стражника сразу по прибытии в лагерь, были: «Брось всякие мысли о том, чтобы жить как человек». Стражники называли узников «бестиями без хвостов».

Большинство женщин в этом лагере были замужними. Женщинам, которые прибывали в лагерь беременными, впрыскивали специальные препараты, которые действовали так, что дети рождались мертвыми. Если процедура не удавалась и ребенок рождался живым, его убивали сразу после родов на глазах матери. Госпожа Ли была свидетелем таких принудительных аборт и убийств новорожденных.

Она собственными глазами видела, как на заключенных испытывалось химическое оружие. «Однажды в феврале 1990 года людям, которые могли работать, было приказано остаться в лагере. В то же время примерно 150 человек, которые не были в состоянии выполнять какие-либо работы, приказали выйти наружу», — рассказывает госпожа Ли. «Мы увидели, что стражники одеты в противогазы. Потом они распылили в воздухе какую-то субстанцию и приказали этой группе в 150 человек пройти через облако химикатов. Я видела, как они сразу же умирали», — добавляет госпожа Ли.

Лагерь Йодок, в котором господин Кант провел 10 лет, был разделен на две части — зону «наивысшей безопасности» и зону «реиндоктринации». «Я отсидел срок во второй зоне. Тут заключенные имели хотя бы тень надежды на то, что когда-нибудь будут освобождены», — говорит господин Кант. «Первая же зона была в действительности лагерем уничтожения для тех, кто был приговорен к пожизненному заключению».

Когда в конце концов госпожа Ли была выпущена из лагеря, она никогда уже не увидела мужа. Ей удалось, однако, найти сына, и они вместе бежали сначала в Китай, а потом в Южную Корею.

После окончания срока господин Кант решил на побег, когда служащие полиции застали его за слушанием южнокорейской радиостанции. Боясь повторного тюремного заключения, господин Кант бежал через Китай в Южную Корею.

Высказывания госпожи Ли и господина Канта дают свидетельства ужасающей ситуации в Северной Кореи. Эта страна умирает от внутренней причины, вследствие правящего там сталинистского режима. Теперь правительство в Пхеньяне просит Запад срочно доставить продовольствие, крича одновременно, что запасы продовольствия страны кончатся уже в этом месяце.

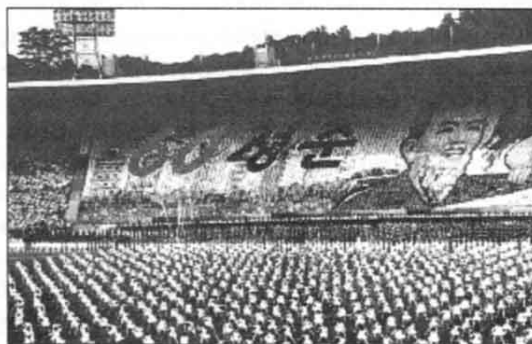
<...> В прошлом году полковник Йу Хваль Хи, самый высокий северокорейский военачальник из тех, которые когда бы то ни было убегали из Северной Кореи, показал, что продовольственная помощь и поставки медикаментов очень часто не попадают к тем, для кого были предназначены. Они оседают у привилегированных членов правительства, партийных аппаратчиков, а также высших военных чинов.

<...> Организация Объединенных Наций должна требовать, чтобы все гуманитарные организации, высылающие продовольствие в Северную Корею, имели право не только поставлять помощь, но также контролировать ее распределение. В своем свидетельстве господин Хи утверждает, что продовольствие, раздаваемое нуждающимся перед телевизионными камерами, а также на глазах работников гуманитарных организаций, отбирается армией сразу после того, как отдаляются камеры и организации. Одной из таких организаций, которая называется «Voice of Martyrs», удалось перехитрить коммунистический режим. Продовольствие доставлялось с помощью воздушных шаров, которые приносили его в отдаленные области страны, в места, где оно было наиболее необходимо.

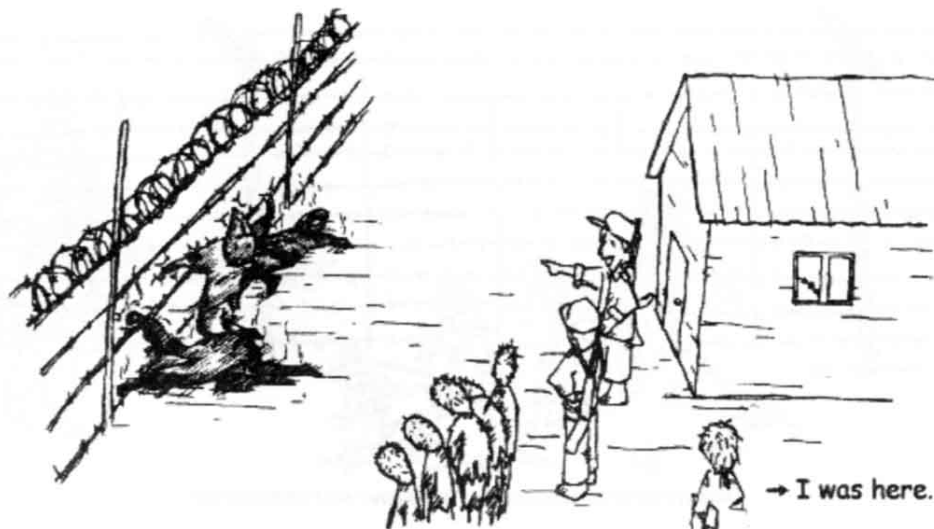
Если мы не начнем действовать, за темной стеной Северной Кореи будут происходить все более страшные вещи. Многие отважные люди, подобные госпоже Ли и господину Канту, будут невинно страдать, 24 миллиона граждан Северной Кореи будут мучаться в темноте, в то время как Ким Чен Ир будет свободно уничтожать народ, используя всевозможные средства, чтобы производить оружие массового уничтожения и содержать бесчеловечную армию. <...>

Публикуется в сокращении

**Материалы для публикации предоставлены
Гражданским Союзом Помощи Политическим
Заключенным в Северной Кореи.**

В публикации использованы
фотоматериалы
из архива журнала "Карта"

Заклученных убивают ради смеха

Охранник останавливает группу мужчин-заклученных и говорит: «Эй, ты и ты, идите сюда! Если вы перелезете через колючую проволоку, я дам вам свободу», — и показывает на забор, по верху которого натянута колючая проволока под током. Заклученные, доведенные до полного отчаяния, в смятении и безумной надежде, что их страданиям придет конец, прыгают навстречу своей смерти.

Этот пример показывает, насколько малоценна жизнь заклученного. К нему относятся, как к вещи, которую не жаль выбросить и легко заменить. И это не исключительный случай. Я неоднократно слышала об этом и дважды видела своими глазами за пять лет моего пребывания в тюрьме.

С.О. Ли, бывшая заклученная.

На заклученных отрабатывают приемы боевых искусств

Заклученные после месяца пребывания в тюрьме, где их мучают голодом и подвергают пыткам, доходят до состояния скелета, обтянутого кожей. Через месяц человека трудно узнать. Мужчины страдают от голода сильнее, чем женщины.

Офицеры используют заклученных как материал для отработки приемов. После первых же ударов истощенный человек падает на цементный пол и лежит там, истекая кровью, пока его не отволокут в камеру.

Часто офицеры приносят рыбу и жарят ее на печке в своей комнате. Запах пищи проникает в камеры, причиняя голодным людям дополнительные мучения.

*С. О. Ли, бывшая
заклученная.*

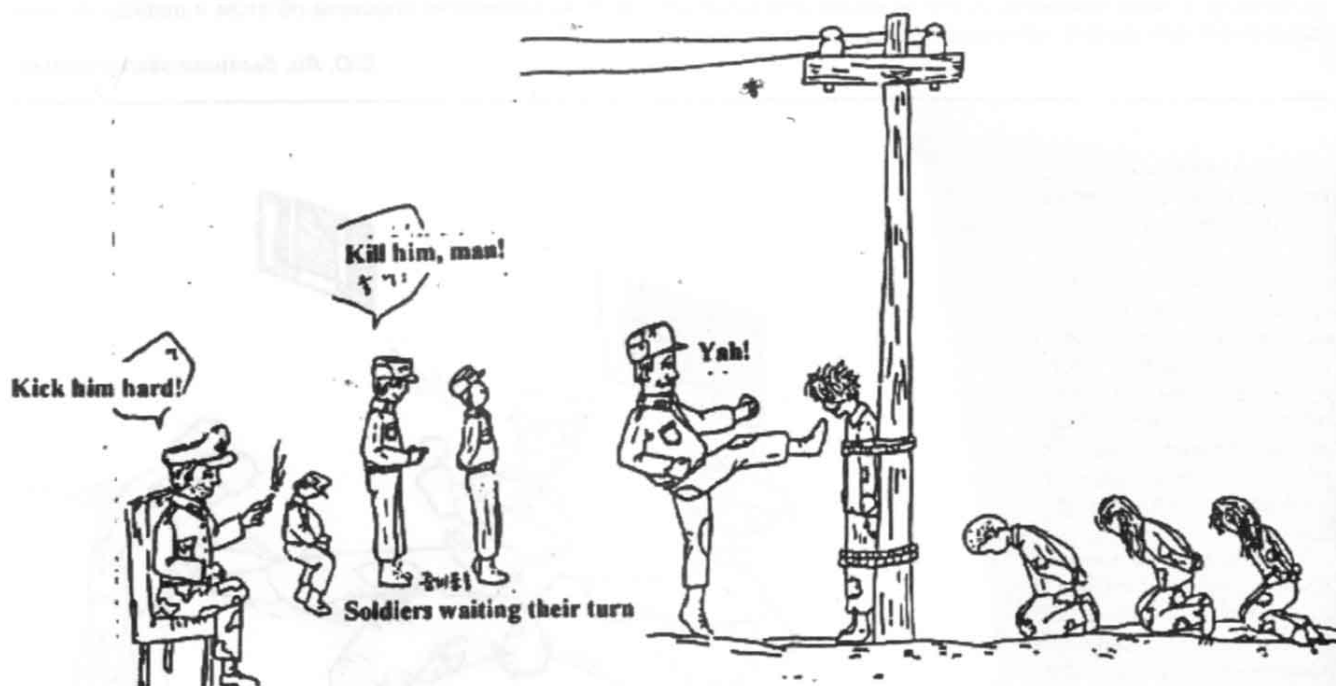

Политзаключенные – жертвы «отчетности»

В 1988 году двое офицеров охраны концлагеря № 15 заставили политзаключенных прыгнуть на колючую проволоку и расстреляли их. Это нужно было офицерам для того, чтобы написать эффектный рапорт.

М. С. Ахн, бывший охранник.

Использование заключенных для отработки навыков боевых искусств вошло в практику

Северная Корея выпустила в 1986 году два фильма, посвященных боевым искусствам: «Хонг Кил Тонг» и «Приказ № 027». С тех пор в лагерях стало обычной практикой воспроизводить сцены из этих фильмов. Офицеры поощряют использование политических заключенных для отработки ударов. После таких «занятий» у заключенного обычно разбито в кровь лицо, выбиты зубы, он не может сам передвигаться. Я видел подобные сцены в лагере № 22, а из разговоров с моими коллегами понял, что это – обычная практика для всех лагерей.

М. С. Ахн, бывший охранник.

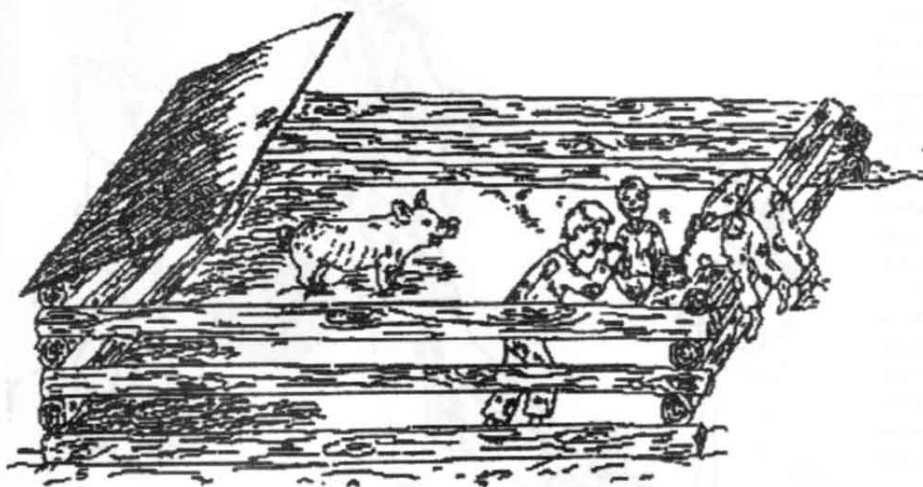
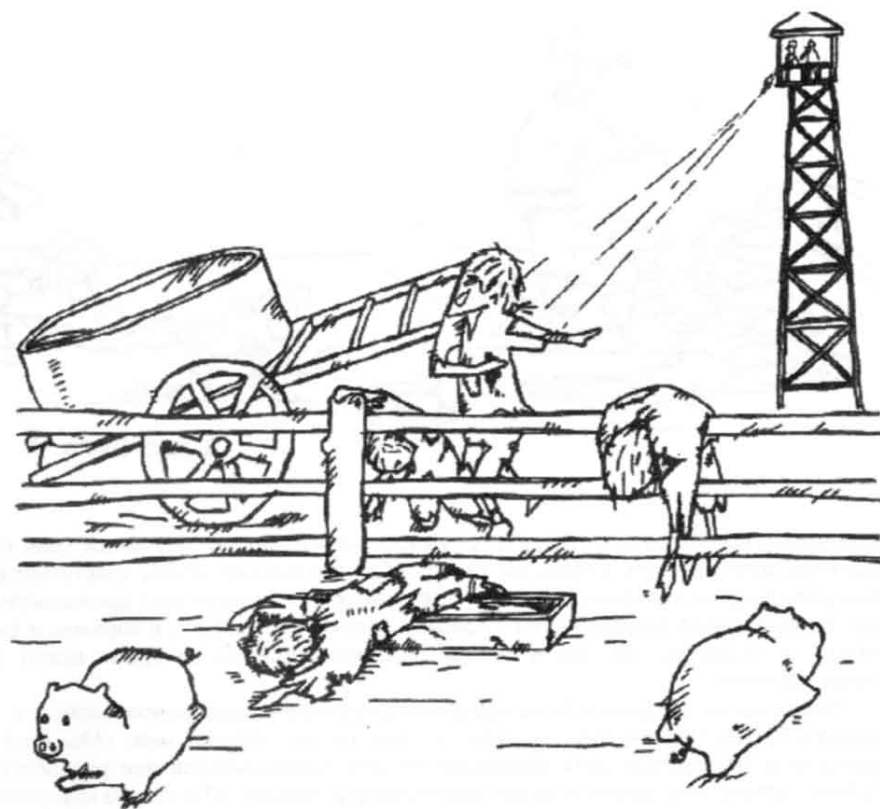
Заклученных убивают за кражу помоев

Тюремная кухня не производит отходов. Для откорма свиней отходы привозят «с воли». Свиней для охраны откармливают хорошо. Заклученные завидуют свиньям, потому что у тех много пищи и много свободного времени. Специальная команда заключенных вывозит навоз и чистит загоны для свиней. Эти заключенные всегда настолько голодны, что многие из них, рискуя своей жизнью, воруют помои из корыта, когда свиньи отходят в сторону. Человек бросается к свиному корыту и хватает корм. Если охрана заметит это, он будет безжалостно расстрелян.

Заклученные ждут, когда их направят чистить загоны для свиней, потому что для них это возможность подобрать остатки корма, несмотря на то что он смешан с навозом. Заклученные, которые кормят свиней, стараются давать животным корм, когда в загон входит команда уборщиков, чтобы дать своим товарищам шанс «подкрепиться» вместе со свиньями.

Однажды Кум Бок Ким из города Канге провинции Чагандо, милая и очень добрая женщина, взяла немного свиного корма. За это она была избита охранниками до потери сознания. Затем ее вынудили письменно изложить свое «преступление», и дело было направлено на дополнительное расследование. Женщина умерла под пытками во время расследования.

С. О. Ли, бывшая заключенная.

Сцена, типичная для корейских лагерей

С мая по ноябрь 1991 года я был направлен в бригаду тюремной obsługi, ответственную за откорм свиней в лагере № 22. Моей обязанностью было приносить пойло для свиней из кухни персонала. Я позволил заключенным варить это пойло, кормить свиней и убирать загоны ночью. Каждый день заключенные докладывали мне, что все в порядке, свиньи накормлены, загоны вычищены. Но через месяц я заметил, что свиньи перестали набирать вес. Однажды вечером, в 22 часа, я тихо подошел к

загону и увидел такую картину: около сорока заключенных сидели в загоне и поедали куски пищи из корыт. Жидкость они оставляли свиньям. Я вернулся к себе и никому не сказал о том, что видел. Позже я узнал, что во всех лагерях заключенные воруют корм у животных при любой возможности.

Доведенные до отчаяния голодом люди едят траву, кору деревьев, крыс, лягушек, насекомых.

М. С. Ахн, бывший охранник.

Дети рождаются, чтобы быть убитыми

Когда в 1989 году я чудом выжила после тифа, меня направили в лагерную медицинскую комнату доложить о прибытии. В комнате я увидела шестерых беременных женщин, которые должны были родить в этот день. Мне было велено дожидаться моего надзирателя. Пока я находилась там, трое женщин ро-

дили прямо на цементном полу. Я с ужасом смотрела, как тюремный врач бьет этих женщин ногами. Когда дети родились, врач крикнул: «Убить их! Быстро! Где это видано, чтобы преступникам позволяли иметь детей? Убить их!» Женщины рыдали и закрывали лица руками. Заключенная-санитарка дрожащими руками сдавливала шейки младенцев. Задущенных детей заворачивали в грязные тряпки, складывали в корзины и выносили через черный ход. Плач этих женщин я слышу до сих пор в ночных кошмарах. Дважды за время моего заключения я видела сцену убийства новорожденных.

Через несколько дней я была назначена дежурной по медицинской комнате. Шин Ок Ким и Ми Ок Чо, заключенные-санитарки, работающие там, рыдали, и одна из них сказала мне: «Мы хуже зверей, хуже самого дьявола!» Она рассказала, что убитые дети используются для экспериментов при разработке нового медицинского препарата. Я страшно испугалась, закрыла ее рот своей рукой и сказала: «Ты ничего мне не говорила! Я никогда ничего не слышала от тебя об этом!» Позже я старалась не встречаться с этими женщинами.

В 1992 году я снова попала в медицинскую комнату после выздоровления (на этот раз я болела плевритом). В этот раз в комнате было несколько десятков беременных женщин. Им всем были сделаны инъекции препаратов, стимулирующих роды, и все они страдали от сильной боли уже несколько часов. Многие из этих истощенных, слабых женщин не были в состоянии перенести родовые муки и умирали прямо во время схваток. Санитарка шепотом сказала мне, что родить мертвого ребенка гораздо тяжелее, чем живого, поэтому женщины так мучаются.

Роженицы выглядели ужасно: их бледные лица были покрыты испариной. Услышав стоны, врач бил несчастную по животу и орал: «Заткнись, симулянтка!» Я слышала, как тридцатидвухлетняя Бинг Ок Ким, которая только что родила живого ребенка, кричала: «Пожалуйста, не убивайте ребенка! Родители моего мужа уже старые, они не дождутся другого внука! Пожалуйста, пожалуйста, оставьте его!» Она была вне себя от горя. Остальные женщины затихли, был слышен только ее умоляющий крик. Врач на мгновение замер, но тут же опомнился и заорал: «Тебе что, жить надоело? Немедленно убить ребенка!» И ударил ее.

Затем вошел начальник госпиталя и сказал: «Кто тут так вопит? В штрафную камеру ее!» Он несколько раз ударил ее ногой и поволок в штрафную камеру. Сама она не могла держаться на ногах. Она умерла вскоре после того, как вышла из штрафной камеры.

С.О. Ли, бывшая заключенная.

<...>
Новорожденного убили и бросили собаке.

М. С. Ахн, бывший охранник.

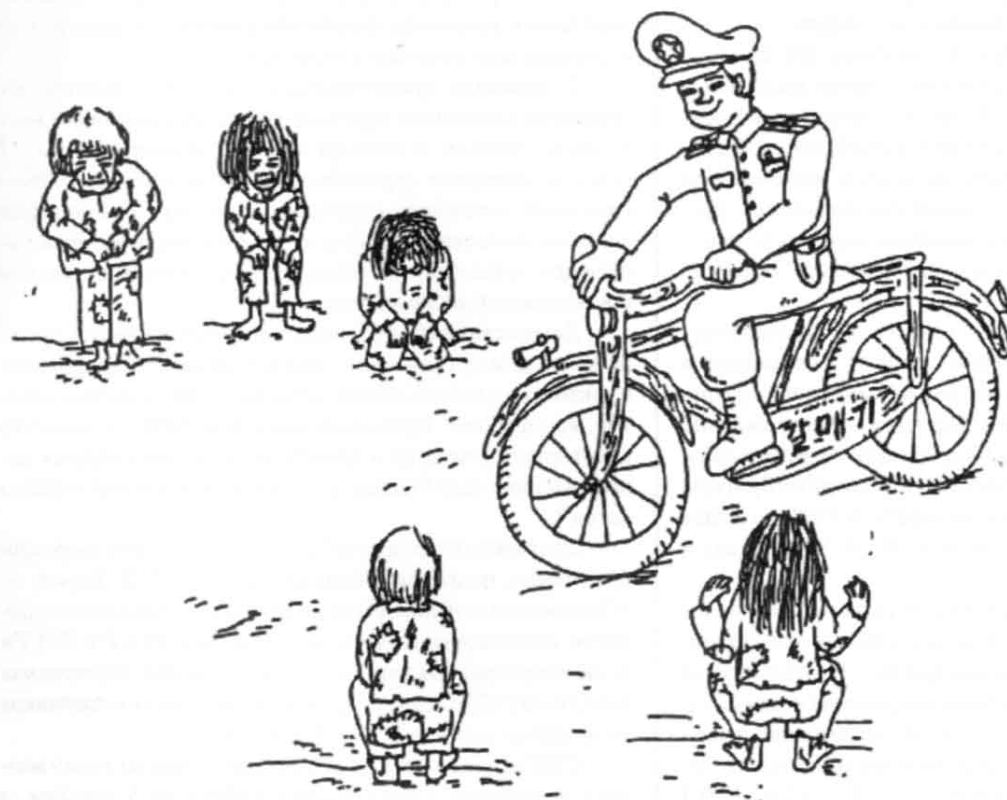
Заклученные и охранники

Охранники в тюрьме сидят в стеклянных кабинах, так им удобно наблюдать за работой заключенных, и, в то же время, стеклянная стенка защищает их от ужасной вони, которая стоит в помещениях для заключенных.

По правилам, когда заключенного вызывает охранник, тот должен подбежать, стать на колени и опустить голову. Заключенный может только отвечать на вопросы, самому ему говорить запрещено. Если промедлишь с ответом, получишь удар ногой в лицо.

Охранники стараются держаться на расстоянии от заключенных и носят маски, потому что заключенные пахнут ужасно. Обратите внимание, насколько заключенные меньше охранников. И еще обратите внимание, какие сутулые плечи у заключенных. В тюрьмах ненормально большое количество горбатых и сутулых людей. Это объясняется тем, что ослабленные недоеданием люди много времени проводят, как во время работы, так и при многократном выслушивании приказов охранников, в положении, когда позвоночник согнут, а голова опущена.

С.О. Ли, бывшая заключенная.

Сцена, характерная для всех лагерей

Когда появляется охранник или офицер, политзаключенные должны согнуться в глубоком поклоне или встать на колени. Тот, кто не сделает этого, будет жестоко избит и помещен в штрафную камеру.

Концлагерь № 24 производит лучшие в Северной Корее велосипеды.

М. С. Ахн, бывший охранник.

**Материал
предоставлен
Гражданским
Союзом
Помощи
Политзаключенным
Северной Кореи**

Перевод
с английского:
Юлия Середа

Наталья ЛЕБЕДЕВА

Четвертый раздел Польши и катынская трагедия

(фрагменты)

<...> В ходе боев Красная Армия взяла в плен более 240 тыс. военнослужащих польской армии. Все пленники, вопреки международному праву, были переданы из-под опеки армии органам НКВД. Будучи не в состоянии обеспечить такое количество людей продовольствием, жильем, даже питьевой водой, сталинское руководство решило в начале октября распустить по домам рядовых и унтер-офицеров — жителей присоединенных к СССР земель, а в середине октября передать Германии эти же категории военнопленных — уроженцев центральных польских воеводств.

Однако около 25 тыс. рядового и младшего командного состава армии были задержаны в Ровенском лагере и лагерях Наркомчермета для строительства шоссе стратегического назначения и работы на шахтах Кривого Рога и Донбасса.

По решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 3 октября 1939 г. около 15 тыс. польских офицеров, полицейских, тюремных работников вскоре были размещены в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях.

В тот же день, 3 октября, Политбюро ЦК ВКП (б) приняло еще одно решение, непосредственно касавшееся судьбы польских офицеров. В соответствии с ним Военным советам Украинского и Белорусского фронтов предоставлялось право *«утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания по контрреволюционным преступлениям гражданских лиц Западной Украины и Западной Белоруссии и военнослужащих быв[шей] польской армии»*¹.

Документы оперативной разработки военнопленных, начатой буквально с первых дней их пребывания в лагерях НКВД, показывают, что они не смирились с разделом Польши и были готовы бороться за возрождение страны. Весь ноябрь 1939 г. в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях работали следственные бригады из работников центрального аппарата НКВД во главе соответственно с Е. М. Ефимовым, В. М. Зарубиным и Антоновым.

3 декабря Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило предложение НКВД СССР об аресте всех взятых на учет кадровых офицеров бывшей польской армии². На следующий день в Осташковский лагерь была направлена новая следственная бригада во главе с С. Е. Белолипецким, ответственным сотрудником следственной части Главного управления госбезопасности НКВД СССР (ГУГБ НКВД СССР). Бригаде поручалось оформить к концу января

следственные дела и обвинительные заключения на весь осташковский контингент для представления их на Особое совещание — орган внесудебной расправы³.

В это же самое время Политбюро и Совнарком СССР готовили первую крупную депортацию осадников⁴ и их семей в районы Крайнего Севера и Сибири. 5 декабря СНК СССР принял постановление № 2001-558сс, утвержденное в тот же день Политбюро ЦК ВКП (б), о создании спецпоселений для 21 тыс. семей осадников⁵. В поселках на 100—500 семей все взрослые должны были принудительно работать на лесоповале и не имели права покидать места вселения более чем на 24 часа. Переселение планировалось осуществить в самый разгар зимы — в начале февраля 1940 г.

21 декабря Политбюро утвердило предложения ЦК КП(б) Украины и ЦК КП(б) Белоруссии об использовании имущества выселяемых осадников. Было решено:

«1) всю землю осадников, за вычетом той части земли, которая уже распределена между крестьянами, передать в земельные фонды областных комитетов для наделения ими совхозов и колхозов;

2) лошадей, продуктивный скот и сельскохозяйственный инвентарь передать вновь организуемым колхозам и совхозам. В каждой области организовать 2—3 совхоза, которым передать весь скот и сельскохозяйственный инвентарь осадников и по мере организации колхозов выделять им скот и сельскохозяйственный инвентарь, оставляя в колхозах в первую очередь племенной и высокопродуктивный скот».

Дома осадников предполагалось использовать прежде всего для организации школ, больниц, медицинских пунктов, родильных домов, детских яслей, сельских советов, кооперации, правлений колхозов, МТС, в качестве квартир для учителей и врачей. В число выселяемых дополнительно включалась категория сторожевой охраны лесов⁶.

29 декабря Совнарком СССР и Политбюро утвердили документы, подготовленные ведомством Л. П. Берии, — *«Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР»* и *«Инструкцию Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР о порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР»*.

СНК издал специальное постановление по этому вопросу в развитие своего постановления от 5 декабря, а Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило и его. В нем предписы-

валось: Наркомлесу обеспечить подготовку к приему, расселению и трудоустройству осадников; Наркомату путей сообщения — их перевозку отдельными эшелонами; Наркомздраву — выделить медицинский персонал для каждого эшелона и обслуживания спецпоселков. Кировский, Пермский, Вологодский, Архангельский, Ивановский, Ярославский, Новосибирский, Свердловский, Омский облисполкомы, Красноярский и Алтайский крайисполкомы, СНК Коми АССР должны были оказывать практическую помощь НКВД СССР. Утверждались штаты и ставки поселковых и районных комендатур, создававшихся в спецпоселках для надзора за депортированными.

НКВД выделялись дополнительные ассигнования в 17,5 млн. руб. на расходы по переселению осадников, Наркомлесу СССР — 14 млн. руб. на обустройство спецпоселков⁷.

В соответствии с инструкцией депортация осадников из БССР и УССР должна была производиться одновременно в день, определенный НКВД СССР. Все недвижимое имущество, скот, инвентарь конфисковывались и принимались по акту.

С собой разрешалось брать лишь одежду, белье, обувь, постельные принадлежности, часть посуды (ножи, вилки, ложки, чайники, ведра), продовольствие на месяц, хозяйственный бытовой инструмент (топор, пила, лопата, мотыга, коса, грабли, вилы и т. п.), деньги и ценности — всего не более 500 кг на семью. На сборы отводилось не более двух часов⁸.

Руководили депортациями оперативные тройки — центральные, областные, уездные, а также специально созданные для этого штабы. Они разрабатывали план операции, определяли состав семей выселяемых, формировали оперативные группы, готовили транспорт.

Опергруппы собирались накануне операции вечером и не могли отлучаться из штаба ни на минуту. Старший опергруппы изучал состав семей, которые ему надлежало выселять, пути подъезда к их домам, маршруты движения

к железнодорожным станциям, где проходила погрузка в вагоны. Операция должна была начинаться на рассвете, чтобы избежать «ненужной шумихи и паники». Станции оцеплялись конвойными войсками, которые сопровождали эшелоны из 55 вагонов по 25—30 человек в каждом.

Первая депортация намечалась на начало февраля, и именно к этому времени Особому совещанию должны были передать следственные дела на весь контингент Осташковского лагеря, закончить следствие по делам офицеров из Козельского и Старобельского лагерей.

В связи с этим 31 декабря 1939 г. Л. П. Берия издал серию приказов, предписав начальнику Управления по делам военнопленных П. К. Сопруненко вместе с бригадой следователей выехать в Осташков, его заместителю И. М. Полухину и начальнику 1-го отдела Главного экономического управления (ГЭУ) Я. А. Йоршу — в Козельск, комиссару УПВ С. В. Нехорошеву и ответственному работнику ГЭУ Родионову — в Старобельск⁹.

Им надлежало проверить степень обеспеченности лагерей агентурой и осведомителями, активизировать их работу, завершить следствие к концу января. «Агентурным обслуживанием» планировалось охватить не только военнопленных, но и аппарат лагерей и даже окрестные поселки. Примечательно, что об Особом совещании речь шла только в приказе Берии по Осташковскому лагерю. Бригадам же, направлявшимся в Козельский и Старобельский лагеря, предписывалось ознакомиться с состоянием агентурно-осведомительской работы, проводимой Особыми отделениями лагерей, обратить внимание на качество агентурной работы и наличие сведений о настроениях всех категорий военнопленных, выявлять членов политических партий, работников Генштаба и особенно его второго (контрразведывательного) управления и т. д.

К концу января значительная часть из заведенных в Осташковском лагере более чем 6 тыс. следственных дел была передана Особому совещанию. 1 февраля Сопруненко и Белолипецкий передали шифром Берии: «Следствие Осташковском лагере закончено, оформлено 6 тысяч 50 дел. Приступил к отправке дел Особ[ое] совещание. Отправку закончим 8 февраля»¹⁰. Отчет о проделанной работе составил и Нехорошев.

10 февраля была проведена первая массовая депортация польского мирного населения, в ходе которой были переселены 139590 человек, в подавляющем своем большинстве семьи осадников и лесников. Их разместили в 21 крае и области в 115 поселках, при этом наибольшее количество семей пришлось на Архангельскую область (8084) и Красноярский край (3279). В 25–30-градусный мороз людей везли в вагонах для скота, при недостаточном питании, в результате чего несколько тысяч человек умерло в пути.

В итоговом обзоре Главного управления конвойных войск описывается, как проходила отправка 100 эшелонов февральской депортации: «Вся работа частей по выполнению задания протекала в крайне сложной, а потому трудной обстановке (суровая зима, конвоируемый контингент прини-

17 сентября 1939 г. Советские войска вступают на территорию Польши.

Катынь. 1943 г. Вид одной из вскрытых могил.

мался мелкими группами в разных районах, требование произвести погрузку и отправку всех эшелонов в один день, перегрузка из вагонов с узкой колеёй на широкую, отсутствие команд обслуживания и питание конвоируемых из железнодорожных буфетов силами конвоя, перебои в снабжении продуктами и т.д.)»¹¹.

Нередко по прибытии на место людям не предоставлялось жилье, не было налажено продовольственное снабжение, что также приводило к высокой смертности. Условия работы в спецпоселках мало чем отличались от гулаговских. Детей в случае смерти матери отправляли в приюты, где не были созданы хотя бы мало-мальски сносные условия.

В конце февраля были предприняты меры для глобального решения участи большей части военнопленных. К этому времени Особое совещание уже вынесло решения

по делам более чем 600 военнопленных и в 1-м спецотделе НКВД СССР готовились к отправке почти всего осташковского контингента в лагерь ГУЛАГа на Камчатке.

В Москве было проведено совещание работников УПВ, Главного управления конвойных войск (ГУКВ НКВД СССР), Осташковского лагеря для выработки мероприятий по отправке военнопленных. Вот как описывает это двухдневное совещание, проводимое 1-м спецотделом, начальник Особого отделения Осташковского лагеря младший лейтенант госбезопасности Г. В. Корытов в донесении начальнику Особого отдела УНКВД Калининской области полковнику В. П. Павлову: «Основные вопросы стояли так:

1. Подготовка в лагере осужденных к отправке.
2. Где объявлять решения Особого совещания.
3. Где производить сдачу конвоем осужденных — в лагере или на вокзале.
4. Оперативное обслуживание в пути.
5. Хозобслуживание...

Исходя из настроений военнопленных, их численности, а главным образом имея в виду, что весь этот контингент представляет из себя активную к[онтр]-р[еволюционную] силу, я свои соображения высказал:

1. Подготовку к отправке производить в том же духе, как производили ранее при отправке в Германию и районы нашей территории, т. е. соблюдая принцип землячества, что будет служить поводом думать осужденным, что их готовят к отправке домой.

2. Решение Особого совещания здесь у нас во избежание различного рода эксцессов и волюнок ни в коем случае не объявлять, а объявлять таковые в том лагере, где они будут содержаться. Если же в пути следования от в[оенно]пл[енных] последуют вопросы, куда их везут, то конвоем им может объяснить одно: «На работы в другой лагерь».

3. Сдачу осужденных конвоем производить, как и ранее, у нас в лагере.

4. В части оперативного обслуживания в пути, то я просил Совещание эту обязанность с О[собого] о[тделения] сложить, исходя из малочисленности штата... В таком духе был написан проект организации отправки и передан на утверждение Зам. Наркома тов. МЕРКУЛОВУ... Как скоро мы будем разгружаться? Из представленных нами 6 005 дел пока рассмотрены 600, сроки 3-5-8 лет (Камчатка), дальнейшее рассмотрение Наркомом пока приостановлено. Но разговоры таковы, что в марте мы должны основательно разгрузиться и подготовиться к приемке финнов. Есть распоряжение Наркома о заключении нескольких категорий военнопленных в местные тюрьмы. На этот счет у начальника Управления по КО (т. е. УНКВД Калининской области. — Н. Л.) есть директива от 29.II.40 г. за № 25/1869, с которой прошу ознакомиться»¹².

В последней фразе речь шла о документе, развивавшем положения директивы НКВД СССР от 22 февраля о

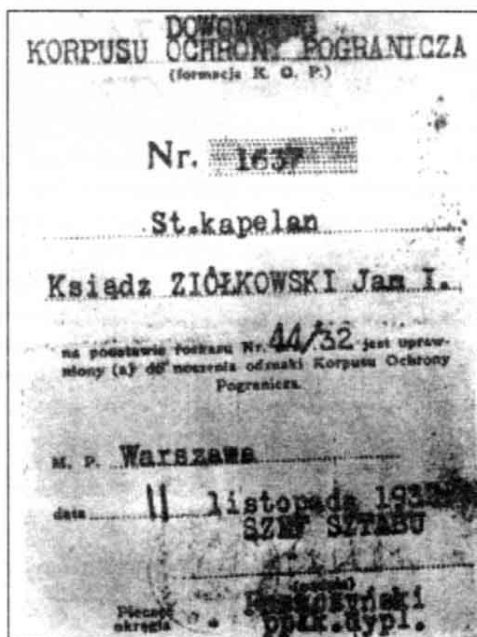
частичной разгрузке лагерей для военнопленных, в соответствии с которой в тюрьмы УНКВД переводились военнопленные — офицеры Корпуса охраны пограничья (КОП), судейско-прокурорские и тюремные работники, разведчики, провокаторы, осадники, помещики, торговцы, крупные собственники¹³.

Примечательна и ссылка Коротова на необходимость разгрузки лагерей в связи с подготовкой к приему военнопленных финнов. Впервые о подготовке лагерей к приему военнопленных финнов говорилось уже в приказе наркома от 1 декабря, а 4 декабря в Осташковский лагерь, как уже отмечалось, выехала бригада Белолицкого с

заданием к концу января подготовить дела на весь контингент для передачи их Особому совещанию.

В соответствии со справкой УПВ от 21 февраля резервные лагеря для военнопленных были готовы принять около 25 тыс. финнов¹⁴. По всей видимости, планировалось разгрузить и три самых больших и обустроенных лагеря и также приспособить их для содержания финнов.

Однако заключение мирного договора с Финляндией 13 марта 1940 г. привело к тому, что пленные финны так и не поступили. И тем не менее Сталин не только не отказался от глобального решения в отношении участи польских офицеров и полицейских — узников лагерей для военноп-

Вещественные доказательства, извлеченные из катынских могил.

ленных, но и пошел в решении данного вопроса значительно дальше, чем предлагал Берия.

В то же время с Украины от Н. С. Хрущева поступили предложения об укреплении охраны границы в западных областях УССР и БССР, поддержанные Берией и рассматривавшиеся 2 марта 1940 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б).

Предлагалось, наряду с очисткой от местного населения 800-метровой полосы вдоль границы, депортировать в районы Казахстана на 10 лет семьи репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных поляков, всего 22—25 тыс. семей. «Наиболее злостных» из подлежащих выселению предписывалось арестовывать и передавать их дела Особому совещанию. Дома и квартиры выселяемых должны были служить для расселения военнослужащих РККА, партийно-советских работников, командированных для работы в западные области Украины и Белоруссии. Политбюро поддержало эти предложения и приняло специальное решение по данному вопросу. Аналогичное постановление принял и Совнарком СССР¹⁵.

По всей видимости, эти предложения послужили толчком и к принятию всеобъемлющего кардинального решения в отношении судьбы польских офицеров и полицейских — узников лагерей для военнопленных НКВД СССР.

2—3 марта по требованию Берии были составлены сводные данные о наличии в системе УПВ польских офи-

церов, полицейских, священников, тюремных работников, пограничников, разведчиков и т. д. А к 5 марта уже было подготовлено и письмо наркома внутренних дел СССР Сталину, предусматривавшее расстрел этих лиц без всякой судебной процедуры, включая даже такую ее карикатурную форму, как Особое совещание.

Кроме 14,7 тыс. военнопленных, предлагалось расстрелять и 11 тыс. узников тюрем западных областей УССР и БССР. Чтобы обосновать избранный сталинским руководством метод расправы (расстрел) над польской государственной, военной и интеллектуальной элитой, Берия включил в свое письмо и пространную характеристику контингента лагерей и тюрем, подчеркнув: «Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю». Говорилось, что военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, «пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти. Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы»¹⁶.

Нарком отмечал также, что среди перебежчиков и нарушителей границ, составлявших значительную часть

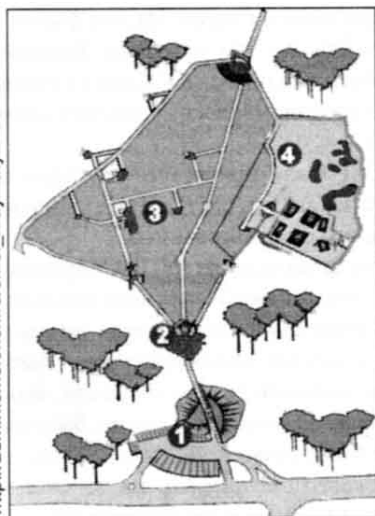
Монастырь Нилова Пустынь.

Монастырь Оптиная Пустынь.

Все три лагеря, узники которых были уничтожены, размещались в монастырях. Козельский лагерь находился в знаменитом монастыре Оптиная Пустынь под Козельском, Осташковский — в монастыре Нилова Пустынь на озере Селигер вблизи г. Осташков.

http://admin.smolensk.ru/smol_kray/katyn/rus.htm

План мемориального комплекса в Катыни, открытого в июле 2000 года.

1. Павильон главного входа.
2. Первая ритуальная площадка.
3. Российское захоронение.
4. Польское захоронение.

заклученных тюрем, также много участников этих организаций. Сообщив, какое количество чинов армии и полиции, чиновников и тому подобных лиц находится в лагерях для военнопленных, какие категории и сколько каждой из них содержится в тюрьмах, нарком предлагал рассмотреть их дела «в особом порядке с применением к ним высшей меры наказания — расстрела». Первым на этой бумаге поставил «за» и расписался Сталин, затем Ворошилов, Молотов и Микоян. На полях рукой секретаря: «Калинин — за, Каганович — за»¹⁷.

В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр]р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, — по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т. т. Меркулова, Кабулова (так в тексте. Правильно: Кобулова. — Н. Л.) и Башикова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК»¹⁸.

В этот же день Политбюро рассматривало и вопрос о создании нового саркофага для тела В.И. Ленина...

Подготовка к проведению расстрела узников трех спецлагерей для военнопленных и тюрем западных областей УССР и БССР началась буквально на следующий день после заседания Политбюро. С 7 по 15 марта был проведен ряд совещаний в Москве — с сотрудниками центрального аппарата НКВД, с начальниками Управлений НКВД трех областей — Смоленской, Калининской и Харьковской, с их заместителями и комендантами, с начальниками Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, с руководством НКВД УССР и БССР и др.

Во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) была развернута работа по составлению справок-заключений на военнопленных и узников тюрем. Ее форма поступила в УПВ от Кобулова 16 марта 1940 г. Она выглядела следующим образом:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

по личному делу № _____

на военнопленного (фамилия, имя, отчество)

Фамилия,

имя,

отчество

Установочные

данные

Последняя должность и чин в бывш. польской армии или в полицейских, разведывательных и карательных органах

Заключение

Указать год, место рождения, имущественное положение, где содержится, когда взят в плен

« » _____ 1940 г

Начальник Управления по делам о военнопленных, капитан госбезопасности Сопруненко»¹⁹.

Последняя графа, по-видимому, оставалась для внесения в нее рекомендации по делу конкретного военнопленного. В изредка встречающихся в делах УПВ «справках» данной формы она всегда оставалась незаполненной. Этим справкам придавалось особое значение, печатание для них бланков в типографиях категорически запрещалось ввиду «сугубой секретности проводимой работы». Спецлагеря незамедлительно стали готовить справки-заключения. Первые были посланы в Москву 19—21 марта, большая их часть была готова к 25 марта. Впоследствии их заполняли на вновь прибывших, тех, кого переводили в Козельск, Старобельск, Осташков из лагерей Наркомчермета, Ровенского, а также из больниц.

22 марта Берия подписал приказ «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР». Значительную часть заключенных этих тюрем составляли офицеры и полицейские. Переводу в Киевскую, Харьковскую и Херсонскую тюрьмы (для последующего расстрела там) подлежали:

900 заключенных из Львовской тюрьмы,

500 — из Ровенской,

500 — из Волынской,

500 — из Тернопольской,

200 — из Дрогобычской,

400 — из Станиславовской;

Август 1991 г. Эксгумация в Медном.

в Минск — 3 000 арестованных;
из Пинска — 500,
из Брест-Литовска — 1 500,
из Вилеек — 500,
из Барановичей — 450.

Всю работу по перевозке заключенных надлежало осуществить в десятидневный срок, т.е. к началу массового расстрела узников лагерей и тюрем²⁰.

Начиная с 7 марта проводится и интенсивная подготовка к депортации семей военнопленных — офицеров и полицейских и заключенных тюрем, т.е. семей тех, кого намеревались расстрелять. В этот день Берия направил наркомом внутренних дел СССР И. А. Серову и БССР Л. Ф. Цанаве приказ о подготовке к выселению семей офицеров, полицейских, чиновников, помещиков, промышленников²¹. Предлагалось произвести эту депортацию к 15 апреля; район выселения — Казахстан; срок ссылки — 10 лет.

Для подготовки и проведения операции при УНКВД западных областей Украины и Белоруссии создавались оперативные тройки в составе начальника соответствующего УНКВД, представителей НКВД СССР и НКВД УССР и БССР.

Кроме того, создавались городские и районные тройки, которые и разрабатывали планы операции в пределах своего участка. В операции должны были участвовать сотрудники всех органов НКВД, командиры, политработники и красноармейцы внутренних и пограничных войск

НКВД, оперативные работники милиции. Из них формировали оперативные группы по три человека. Каждой группе надлежало выселить две-три семьи. Как и в случае с осадниками, операцию предписывалось провести в один день.

НКВД УССР и БССР было приказано немедленно приступить и к 30 марта закончить составление списков членов семей военнопленных и арестованных.

7 марта нарком приказал начальнику УПВ Сопруненко и, по всей видимости, начальнику Тюремного управления А. Г. Звереву «организовать составление точных списков содержащихся в лагерях военнопленных — бывших польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, гласных и негласных агентов полиции, бывших помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата», заключенных тюрем с указанием состава семьи и их точного адреса. Списки необходимо было составить по городам и районам западных областей Украины и Белоруссии и направить НКВД этих республик²².

Следовало составить и отправить НКВД УССР и БССР и списки тех, чьи семьи проживали на территории Польши, отошедшей к Германии. Если реестры проживавших в СССР людей представляли практический интерес для органов НКВД, то адреса семей, находившихся в подконтрольной Германии сфере, не могли быть использованы в предстоявшей апрельской депортации. Тем не менее в приказе Берии Серову и Цанаве от 7 марта указывалось: «Если в процессе проверки и учета органами НКВД будет установлено, что члены семей, подлежащие выселению, выехали за пределы западных областей Украины и Белоруссии, необходимо принять меры к выяснению их нового местожительства и все материалы об этом выслать в НКВД СССР»²³.

Как известно, многие семьи в процессе проводившегося СССР и Германией обмена населением выехали в центральные районы Польши. Не исключено, что списки и адреса семей репрессированных и военнопленных готовились по договоренности с германской стороной.

Случайно ли проводились одновременно печально известная нацистская «акция АБ» по уничтожению польской интеллектуальной и государственной элиты и сталинская операция по «разгрузке» трех спецлагерей военнопленных и тюрем западных областей Украины и Белоруссии или существовала определенная координация действий двух тоталитарных режимов?

Для выполнения приказа наркома в лагерь для военнопленных выехали заместитель начальника УПВ И. М. Полухин, заместитель начальника Особого отдела УПВ Н. А. Романов и начальник учетно-регистрационного отдела УПВ И. В. Маклярский. Последний вскоре телеграфировал Сопруненко:

«В абсолютном большинстве учетных дел персональные сведения членов семей военнопленных отсутствуют. Для составления списков приступил опросам военнопленных. Для этой работы мобилизовано 20 человек расчетом окончания ее в течение семи—восьми дней».

16 марта он же докладывал: «Работа с печатанием

списков подходит к концу. Еще 2—3 дня, и нарочными они будут отправлены в Минск и Киев. Очень большие трудности с точным установлением местожительства семей. Оказывается, что значительная часть семей, которые этого хотели, через смешанные комиссии выехали с нашей территории на германскую территорию... На холостых я списки не составлял. Прошу сообщить, следует ли после окончания списков семейных составлять на холостых. Я лично считаю, что это делать нецелесообразно, ибо они никому не нужны будут»²⁴. Однако Маклярский ошибался — для этих лиц предлагалось сообщать местожительство их родителей, братьев и сестер, проживавших вместе с ними.

Из Старобельска к 15 марта направили в Москву списки на 3 041 военнопленного, в том числе 27 тетрадей (1 662 человека) по воеводствам центральной Польши. В дальнейшем отсутствие сведений о местожительстве семьи в следственном деле и справке-заключении служило основанием для их возвращения из УПВ в лагерь на доработку.

Приказ приступить к «операции по разгрузке» Старобельского, Осташковского и Козельского лагерей поступил в последних числах марта.

В это время в Старобельске содержалось:

- 8 генералов,
- 55 полковников,
- 126 подполковников,
- 316 майоров,
- 843 капитана,
- 2 527 других офицеров,
- 9 ксендзов,
- 2 помещика,
- 5 крупных государственных чиновников,
- 1 учащийся,
- 1 лакей бывшего президента Польши И. Мосьцицкого;

в Козельске — 4599 военнопленных, включая:

- 1 адмирала,
- 4 генералов,
- 26 полковников,
- 72 подполковника,

- 232 майора,
- 647 капитанов,
- 12 капитанов морфлота,
- 3 капитанов II ранга,
- 2 капитанов I ранга,
- 3 480 других офицеров,
- 8 ксендзов,
- 9 помещиков,
- 61 государственного чиновника,
- 5 солдат,
- 37 других лиц;
- в Осташковском лагере — 6364 человека, из них: офицеров армии — 48, офицеров полиции и жандармерии — 240, полицейских и жандармов младшего командного состава — 775, рядовых полиции — 4924, тюремных работников — 189, разведчиков — 9, ксендзов — 5, солдат и младших командиров армии — 72, прочих — 54.²⁵

Таким образом, в трех спецлагерях находилось 14 857 человек, в процессе «операции» туда дополнительно свозили военнопленных, как из «трудовых» лагерей, так и из тюрем и больниц.

Первые списки на отправку военнопленных из лагеря в распоряжение УНКВД, т. е. к месту расстрела, начали поступать в Козельск, Старобельск и Осташков 3—5 апреля, в тюрьмы — около 20 апреля²⁶. Чаще всего каждый список содержал фамилии около ста человек. Оформлялись они в 1-м спецотделе НКВД СССР.

Списки, подписывавшиеся начальником УПВ (с 14 апреля — его заместителем И. И. Хохловым в связи с командированием Сопруненко на границу с Финляндией для обмена там военнопленными), содержали предписание указанным в списке лиц в Калинин, Смоленск и Харьков для передачи их в распоряжение УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей.

Аналогичные списки за подписью Меркулова вручались и начальникам УНКВД указанных трех областей и содержали приказ о расстреле поименованных в них лиц. Как правило, из Москвы сразу поступало от 3-х до 5 списков, в результате одновременно конвоировалось 300 — 450 человек, которые вскоре после доставки в тюрьму там же и расстреливались. В наряды на передачу людей УНКВД были включены 97% всех офицеров, полицейских и других военнопленных, содержащихся в трех спецлагерях. Среди них были кадровые военные, резервисты, престарелые отставники; члены политических партий и абсолютные аполитичные люди; поляки, евреи, белорусы и украинцы.

Август 1991 г. Эксгумация в лесу под Харьковом.

13 апреля 1990 г. Президент СССР Михаил Горбачев передает Президенту Польши Войцеху Ярузельскому копии материалов, связанных с катынской трагедией.

Врачей, исполнявших в армии свой гуманитарный долг, обрекали на расстрел наравне с жандармами, контрразведчиками и тюремными работниками. Практически речь шла не о том, кого осудить, а кому следует сохранить жизнь, включив в списки на отправку в Юхновский лагерь.

В силу каких причин 395 узникам сохранили жизнь, не могли понять ни исследователи, ни оставшиеся в живых узники. *«Почему некоторые пленные избежали расстрела — этого мы никогда не узнаем»*, — писал Ежи Лоек (Л. Ежеский) в своей книге «Катынь. 1940»²⁷. Мотивы, по которым 3% узников была сохранена жизнь, столь же загадочны, как и те, по которым остальные 97% были ликвидированы, замечает в своих воспоминаниях профессор С. Свяневич, бывший заключенный Козельского лагеря, снятый с этапа по приказу Берии²⁸.

Однако материалы Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) позволили ответить и на этот вопрос. В справке, составленной начальником УПВ, в частности, указывалось:

«Всего отправлено в Юхновский лагерь 395 человек. Из них:

- а) по заданию 5-го отдела ГУГБ — 47 чел.;
- б) по заданию германского посольства — 47 чел.;
- в) по запросу литовской миссии — 19 чел.;
- г) немцев — 24 чел.;
- д) по распоряжению зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Меркулова — 91 чел.;
- е) прочих — 167 чел.»²⁹.

Другой документ — это список военнопленных, препровожденных в Юхнов, с указанием, по какому из названных мотивов был вывезен в лагерь тот или иной человек.

Разведка, т. е. 5-й отдел ГУГБ, составила список лиц, которые ее интересовали как источники информации или которые выразили готовность сражаться вместе с Красной Армией в случае нападения Германии на СССР. В связи с запросами германского посольства оставили в живых даже тех людей, которые никогда не были связаны с Германией, но о которых ходатайствовали влиятельные европейские, прежде всего итальянские, лица.

Так, еще 30 января 1940 г. к советнику германского посольства в Риме барону И. фон Плиссену обратился граф де Кастель с просьбой посодействовать освобождению из плена графа Ю. Чапского, известного художника, одного из основателей польского импрессионизма. Об этом же просила князя Бисмарка и графиня Палецкая. В дополнительном запросе, поступившем в НКВД из НКВД СССР, наряду с фамилией Чапского фигурировали фамилии В. Комарницкого, будущего министра в правительстве В. Сикорского, адъютанта В. Андерса О. Слизины и другие.

В группе, отобранной по указанию Меркулова, были и те, у кого надеялись выведать интересующие НКВД сведения, и те, кто не являлись офицерами или служащими карательных органов, — рядовые, унтер-офицеры армии, подхорунжие, юнаки, беженцы. В Юхновский лагерь попали и люди, заявившие о своих коммунистических убеждениях. В разряд «прочих» входили и несколько десятков осведомителей, поставивших Особым отделением лагерей компромат на своих солда-терников.

Еще 4 апреля Зарубину (Козельский лагерь), Миронову (Старобельский) и Холичеву (Осташковский) было передано поручение Меркулова составить справки и характеристики на всех доверенных лиц и вместе с их делами и агентурными материалами на них выслать в Москву.

7 апреля им же и начальникам трех спецлагерей было направлено новое предписание: *«На основании распоряжения замнаркома тов. Меркулова вторично предупреждаю, если в списках военнопленных, подлежащих отправке в лагерь, будут Ваши люди, последних, как ошибочно включенных в списки, никуда не отправлять до особого распоряжения»*³⁰. Через пять дней Сопруненко вновь напоминает начальникам лагерей о необходимости предоставлять Зарубину, Миронову и Холичеву списки на отправку и оставлять в лагере тех, на кого они укажут.

Дела военнопленных, вероятно, проходили следующим образом: из лагерей в УПВ поступали личные доосье и справки-заключения с незаполненной последней графой, а также списки следственных дел в порядке их номеров. Здесь их проверяли и в случае каких-то недочетов отправляли на доработку. Если все бумаги отвечали предъявлявшимся требованиям, их передавали в 1-й спецотдел, предварительно вписав рекомендацию по делу в

справку-заключение. В 1-м спецотделе над ними работали под руководством замначальника этого отдела капитана госбезопасности А. Я. Герцовского.

Учитывались и материалы дел, оформленных ранее бригадами следователей из центрального аппарата НКВД СССР. При этом часть досье ставилась на особый контроль, решение по ним принимал лично Меркулов. Остальные передавались в Комиссию (т. е. тройке — Меркулов, Кобулов и Баштаков), которая приговаривала военнопленных и узников тюрем к высшей мере наказания. Решения Комиссии оформлялись особыми протоколами, в которых, по-видимому, фигурировали не фамилии осужденных, а номера списков.

Первые семь списков, которые были подписаны 1 и 2 апреля, включали фамилии 692 офицеров из Козельского лагеря. 9 апреля были подписаны 13 списков на 1297 человек. Мог ли орган внесудебной расправы рассмотреть по существу 1100-1300 дел? Ответ очевиден — это физически невозможно. Понятно, что в задачу тройки входило лишь проштамповать списки, оформив это специальными протоколами.

Именно о них докладывал Н. С. Хрущеву председатель КГБ А. Н. Шелепин 3 марта 1959 г., предлагая уничтожить все личные и следственные дела военнопленных, но сохранить протоколы тройки. Хрущев, как следует из показаний ряда работников бывшего КГБ, отдал по телефону приказ сжечь все, включая и протоколы.

Поскольку Хрущев как первый секретарь КПУ(б) был причастен и к проведению «операции по разгрузке» тюрем западных областей Украины, расстрелы узников которых оформлялись протоколами этой тройки, и к депортации семей офицеров и полицейских, его стремление уничтожить всю документацию представляется естественным. Другое дело, насколько достоверны показания бывших работников органов госбезопасности. Об этом мы сможем судить только после открытия архивов этих органов. Без документального подтверждения они вызывают серьезные сомнения у польской общественности.

Дела тех, кого было решено оставить в живых, в Комиссию не передавались, и осужденными они не значились. В УНКВД, т. е. на расстрел, были отправлены, по предварительным данным, 14587 военнопленных из трех спецлагерей, по справкам 1941-1943 гг. — 15131 человек.

Шелепин же 3 марта 1959 г. сообщил Хрущеву о 21857 расстрелянных военнопленных и узников тюрем, из которых 7305 были заключенными³¹.

Тех, кого отправляли в УНКВД, даже не подозревали о том, что их ждет. Комиссар УПВ С. В. Нехорошев сообщал трем заместителям наркома — В. В. Чернышеву, И. И. Масленникову и В. Н. Меркулову, что «в связи с отправкой настроение военнопленных приподнятое»³².

Большая часть военнопленных жителей оккупированных Германией польских территорий высказывали нежелание возвращаться на родину, но стремились попасть в нейтральные страны. Оттуда они рассчитывали пробраться во Францию и продолжить борьбу против нацистов. При задержках с этапированием в Смоленск, Харьков и Калинин польские офицеры и полицейские

проявляли серьезное беспокойство, опасаясь, что их не отправят на родину, обращались к лагерному начальству с просьбой ускорить отправку. Старшие офицеры советовали своим коллегам, отправлявшимся с первыми партиями, делать в вагонах надписи с указанием конечной станции, чтобы последующие знали, куда их везут. 7 апреля при возврате вагонов была обнаружена фраза на польском языке: «Вторая партия — Смоленск, 6/IV — 1940»³³. Естественно, последовал приказ тщательно осматривать вагоны и все надписи смывать.

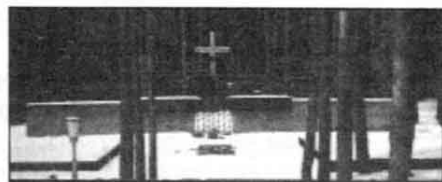
О том, как проходило этапирование военнопленных и что они при этом чувствовали, мы знаем из дневников, обнаруженных в катынских могилах в 1943 году. Тридцатидвухлетний поручик Вацлав Крук вел свой дневник всего два последних дня своей жизни. Приведем запись от 8 апреля:

«До сих пор я ничего не писал, считая, что ничего особенного не происходит. В последнее время, то есть под конец марта и в начале апреля, появились настроения «на выезд». Мы считали это обычной сплетней. Тем временем сплетня начала реализовываться. В первых днях апреля начали... (несколько слов смыто. — Н.Л.) отправлять этапы, сначала небольшие. Со Скита рабо... по десять и более человек. Наконец 7-го, в субботу, ликвидировали... и перевели в главный лагерь... Нас временно поместили в майорский блок. Вчера отправили высших

Президент России Борис Ельцин возлагает венок к катынскому кресту на военном кладбище в Варшаве. 25 августа 1993 г.

Мемориальный комплекс в катынском лесу.

офицеров — 3 генерала, 20—25 полковников и столько же майоров. Способ отправки вселял в нас лучшие надежды. Сегодня очередь дошла до меня. Утром я помылся в бане, постирал носки и платочки... вообще... до... «С вещами». После сдачи казенных вещей обыскали повторно в 19-м бараке, а оттуда через ворота вывели к машинам, на которых мы доехали до небольшой станции, но не до Козельска (Козельск отрезан половодьем). На этой станции под строгим конвоем нас погрузили в тюремные вагоны. В тюремном отсеке вагона, который я вижу первый раз в жизни, нас 30 человек. Я еще не знаком с этими товарищами по плену. Теперь ждем отправки со станции. Если ранее я был настроен оптимистически, то теперь от этого путешествия не жду ничего хорошего... Едем в направлении Смоленска. Погода... солнечная, на полях еще много снега»³⁴.

Запись, сделанная 9 апреля:

«Вторник. Ночь мы провели лучше, чем предыдущую в вагонах для скота. Было немного больше места и не так ужасно трясло. Сегодня погода... вполне зимняя. Сыплет снег, пасмурно. Снегу на полях, как в январе. Невозможно сориентироваться, в каком направлении движемся <...> День проходит как обычно. Вчера утром дали порцию хлеба и сахара, а в вагоне — холодную кипяченую воду. Сейчас приближается полдень, но еды не дают. Обращение с нами... также ординарное. Не разрешают ничего. Выйти в туалет можно лишь тогда, когда это вздумается конвоирам; ни просьбы, ни крики не помогают <...> Теперь 14.30. Въезжаем в Смоленск. Уже вечер, проехали Смоленск, прибыли в Гнездово. Похоже, нас будут выгружать, вокруг много военных. До сих пор нам не дали ничего поесть. Со вчерашнего завтрака живем порцией хлеба и воды»³⁵.

Военнопленных со станции Гнездово, ближайшей к Катынскому лесу, везли в «черных воронах» в сосновый бор, где группами уводили на расстрел. Расстреливали в мундирах, в орденах. В восьми катынских могилах в 1943 г. были обнаружены 4 143 тела; при их эксгумации нашли документы, письма, дневники, польские монеты, крупные купюры злотых и т. д.

Стреляли в затылок с близкого расстояния. Использовались немецкие пули 7,65 мм калибра. В 20% случаев руки у офицеров были связаны за спиной проволокой или плетеным шнуром с двойной петлей. В одной из могил

находились тела, на головах которых были шинели, на уровне шеи обмотанные шнуром, который соединялся петлей со связанными руками. Если человек пытался двинуть руками, петля на шее тут же затягивалась. На территории Катынского леса покоятся и многие тысячи советских людей, расстрелянных гебистами»³⁶.

О том, как проходили расстрелы в Калининской тюрьме военнопленных из Осташковского лагеря, рассказал следователям Военной прокуратуры бывший начальник УНКВД по Калининской области Д. С. Токарев. Он сообщил, что для руководства этой работой были присланы майор госбезопасности начальник комендантского отдела НКВД СССР В. М. Блохин, майор госбезопасности Синегубов и начальник штаба конвойных войск комбриг М. С. Кривенко.

Военнопленных после выгрузки в Калинин размещали во внутренней тюрьме Калининского УНКВД на Советской улице. Тюрьму временно очистили от других заключенных, одну из камер обшили войлоком, чтобы не были слышны выстрелы. Из камер поляков поодиночке доставляли в «красный уголок» (Ленинскую комнату), там сверяли данные — фамилию, имя, отчество, год рождения. Затем надевали наручники, вели в приготовленную камеру и стреляли из пистолета в затылок. Потом через другую дверь тело выносили во двор, где грузили в крытый грузовик.

Руководил расстрелом Блохин, который привез с собой целый чемодан немецких «вальтеров», ибо советские наганы не выдерживали — перегревались. Перед расстрелом Блохин надевал спецодежду: кожаную коричневую кепку, длинный кожаный фартук, такие же перчатки с длинными крагами выше локтей. «Я увидел палача», — рассказывал следователям Д. С. Токарев³⁷.

На рассвете 5—6 машин везли тела в Медное, где уже были выкопаны экскаватором ямы, в которые тела как попало сбрасывали и закапывали. После каждого такого расстрела Токарев доносил В. Н. Меркулову: по такому-то наряду исполнено (т.е. расстреляно) столько-то. 5 апреля он, в частности, отправил шифровку: «Первому наряду исполнено № 343»³⁸. Именно столько накануне было отправлено из Осташкова в Калинин военнопленных.

Офицеров из Старобельского лагеря расстреливали в Харьковской тюрьме при самом активном участии начальника УНКВД Харьковской области майора госбезопасности П. С. Сафонова. Технология расстрела была такой же, как и в Калинин. Тела везли в район Семихаток — ныне 6-й район лесопарковой зоны Харькова. Как в

Катыни и в Медном, здесь издавна закапывали тела расстрелянных органами людей.

Исчезновение более 15 тыс. офицеров и полицейских вызвало огромное беспокойство у их родных и близких, которые бомбардировали НКВД запросами. Так, И. Томяк писала начальнику Осташковского лагеря П. Ф. Борисову: «Простите, что осмеливаюсь Вас беспокоить, но руководит мною сильная любовь к мужу и забота о нем. ... Не сплю по ночам, беспокоюсь ужасно. Умоляю, пожалуйста, напишите, жив ли муж, можно ли ему помочь деньгами, и, если его нет уже в тюрьме, укажите место пребывания его или к кому я должна обратиться для того, чтобы узнать, где теперь находится. Прошу, пожалуйста, не откажите в моей просьбе, буду от души благодарна. Зная, что муж жив, буду спокойно работать, зарабатывать на содержание шитьем одежды. С почтением Изабелла Томяк»³⁹. На письме помета «I-й спецотдел». Это означало, что И. И. Томяк уже не было в живых.

Расправившись с польскими офицерами и полицейскими, Сталин и Берия не пощадили и военнопленных из лагерей Наркомчермета, которые постоянно требовали отправки их домой и зачастую саботировали работу на шахтах Кривого Рога и Донбасса.

Сразу по завершении операции по разгрузке трех спецлагерей 8000 рядовых и младших командиров польской армии были переведены из наркомчерметовских лагерей в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа на строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали. Условия, в которых находились поляки, ничем не отличались от условий, созданных для советских эзков, т. е. рассчитанных на убийство трудом. К началу войны подавляющее большинство из них подорвали свое здоровье и были уже нетрудоспособными⁴⁰. Лишь начавшаяся в июне 1941 г. война и последовавшая в сентябре 1941 г. передача их, как и других уцелевших польских военнопленных, в армию В. Андерса спасла их от гибели.

Параллельно с операцией по разгрузке лагерей для военнопленных и тюрем западных областей УССР и БССР 13 апреля была проведена депортация семей военнопленных. Окончательное решение о ее проведении было принято Политбюро и Советом Народных Комиссаров 10 апреля.

Они одобрили предложения, представленные Берией 5 апреля. Утверждена была и инструкция о проведении операции. Кроме семей военнопленных офицеров и полицейских, узников тюрем, было предписано депортировать и беженцев с территории Польши, «отошедшей к Германии, изъявивших желание выехать из пределов Советского Союза на территорию, занятую немцами, и непринятых германским правительством», а также проституток. СНК Казахстана предлагалось обеспечить 22—25 тыс. семей жильем и работой, наркомату путей сообщения — выделить 81 эшелон по 55 вагонов в каждом, наркомату торговли — обеспечить переселенцев питанием в пути. Трудоустроить их предлагалось прежде всего на предприятиях наркоматов лесной промышленности и цветной металлургии. Наркомат финансов должен был выделить на эту операцию 30 млн. рублей⁴¹.

По данным начальника отдела трудовых поселений ГУЛАГа М. В. Конрадова, за I и II кварталы 1940 г. в 586 поселках были размещены 215 тыс. человек (54 832 семьи) из западных областей УССР и БССР, преимущественно поляков. Из них 138 тыс. — в I квартале, 77 тыс. — во II⁴².

Условия жизни в Казахстане были не многим лучше, чем в северных областях СССР. Жили чаще всего в землянках, мазанках, из-за отсутствия воды мылись крайне редко, в основном летом, когда вода нагревалась на солнце. Во многих поселках не было ни школ, ни больниц. Не привычен и тяжел был климат: летом жара доходила до 45°, зимой морозы в 50°. По степи рыскали волки, нападавшие на скот и людей.

Особенно трагичной была судьба детей. 20 мая, в день, когда закончилась операция по массовому расстрелу военнопленных и заключенных тюрем, польские дети Иван Денишин, Фалей Заводшки, Збигнев Енджейчик и Барбара Ковальска обратились к Сталину:

*«Коханный ойче Сталин! Мы малы деци з балишим проиэнием до Великого Отца Сталина просим з гарачэго серца чтоб нам вирнули наших отцов, которые работают в Осташкове. Нас переслали з Западной Белоруси на Сибир и нам нивилели что небуць вязаць з сабой. Нам сичас цяжко жывецца у всех децей.мать не здоровые и не могут работаць и вопиз ничто пронас не думае как мы живем и работы никакой недають. За это мы малы деци голодам примераеи и еничо просим отца Сталина штов пронас не забыл мы всегда будем в Советским Союзе хорошими рабочыи народом только нам тяжко жиць без наших отцов. До свиданя ойче»*⁴³. Однако отцов их к этому времени уже расстреляли по воле «отца Сталина».

Третий поток депортаций пришелся на последнюю декаду июня 1941 г. 29 июня было начато и к середине июля закончено выселение 76382 человек (25682 семьи) в Красноярский и Алтайский края, Архангельскую, Вологодскую, Горьковскую, Иркутскую, Новосибирскую, Омскую, Свердловскую, Челябинскую, Якутскую области, Коми АССР. Касалось оно прежде всего выходцев из центральных польских воеводств⁴⁴.

Последняя депортация была проведена накануне нападения Германии на СССР, 20 июня. В пути эшелоны бомбили немцы. Вывозили главным образом в районы Центральной Сибири, Алтайский край, на Север. По прибытии на место все, включая подростков 10—12 лет, должны были трудиться. Даже после августовской амнистии вагоны с заключенными поляками продолжали следовать в направлении Владивостока.

Всего, по данным А. Я. Вышинского, из присоединенных к СССР в результате сентябрьского «освободительного» похода территорий были выселены 388 тыс. человек. Эти данные подтверждаются справками НКВД и конвойных войск, хотя в польской историографии все еще фигурирует цифра 1 500 000 депортированных. Однако и выселение почти 400 тыс. поляков, большую часть которых составляли дети, женщины и старики, свидетельствует о планомерном подрыве генофонда польского народа.

Если же учесть, что эти депортации проводились параллельно и в тесной связи с уничтожением польских

Памятник "Катынь — Голгофа Востока". Балтимор, США.

офицеров, полицейских, работников государственного аппарата, промышленников, землевладельцев, что большую часть офицерства составляли запасники, призванные лишь за несколько недель до их пленения, учителя, врачи, агрономы и другие представители польской интеллигенции, то факт геноцида против польского народа станет очевидным.

Кардинальные вопросы катынской трагедии — кто, когда и почему принял решение о массовом уничтожении польских военнопленных — офицеров и полицейских — после обнаружения «Особой папки» по катынскому вопросу в архиве Президента Российской Федерации можно в основном считать решенными.

Найденные в кремлевском архиве папки помогают понять, какими соображениями руководствовались Сталин и Политбюро ЦК ВКП(б), принимая это преступное решение. В сочетании со всем комплексом ранее найденных нами архивных материалов они позволяют ощутить атмосферу, которая царил в то время в окружении Сталина и в НКВД, осознать их отношение к военнопленным как к государственным, классовым и идеологическим врагам. Многие разъясняет и анализ отношения советского руководства к «панской Польше» в 20-х и 30-х годах, внутриполитической ситуации в СССР и, наконец, особенностей психологии «вождя».

На протяжении 20-х и 30-х годов Польша в СССР рассматривалась в качестве «санитарного кордона» на его границах. В ней видели активного борца за идею Великой Польши, за расчленение СССР, отделение от него Украины и Белоруссии, угнетателя «братьев по крови». Польские вооруженные силы, с которыми Красной Армии довелось сражаться в 20-х годах, продемонстрировали свою мощь и в целом считались в предвоенный период потенциальным врагом страны Советов.

Военные и политики в СССР с беспокойством следили за усилиями нацистской Германии склонить Варшаву к совместному походу против СССР. Когда же планы Берлина не были реализованы, а Польша связала себя тесными узами с Лондоном и Парижем, но не с Москвой, раздражение Сталина против нее лишь усилилось.

В польском государстве увидели не только неблагодарного соседа, отказавшегося от пропуска Красной Армии через свою территорию в случае нападения Германии на Польшу, но и участника западной коалиции. Последняя же воспринималась советским руководством как сила, способная противодействовать разделу сфер влияния между СССР и Германией. Закрепив 28 сентября 1939 г. «Советско-германским договором о дружбе и границе» ликвидацию польского государства, Сталин и Гитлер стали предпринимать, каждый со своей стороны, далеко идущие меры по подрыву самих основ польской государственности.

30 мая 1940 г. нацистский генерал-губернатор оккупированных польских территорий Г. Франк заявил: «10 мая началось наступление на Западе. Это значит, что в этот день угас преобладающий интерес мира к происходящему здесь у нас... Теперь мы должны использовать представившийся нам момент... Как национал-социалисты мы обязаны думать о том, как бы за счет этих немецких жертв не поднялась польская нация...

Я совершенно открыто признаю, что это будет стоить жизни нескольким тысячам поляков, прежде всего из руководящего слоя польской интеллигенции... Фюрер выразился так: то, что мы сейчас определили как руководящий слой в Польше, нужно ликвидировать. То, что вновь вырастет ему на смену, нам нужно обезопасить и в пределах соответствующего времени снова устранить».

Массовые депортации поляков, рабский труд, уничтожение мирных граждан — все это были составные элементы политики геноцида против польского народа, поддерживаемой желанием уничтожить навеки само понятие «Польша».

О том, как на практике реализовалось решение Гитлера, поведал бригаденфюрер СС Штрекенбах. Со времени проведенной полицией безопасности 1 марта 1940 г. операции в ее руках оказалось около 2 000 мужчин и несколько сот женщин, «действительно представлявших собой интеллектуальный руководящий слой... Суммарное осуждение этих людей началось в тот момент, когда был издан приказ о чрезвычайной акции по умиротворению.

Осуждение военно-полевыми судами 2 000 арестованных приближается к концу, и осталось вынести приговоры лишь очень немногим лицам», — сообщил своим коллегам эсэсовец. На этом, однако, «акция АБ» — операция по уничтожению польской интеллектуальной элиты — не заканчивалась, планировалось арестовать еще 2 000 человек. В этом же ключе проводил свои акции и Сталин.

Узники Козельска, Старобельска и Осташкова представляли собой военную и интеллектуальную элиту Польши. Они были полны решимости вступить в борьбу за восстановление независимости своей страны, воспрепятствовать усилиям сталинского режима в насаждении своих порядков на отошедших к СССР территориях. Офицеры и полицейские, пробыв более полугода в достаточно тяжелых условиях плена, не были сломлены психологически и нравственно. Они не отказались ни от своей родины, ни от религии, ни от политических, ни от моральных ценностей. Надежды советского руководства на «перевоспитание» хотя бы части рабочих и крестьян, представителей трудовой интеллигенции, одетых в мундиры, оказались тщетными. Следовательно, по логике Сталина и его приближенных, носителей инакомыслия надо было ликвидировать.

Мы не должны забывать и о той ненависти, которую питал «вождь народов» к польскому офицерству, заставившему его испытать в 1920 г. горечь сокрушительного поражения. Аргумент о возмездии «белополякам» за пролитую ими в 1919—1920 гг. кровь красноармейцев был призван оправдать акцию в глазах тех, кто ее осуществлял.

Могли быть и другие, не столь кардинальные соображения, например, стремление заверить Берлин, что СССР не держит камня за пазухой, пестуя польское офицерство; стремление избавиться от «пятой колонны» на случай, если разразится война с Францией и Англией из-за Финляндии и Прибалтики, и т. д.

По свидетельству английского посла при лондонском правительстве В. Сикорского Оуэна О'Маллея, сами поляки усматривали причину уничтожения офицеров и полицейских именно в желании разрушить фундамент, на котором могла впоследствии возродиться польская государственность, в подрыве основы польской нации⁴⁵.

Лишь нападение Германии на СССР побудило сталинский режим несколько изменить свою политику в отношении польского населения, большая часть которого в 1945 г. была репатриирована в Польшу. Однако и в послевоенное время руководство СССР старалось полностью контролировать действия коммунистического режима в Польше, создавая лишь видимость ее независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 410. Л. 145, 151-152; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 21.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 119.

³ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 1/п. Оп. 1 е. Д. 10. Л. 8; Оп. 2 е. Д. 11. Л. 139, 160-160 об., 186-186 об. (Далее: ЦХИДК).

⁴ Осадники — бывшие военнослужащие Войска Пчольского, получившие земельные наделы на присоединенных к Польше по Рижскому договору территориях и периодически собиравшиеся на военные сборы.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 120 (?).

⁶ Там же. Л. 152, 157.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 1-3; Ф. Р-5446. п. 57. Д. 65. Л. 163-165. (Далее: ГАРФ); РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 159.

⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 185-190.

⁹ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 1 а. Д. 1. Л. 218-223, 261-262.

¹⁰ Центральный архив Федеральной службы безопасности. Коллекция материалов. (Далее: ЦАФСБ).

¹¹ РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 70. Л. 28-29.

¹² ЦАФСБ. Коллекция материалов.

¹³ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 1 е. Д. 1. Л. 230.

¹⁴ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 в. Д. 9. Л. 240-252; Оп. 2 а. Д. 1. Л. 437.

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 48-49.

¹⁶ АПРФ. Пакет № 1. См. также: Вопросы истории. — 1993. — № 1. — С. 17-19.

¹⁷ Вопросы истории. 1993. — № 1. — С. 17.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ См.: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. — С. 163-164.

²⁰ Там же. С. 168-170.

²¹ ЦАФСБ. Коллекция материалов.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ ЦХИДК. Оп. 2 е. Д. 11. Л. 170-171 об.

²⁵ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 01 е. Д. 3. Л. 142-143.

²⁶ См. подробнее: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. — С. 177-213.

²⁷ Ежовский Л. Катынь 1940. — Нью-Йорк, 1987. — С. 18.

²⁸ Свяневич С. В тени Катыни. Лондон, 1989. С. 104-105.

²⁹ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 е. Д. 13. Л. 421.

³⁰ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 1 е. Д. 1. Л. 239-245; Оп. 2 е. Д. 11. Л. 338; Оп. 4 е. Д. 13. Л. 135; Оп. 2 е. Д. 9. Л. 348.

³¹ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 3 а. Д. 1. Л. 257-261, 273; Оп. 1 е. Д. 4. Л. 3-3 об. Оп. 01 е. Д. 1. Л. 38-39.

³² ЦХИДК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 118-120, 145-153.

³³ Там же. Л. 150-151.

³⁴ Pamietniki znalezione w Katyniu. Wydanie II. Paris; Warszawa, 1990. — S. 59.

³⁵ Ibid. S. 60.

³⁶ Катынская драма. С. 99-103.

³⁷ Елин Л. 53 палача — и два свидетеля // Новое время. — 1991. — № 42. — С. 32-35.

³⁸ ЦАФСБ. Коллекция материалов.

³⁹ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 е. Д. 1. Л. 180-181.

⁴⁰ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4 в. Д. 17. Л. 74-82; Д. 8. Л. 22-40; Оп. 5 а. Д. 2. Л. 180-181.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 7446. Оп. 57. Д. 68. Л. 123-128.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-9479с. Оп. 1. Д. 61. Л. 47.

⁴³ См.: Лебедева Н.С. Катынские голоса // Новый мир. — 1991. — № 2. — С. 215-216.

⁴⁴ РГВА. Ф. 38106. Оп. 1. Д. 10, Л. 132; Ф. 40. Оп. 1. Д. 70. Л. 29.

⁴⁵ Katyn. Despatches of Sir Owen O'Malley to the British Government. London, 1972. — P. 15.

В публикации использованы фотографии из книг:

Ks. Zdzisław J. Peszkowski Pamięć Golgoty Wshodu.

Варшава, 2000 г.

Jerzy Morawski ślad Kuli. Варшава-Лондон, 1992 г.

Владимир Абаринов. Катынский лабиринт. Москва, 1991 г.

Паулина ДРЕВНЯК

Воспоминания дедушки Збышка

Катынь, Осташков, Козельск, Старобельск... До сих пор это были для меня ничего не значащие географические названия. Наверное, я еще долго могла оставаться в неведении, разве что, выучила бы урок в рамках школьной программы. И то, я не уверена, что Вторая мировая война и связанные с ней людские судьбы могли заинтересовать меня всерьез и я бы вышла за границы учебника.

Случилось иначе. Моя учительница истории предложила мне принять участие в конкурсе «Катынь – Голгофа Востока». Как дисциплинированная ученица, я согласилась. Подумала: «А, чего там! Что-нибудь прочитаю, что-нибудь напишу. Как-нибудь получится».

Достала разные материалы. Учительница устроила мне встречу с господином Володимиром Богуцким – председателем Катынской Семьи Любушского воеводства, который открыл мне множество информации о катынском преступлении. Вот тут я впервые ужаснулась.

Оказалось, что проблема, за которую я с такой легкостью взялась, на самом деле очень сложна, особенно для меня, молодой девушки. Тут были нужны не сухие факты, даты или названия. Я поняла, что главное – людские страдания, страшное преступление, огромная несправедливость, которая не искуплена до сих пор. Я подумала, что мне не справиться с этим и надо отказаться от участия в конкурсе.

И я рассказала маме о своей проблеме. Мама вспомнила, что мой дедушка показывал ей фотографии своего отца, который погиб в начале Второй мировой войны, и его убили не немцы, а советские солдаты. Его смерть была связана с этим названием – Катынь.

Дедушка Збышек всегда неохотно вспоминает войну. Ему трудно говорить о войне, где он потерял своих самых близких людей. Я убедилась, что это важно – вспоминать, что его воспоминания помогут людям понять, «почему так случилось», и позволят простить.

Я записала наши хаотичные и отрывочные разговоры.

Первый раз дедушка приоткрыл двери в свое прошлое, в свое детство, полное боли и страдания, маленьких радостей и надежд.

Я посвящаю этот рассказ памяти Эмилии и Анджея Крыда, родителей моего дедушки, которых я не знала, но которые стали для меня очень близкими. Я хочу, чтобы все знали: их борьба за свободу и честь отчизны, и за твою, дедушка, жизнь не была напрасной. Благодаря таким людям, как они, мы сегодня живем в независимой Польше.

Счастье

«... Пожалуй, сначала расскажу о своих родителях. Они познакомились на востоке, когда туда приехала моя мама, которая родилась и жила в Гнезно. А отец родился в Кросно (это уже Бещады). Маме было двадцать лет, когда она поехала на восток проводить свою подругу. Отец в то время был уже командиром пограничного поста. Пост отца находился около Корше, потом его перевели в Ровно, в Волынском воеводстве. В моем паспорте написано место рождения – СССР. А для меня это всегда была Польша. Там, на востоке, они познакомились, влюбились, пожени-

лись. Мама только что закончила школу в Гнезно. Мама была очень красивая. Отец, который родился в 1904 году, всю жизнь был связан с армией и полицией. Уже шестнадцатилетним мальчиком он вступил в Войско Польское и вместе с Пилсудским боролся против большевиков, защищая Польшу. Я знаю это благодаря фотокарточкам, которые остались с тех времен, воспоминаниям родственников и книжкам, которые мне удалось собрать. Год рождения отца я нашел в одной из публикаций о Катыни. Он был старше мамы на 9 лет.

Родители поженились 8 февраля 1934 года. На фотографиях тех лет они такие красивые... Я родился 6 апреля 1936 года, через два года после их свадьбы, в городе Корше. Моего отца звали Анджей Крыда, а маму – Эмилия Каролевска.

Жизнь в тех местах протекала спокойно, с небольшими происшествиями на границе, о которых потом рассказывала мне мама. Папа, случалось, ловил советских перебежчиков и шпионов. У пограничников тогда не было автомобилей, только кони и телеги. Полицейские объезжали границу на телегах или на велосипедах. Это был Корпус охраны пограничья.

Так мои родители прожили вместе пять лет, в покое и счастье. А потом началась война...

Горе и слезы

17 сентября 1939 года советские войска перешли польскую границу.

О том времени я помню немного. Помню, при обстреле мама спрятала меня в огромный ларь из-под муки, в подвале, а русские окружили деревню и началось сражение. Деревню защищали полицейские и жители. Было очень страшно... Я спрятал портрет отца, который висел на стене в нашей квартире на том посту. Этот портрет судьба уберегла от советской пули. Он до сих пор висит у меня на стене, напоминая о тех смутных временах. Мама любила отца. Его портрет она сберегла вопреки всем превратностям судьбы.

Свадьба (февраль 1934 г.).

Военные решили покинуть территорию поста и сражаться в другом месте, чтобы не подвергать опасности мирных жителей. С тех пор мы с мамой отца не видели. Об ушедших полицейских никто ничего не знал, мы ни разу не получили от отца весточки. Да и невозможно это было, ибо вскоре мы сами вынуждены были покинуть дом. Только кто-то когда-то сказал маме, что отец в плену. Я очень долго жил в неведении, где и когда погиб мой отец.

Сейчас, благодаря книгам, написанным о катынской бойне, я знаю, как могла сложиться дальнейшая судьба моего отца. Этого знания я ждал пятьдесят лет.

В начале войны русские взяли в плен более 240 тысяч человек, в их числе были солдаты Войска Польского, Корпуса охраны пограничья, служащие государственной полиции, гражданские служащие, священники — цвет интеллигенции восточных земель Польши.

Родители на прогулке (1934 г.).

Моего отца вывезли в Осташков, там были собраны полицейские, солдаты Корпуса охраны пограничья и работники органов суда. Этот лагерь находился на острове озера Селигер, в монастырских постройках. До апреля 1940 года через него прошли 6500 человек, в том числе 400 офицеров (300 офицеров полиции).

Условия в этом лагере были страшные, хуже, чем в Козельске или Старобельске. За три месяца там умерли 92 человека.

Условия в этом лагере были страшные, хуже, чем в Козельске или Старобельске. За три месяца там умерли 92 человека.

Эвакуация из Осташковского лагеря началась 4 апреля 1940 года. Как минимум, два транспорта в сутки увозили от 60 до 130 пленных. Сначала вести о тех, кого вывозили, были, скорее, добрые. Говорили, что они попали в неплохие условия, имеют больше свободы, не голодают. Позже от известий уже не веяло оптимизмом. Настроение в лагере было подавленным, даже отчаянным, тем более, дошли слухи, что большевики погрузили несколько тысяч поляков в баржи, которые направились в сторону Белого моря и по дороге были затоплены вместе с пленными. Не знаю, правда ли это. Может, мой отец погиб именно так...

Сначала заключенных Осташкова провожали с оркестром. Пленные могли попрощаться со своими товарищами. Потом это прекратилось, пленных обыскивали в большом зале церкви и под дулами автоматов отправляли на железную дорогу. Насколько я знаю, заключенных из Осташкова, а также из Козельска и Старобельска, которых большевики сочли «врагами советской власти», начали расстреливать весной 1940 года и продолжалась эта акция

до середины мая. Пленных из Козельского лагеря (около 5 тысяч) расстреляли в катынском лесу, а из Старобельска (около 4 тысяч) — вывезли в Харьков и убили в подвале местного НКВД. Пленных Осташковского лагеря убивали в Твери, в звуконепроницаемых подвалах НКВД. Потом их тела закопали в лесу около села Медное.

Всего в трех лагерях содержалось около 15 тысяч польских пленных, в основном — офицеры. В живых осталось 448 человек. Из лагеря моего отца спаслись 124 человека, которых выслали в Грязовец. Это были исключительно офицеры. Козельск смогли пережить 245 человек, а Старобельск — 79. Их, через лагерь в Павлищевом Бору, тоже вывезли в Грязовец, откуда они были освобождены в 1941 году, после начала советско-немецкой войны. Моему отцу такого счастья не выпало...

Вдали от дома

Мы с мамой были вынуждены бежать из погранотряда, нашего счастливого, до той поры, дома. Нам удалось ускользнуть от советских солдат. Я хорошо все помню, хотя было мне тогда всего три года. Сначала мы бежали через сад, потом спрятались у наших друзей украинцев. Там мы пробыли какое-то время, не помню как долго, но вскоре русские переловили всех поляков. Нас поместили во временный лагерь, потом погрузили в поезд. С собой было позволено взять только ручной багаж.

«Упаковали» нас в телячьи вагоны и повезли вглубь России. Это был конец 1939 года. Не могу сказать сейчас, сколько длился этот путь, помню только, что мучительно долго. Было нас очень много, одни поляки...

Приехали на место. Нас вышвырнули из вагонов, поделили на группы и распределили по разным деревням. Потом мы узнали, что находимся в Северном Казахстане, в его центральной части. А кругом — голая степь. Мы с мамой попали в деревню под названием Богодуховка.

Помню, как я болел, как мама лечила меня. Видимо, это был дифтерит, потому что мне отчетливо вспоминается вкус керосина, который я должен был пить. Как-то я выжил... Не помню, почему мы переехали в другую деревню. Потом нас, поляков, снова перевезли в другие места, разбросав по всему Казахстану. Мы жили в деревне Кременьчук, в Петропавловской области. Пожалуй, я не сумею найти на карте это место...

Помню огромную степь, низкие домики с плоскими крышами и кое-где возделанные поля. И лица впечатались в память. Разные лица людей разных национальностей.

Нас распределили в маленький дом, где была кухня и одна комната, которую запирали на зиму, ибо она не

Портрет отца.

отапливалась. Вся жизнь протекала на кухне. Там царила печь, на ней я и спал. Маме досталась железная кровать у окна. Хозяева, к нашему изумлению, оказались поляками. Их вывезли в Казахстан, когда Сталин выселял поляков из Украины и Беларуси. До сих пор помню фамилию этой семьи — Запольские, Камил и Станислава. У них был сын. Его звали Онуфрий, мы с ним вместе спали на печи.

Мама работала в колхозе. Ухаживала за овцами, козами, а также работала в поле. Наш хозяин был трактористом, помню его огромную машину с железными зубастыми колесами. А мне три года. Я играю с детьми — поляками, русскими, казахами. Еще были киргизы, которые жили далеко в степи, в юртах. Для меня жизнь тогда была беззаботной...

Помню, через какое-то время поляки начали консолидироваться. Даже организовали польский детский сад, который разместился в маленькой избе. Воспитательницами были польки. Мы учили там польские песенки и стихи. Мама занималась с нами пением и ручными поделками. Эти поделки нас, между прочим, немного поддерживали. Жили мы очень бедно. Ели в основном картошку, запаренную с мукой и чуть-чуть политую каким-то жиром. Мы все ели из одного котелка. Блюдо это было клейкое, но наполняло желудок и на какое-то время насыщало. Вспоминается еще густое варево из моркови (которую я до сих пор терпеть не могу!) и что-то из брюквы и гороха. В пищу шло все, что можно было найти в поле.

Хлеб пекли в той самой печке, на которой мы спали. Возле домов люди возделывали маленькие огороды, где выращивали подсолнечник и картошку. Иногда кое-кому удавалось завести корову или овцу.

Огромной проблемой были вши. Мама часто стирала одежду, заставляла меня мыться, наголо стригла мне голову — ничего не помогало. Вши были везде — страшное бедствие и мучение!

Запомнились мне суровые, снежные зимы и страшная жара и сушь летом. Случалось, что зимой дома были завалены снегом по самые крыши, трудно было выйти наружу. Поэтому двери в домах открывались внутрь, чтобы их вообще можно было открыть. В снегу выкапывались тоннели. Около моего дома росло единственное в нашей округе дерево. Оно зимой указывало мне дорогу и не раз спасало жизнь, когда я плутал в занесенной снегом степи, возвращаясь, например, от дальних соседей, к которым ходил за молоком. Только благодаря этому дереву я находил свой дом.

И еще волки. Были случаи, когда зимой они нападали на людей, ехавших в санях. И еще страшнее было от того, что они могли бегать по занесенным снегом крышам. Бывало даже так, что они целой стаей пробирались в сарай и сжирали корову или овцу. Можно себе представить, что это значило для хозяев той единственной скотины...

После 1941 года судьба чуть-чуть повернулась лицом к полякам. Была организована Армия Андерса, потом — дивизия Костюшко, которая позже сражалась под Ленино. Мир начал сочувствовать полякам, мы получали посылки от UNRA (*United Nations Relief Administration — международная гуманитарная организация — прим. пер.*), по-

сланные американским правительством для поляков, проживающих в России. В посылках были американские шинели, из которых шили всевозможную одежду, а также ткани, нитки, какао, сахар и огромные банки смальца.

С мамой (1937 г.).

Распределяли эти посылки Союз Польских Патриотов. Ходили слухи, что члены этой организации — прислужники Сталина, однако благодаря им среди «российских» поляков царили порядок и взаимопомощь. Моя мама входила в этот Союз. По его заданиям она ездила далеко, в районный центр, за продуктами, которые потом делились между всеми. Из-за этих поездок она часто простужалась и болела.

Американскими нитками мама вышивала русские узоры и продавала их россиянкам. На эти деньги она иногда покупала для меня фрукты и даже польский шоколад, который советские солдаты с фронта присылали своим семьям.

Помню, как мы с Онуфрием, он был пастухом, скакали по степи на лошадях. А иногда катались на огромном воле. Вола звали Люлик. С его спины я оглядывал степь, как с наблюдательной вышки. Трава была в мой рост, по ней переваливались шары перекасти-поля, с которыми играли дети. Они гонялись за ними, как за врагами, и «расстреливали» их из стеблей подсолнечника.

Я очень быстро рос, а у меня в то время была только одна пара ботинок. Из-за того что я тогда ходил в тесных ботинках, у меня деформировались пальцы ног. До сих пор мне тяжело найти подходящую обувь.

Я начал ходить в школу. От директора школы мы узнали, что война с немцами закончилась. Для меня эта новость прозвучала как-то абстрактно. Я ни разу не видел ни одного гитлеровца, видел только стреляющих советских солдат, и то — в самом начале войны. Но день, когда было объявлено о конце войны, я запомнил, потому что в тот день каждому школьнику выдали по одной конфетке. До сих пор помню вкус того леденца.

Мама болела все тяжелее, это уже был туберкулез.

Внезапно к нам приехала моя тетя Оленька (*в польском языке — уменьшительное от Александры — прим. пер.*), младшая сестра мамы. Откуда она здесь взялась? Раньше она жила на востоке с мужем, который был офицером Войска Польского. Когда ее муж воевал с русскими, она тоже была вывезена, только в другом направлении. Жила в Сибири, в тайге. Рассказывала, как в страшные морозы пилила там дрова. К нам она приехала, когда вышло распоряжение советских властей о воссоединении

польских семей. Тетя через Красный Крест разыскала нас. И это был подарок судьбы в нашем несчастье. Мама чувствовала себя все хуже.

Это был февраль 1946 года. Наш хозяин и тетя положили маму в сани, укутали, обложили еще для тепла соломой и повезли в город к врачу. Ехать было далеко, дорога шла через степь... Я несколько километров бежал за саними, махал рукой, пока совсем не выбился из сил. Маму я видел тогда последний раз. Она долго лежала в больнице, но уже ничего не могло ей помочь, болезнь была сильно запущена. Кто-то сообщил нам о ее смерти, тетя поехала ее хоронить. Потом она рассказывала, что невозможно было купить гроб, не было дерева, чтобы его сделать... Достала две доски, на одну положили маму, другой накрыли сверху и обмотали простыней. За эти доски тетя отдала золотой перстень.

Возвращение

Наступил март 1946 года. Пришло известие, что можно готовиться к возвращению в Польшу. Тетя после смерти мамы забрала меня в Келлеровку, маленький городок. Я попрощался с хозяевами, с Онуфрием, с другими детьми. В деревне оставались мой замечательный друг Коля и подружка Тамара.

Тетя начала готовиться к отъезду, делала запасы. Сушила сухари на печи, насобираала их аж два мешка. До железной дороги, до Петропавловска, нас довели на сани. Хотя это был март, везде еще лежал снег. Нас присоединили к большой семье и так доехали мы до вокзала. Там нас, поляков, распределили по разным вагонам. Вагоны были обустроены весьма просто — две полки, на которых лежали или сидели люди. Мы с тетей оказались на верхней полке. В помещении размером два на три метра расположились несколько семей и маленькая печка. Печка называлась почему-то «коза». Было темно, потому что не было окон.

В таких вот условиях ехали мы до самой Польши. Ехали целый месяц. Привезли нас в Варшаву. До сих пор помню, как она была разбита! Мы проехали через временный деревянный шатающийся мост, через разрушенный город.

Из Варшавы мы двинулись дальше, доехали до Познани. Наши попутчики, у которых в тех краях были родные, вышли в Познани и разъехались по своим домам. А те, у которых никого не было, поехали дальше, на запад, на так называемые воссоединенные земли. У некоторых из них дом остался на востоке, у кого-то был сожжен или разграблен русскими...

Нам было куда возвращаться. Недалеко от Познани, в местечке Гнезно, жили родители моей мамы. Помню полные сочувствия глаза людей, когда они узнавали, что мы возвращаемся из России. В апреле, перед самой пасхой, с Гданьского вокзала явились мы в дом деда.

Дедушка и бабушка ничего не знали о нашем приезде, тетя не хотела их волновать заранее. Когда мы подъехали к калитке, из дома вышел на костылях дедушка, а за ним — плачущая бабушка. Увидев нас, она упала на колени. Помню первые ее слова: «А где Эмилия?» У бабушки было

три дочери и три сына. Эмилия и Александра оказались в Казахстане и в Сибири. Леонард, которого силой забрали в немецкую армию, убежал из нее через Францию в Англию, а потом вступил в танковую дивизию генерала Мачека. Эдмунд был увезен куда-то на запад. Кристина работала у бауера в Германии. Збигнев сражался в Армии Крайовой, потом сидел в тюрьме. Все через какое-то время вернулись домой, все, кроме моей мамы.

Именно дедушка и бабушка вырастили меня. Мне досталась их любовь и забота, как будто я заменил им погибшую дочь. Мне было 10 лет, когда мы приехали в их дом.

Я думаю, что мама, измученная болезнью, перестала ей сопротивляться тогда, когда уже точно знала, что я не останусь один и вернусь домой.

Раздумья

Я ничего не знал об отце. Сначала говорили, что его убили немцы. Так говорить было выгодно тогдашней власти. Потом до нас стали доходить фрагменты правды. Выплыло название — Катынь. Помню, когда учился в лицее, и потом, когда уже начал работать учителем, я не мог в автобиографии написать, что мой отец погиб в Катыни, а должен был врать, что он пропал без вести во время войны. Уже тогда я задумывался: к чему такая тайна, если папу убили немцы? Ведь другие, погибшие от рук фашистов, были героями.

Помню, однажды мой сын сказал своему учителю, что слышал, будто его деда убили русские в Катыни. Учитель его долго убеждал в том, что он ошибается, что его деда убили немцы. А это был уже конец восьмидесятых.

Только в 1989 году, когда в Польше прошел «круглый стол», правда увидела свет божий. Однажды я был в Варшаве в командировке и в книжном магазине на Новом Свете (одна

из центральных улиц Варшавы — прим. пер.) купил книгу о Катыни. В ней был список погибших. Я открыл книгу наугад. Она

Офицеры Корпуса охраны пограничья (1930-е годы).

Пограничный патруль (1933 г.).

раскрылась на 270-й странице. Там было написано: «Kryda Andrzej, Kom. Post. P.P., 1904». Будто кто-то направлял мою руку...

Эта запись и несколько фотокарточек — все, что осталось от моего отца.

Но у него хотя бы есть свое место. Место, которое знают, помнят и почитают ВСЕ поляки, на котором строят памятник. А мое сердце хранит память о тех поляках, что остались в Сибири и в Казахстане в забытых могилах. Могила моей мамы тоже, наверняка, забыта.

... Кладбища в Казахстане выглядели страшно: могилы заросли травой, по ним ходили коровы и бегали волки. Теперь, наверное, от них уже ничего не осталось... Тысячи могил неизвестных поляков, разбросанные по всей России. И никто уже о них не помнит...

Я — член Катинской Семьи (*Rodzina Katyńska* — общественная организация, объединяющая членов семей погибших в Катыни, — прим. пер.), но мне трудно встречаться с моими товарищами. Трудно делиться своим сиротством. Я и теперь часто вспоминаю семью Запольских, которым не позволили выехать в Польшу, потому что у них было советское гражданство. Я помню, как они плакали. Особенно мне жаль Онуфрия, которому не выпало счастье, и он не вернулся, как вернулся я. Жив ли он теперь?

А мне остались только воспоминания, которые трудно выразить словами.

Я старался сохранить в памяти все, что было в ТОЙ моей жизни доброго. Мою маму, ее любовь ко мне и к отцу, ее стихи, в которых жила надежда, хороших людей — поляков, казахов, русских. Мы тогда, чтобы выжить, держались вместе, и нам не было важно, кто из нас откуда родом. Нас всех объединила война, разлука с близкими и несправедливость. Беда не спрашивает, какой ты национальности...

И я должен чувствовать себя счастливым, потому что мне удалось выжить и вернуться в Польшу, тем более что в Казахстане смертность среди детей была очень высокой. До сих пор помню один из маминых стихов, полный тоски и надежды. Она всегда верила, что нашим страданиям когда-нибудь придет конец.

В печке ветер плачет.

Стонет ветер, воет...

Степь кого упрячет —

Снег того укроет.

Где наш папа, ветер?

Без него нам грустно,

Без него на свете

Этом очень пусто.*

Ну, вот и все, дорогая моя внучка, что я хотел тебе рассказать. Надеюсь, память о прадедушке и прабабушке теперь останется в твоём сердечке, даже когда меня уже не будет».

После дедушкиного рассказа многое изменилось в моём восприятии мира. Я начала понимать, насколько высока цена жизни; понимать, что жизнь — это не только наука, работа и

В Казахстане (сентябрь 1940 г.).

развлечения. Это еще и любовь к своим близким, которые делают для нас так много, а мы так часто не умеем этого оценить. Раньше мне и в голову не приходило, что мой дедушка пережил такие страшные годы — он такой светлый, веселый человек, вечный оптимист. И, может быть, я так и не узнала бы его истории, если бы не конкурс. Я не хотела в нем участвовать, а оказалось, что он помог мне открыть такие важные страницы истории моей семьи. Не скрою, слушая дедушкин рассказ, я пролила море слез. Теперь этот человек стал для меня кумиром, моим героем, примером для подражания. Он сумел все преодолеть, не потеряв веру в людей. Даже тогда, когда умер самый близкий ему человек.

Дедушка — замечательный учитель. Кроме знаний, он умеет передать ученикам свое доброе отношение к жизни и к людям. Его любят ученики, а те, кто учился давно, до сих пор помнят и благодарят его. А для меня он теперь — не только самый лучший на свете дедушка, отец моей мамы и добрый муж бабушки Нины, но и символ веры и стойкости. Он преподдал мне урок патриотизма и любви. Любви к семье и к Отчизне.

Все мои ровесники обязательно должны знать историю Катыни и всех тех мест, где поляки погибали или переживали страшные унижения. Может, зная все это, мы сумеем сделать так, чтобы никогда в будущем эта трагедия польского народа не повторилась. Да, мы сумеем это сделать, если будем знать правдивую историю, все ее героические и горестные стороны. Только Правда может нас чему-то научить, даже если эта правда — такая горькая.

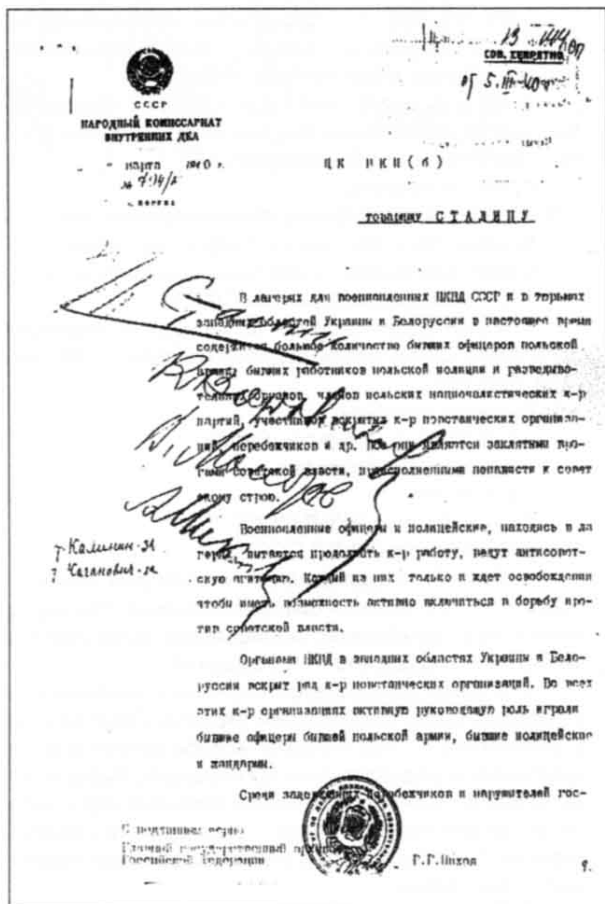
Катынь — это не просто убитые там офицеры. Для меня это, прежде всего, — символ страдания поляков, живших на территориях, некогда принадлежавших Польше. Как бы я хотела, чтобы все мои сородичи, живущие в чужих краях, смогли вернуться домой!

Но печальнее всего то, что «голгофы», через которые прошли поляки и другие народы, ничему не научили этот мир. До сих пор страдают люди, до сих пор продолжают войны. Вчера — война в бывшей Югославии, сегодня — в Чечне. Почему люди полны агрессии и ненависти?

Я не знаю ответа на этот вопрос. Может быть, потом...

Перевод с польского: Юлия Середа

* Перевод Ирины Холмогорской

[герб СССР]
СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
« 8 марта 1940 г.
№ 794/Б
г. Москва

СОВ.СЕКРЕТНО
от 5.III.40 г.
ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западной области Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд повстанческих к-р организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное число лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) — 14.736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков — по национальности свыше 97% поляки.

Из них:

Генералов, полковников и подполковников — 295

Майоров и капитанов — 2.080

Поручиков, подпоручиков и хорунжих — 6.049

Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии — 1.030

Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков — 5.138

Чиновников, помещиков, ксендзов и осадников — 144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18.632 арестованных (из них 10.685 поляки), в том числе:

Бывших офицеров — 1.207

Бывших полицейских, разведчиков и жандармов — 5.141

Шпионов и диверсантов — 347

Бывших помещиков, фабрикантов и чиновников — 465

Членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента — 5.345

Перебежчиков — 6.127

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков —

— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Союза ССР

(подпись)

(Л.БЕРИЯ)

[Подпись в конце — Л.Берия. На 1-й странице размашисто через весь текст подписи: «И.Сталин», «К. Ворошилов», «В.Молотов», «А. Микоян». На полях, мелко: «т. Калинин — за, т. Каганович — за». В п. III в перечне состава «тройки» вычеркнута фамилия «Берия» и от руки вписана фамилия «Кобулов».]

строительной Промышленности 80 тыс.рублей и Наркома Лесной Промышленности СССР 20 тыс.рублей для премирования рабочих, ИТР и служащих заводов, участвовавших в выполнении дополнительного задания по понтонным паркам».

Выписки посланы:
т.т. Тевосяну, Анцеловичу, Звереву, Сафонову.

II. О развертывании производства биноклей на заводах НКВ в 1940 году.

Разрешить Наркомвнешторгу СССР закупить за границей для Наркомвооружения 11 металлорежущих станков на сумму 271.000 рублей.

Выписки посланы:
т.т. Микояну, Ванникову, Сафонову.

135. — О комиссии т. Тевосяна.

1. Для размещения заказов в Германии на предметы вооружения направить комиссию под руководством тов. Тевосяна в следующем составе (см. приложение).

2. Приемку корпуса корабля «Лютцов», всего вооружения, механизмов, оборудования, входящего в комплектацию корабля, возложить на НКВМФ при участии НКСП и НКВ.

Достройку корабля производит НКСП в качестве генерального поставщика и предъявляет к сдаче комплектно со всем вооружением НКВМФ.

3. На этих же условиях (как в п. 2) производится приемка 15 дюйм. башен и сдача их Наркоматом Вооружения Наркомату Военморфлота.

Выписки посланы:
т.т. Микояну, Тевосяну, Кузнецову, Ворошилову, Ванникову, Сафонову — все;
Берия, Маленкову, Шахурину, Сергееву — 1.

136. — Вопросы Верхову СССР.

Утвердить протокол № 18 заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам от 29 февраля 1940 года.

Выписки посланы:
т.т. Калинин, Ульриху, Берия, Полякову, Панкратьеву.

От 5.III.40г.

144. — Вопрос НКВД СССР.

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Выписка послана:
тов. Берия.

145. — Об изготовлении нового саркофага для тела В.И.Ленина.

Утвердить следующий проект постановления СНК СССР:

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Изготовить по проекту ВЭИ новый саркофаг для тела В.И.Ленина к 20 октября 1940 г.

Профессору Збарскому Б.И. к 15.IV.1940г. представить СНК СССР эскизные проекты и макеты художественного оформления нового саркофага.

2. Народному Комиссару Электростанций и Электропромышленности тов. Первухину М. Г. обеспечить изготовление саркофага в ВЭИ в установленный срок, представив СНК СССР к 10.V.1940 г. смету на выполнение этой работы.

3. Народному Комиссару вооружения т. Ванникову обеспечить изготовление по заданиям ВЭИ оптики для осветительной аппаратуры саркофага.

[Стр. 9 и 10 из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 13-оп (1940 г.)]

...строительной Промышленности 80 тыс.рублей и Наркома Лесной Промышленности СССР 20 тыс.рублей для премирования рабочих, ИТР и служащих заводов, участвовавших в выполнении дополнительного задания по понтонным паркам».

Выписки посланы:

т.т. Тевосяну, Анцеловичу, Звереву, Сафонову.

II. О развертывании производства биноклей на заводах НКВ в 1940 году.

Разрешить Наркомвнешторгу СССР закупить за границей для Наркомвооружения 11 металлорежущих станков на сумму 271.000 рублей.

Выписки посланы:

т.т. Микояну, Ванникову, Сафонову.

135. — О комиссии т. Тевосяна.

1. Для размещения заказов в Германии на предметы вооружения направить комиссию под руководством т. Тевосяна в следующем составе (см. приложение).

2. Приемку корпуса корабля «Лютцов», всего вооружения, механизмов, оборудования, входящего в комплектацию корабля, возложить на НКВМФ при участии НКСП и НКВ.

Достройку корабля производит НКСП в качестве генерального поставщика и предъявляет к сдаче комплектно со всем вооружением НКВМФ.

3. На этих же условиях (как в п. 2) производится приемка 15 дюйм. башен и сдача их Наркоматом Вооружения Наркомату Военморфлота.

Выписки посланы:

т.т. Микояну, Тевосяну, Кузнецову, Ворошилову, Ванникову, Сафонову — все;
Берия, Маленкову, Шахурину, Сергееву — 1.

136. — Вопросы Верхову СССР.

Утвердить протокол № 18 заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам от 29 февраля 1940 года.

Выписки посланы:

т.т. Калинин, Ульриху, Берия, Полякову, Панкратьеву.

От 5.III.40г.

144. — Вопрос НКВД СССР.

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Выписка послана:

тов. Берия.

145. — Об изготовлении нового саркофага для тела В.И.Ленина.

Утвердить следующий проект постановления СНК СССР:

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Изготовить по проекту ВЭИ новый саркофаг для тела В.И.Ленина к 20 октября 1940 г.

Профессору Збарскому Б.И. к 15.IV.1940г. представить СНК СССР эскизные проекты и макеты художественного оформления нового саркофага.

2. Народному Комиссару Электростанций и Электропромышленности тов. Первухину М. Г. обеспечить изготовление саркофага в ВЭИ в установленный срок, представив СНК СССР к 10.V.1940 г. смету на выполнение этой работы.

3. Народному Комиссару вооружения т. Ванникову обеспечить изготовление по заданиям ВЭИ оптики для осветительной аппаратуры саркофага.

4. НКФину СССР отпустить из резервного фонда СНК СССР необходимые средства на изготовление саркофага по смете НКЭП.»

Выписки посланы:

т.т. Берия, Хломову, Первухину — все;
Ванникову — 3; Звереву — 4.

От 11.III.40г.

183. — Вопрос КО.

Об обеспечении контрагентскими поставками военного судостроения на 1940 год.

Утвердить следующее решение КО:

а) В целях полного обеспечения программы военно-морского судостроения в 1941 году и создания необходимого запаса, обязать Наркомвнешторг заказать на импорт 250 шт. судовых валов по спецификации Наркомсудпрома, приняв необходимые меры к тому, чтобы 50% этих валов было бы доставлено в СССР не позже октября 1940 г., а остальные валы не позже марта 1941 г.

Наркомсудпрому (т. Тевосяну) в 5-ти дневный срок представить Наркомвнешторгу спецификации и техническую документацию на валы и обеспечить приемку валов от зарубежных фирм своими инженерами.

б) Обязать Наркомсудпром (т. Тевосяна) к 15 апреля внести в Экономсовет заявку на импорт оборудования, необходимого для выполнения судостроительной программы в 1940-42 г.г.

в) По Наркомату Общего Машиностроения.

Разрешить Наркомобщмашу импорт пуско-регулирующей автоматики для укомплектования фреоновых установок для Нарком...

[На стр. 9 протокола — рукописная надпись: «Изъято из протокола «ОП» 4.III.1970 г. в закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К.У.» Подпись неразборчива.]

Подлежит возврату в течение 24 часов в спецчасть Особого Сектора ЦК (Постановление ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)

СТРОГО СЕКРЕТНО
(Из О.П.)

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Тов. Берия

№ П13/144.

5 марта 1940 г.

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК от 193 г.

Решение от 5.III.40 г.

144. Вопрос НКВД СССР.

1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

Возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)
в часть Особого Сектора ЦК

СТРОГО СЕКРЕТНО
(Из О.П.)

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П13/144. Тов. Берия.
5 марта 1940 г.

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК от 193 г.

Решения от 5.III.40 г.

144.- Вопрос НКВД СССР.

1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков.

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военно-пленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кабулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

С подлинным верно
Главный государственный архивист
Российской Федерации

Г.Г. Пихоя

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

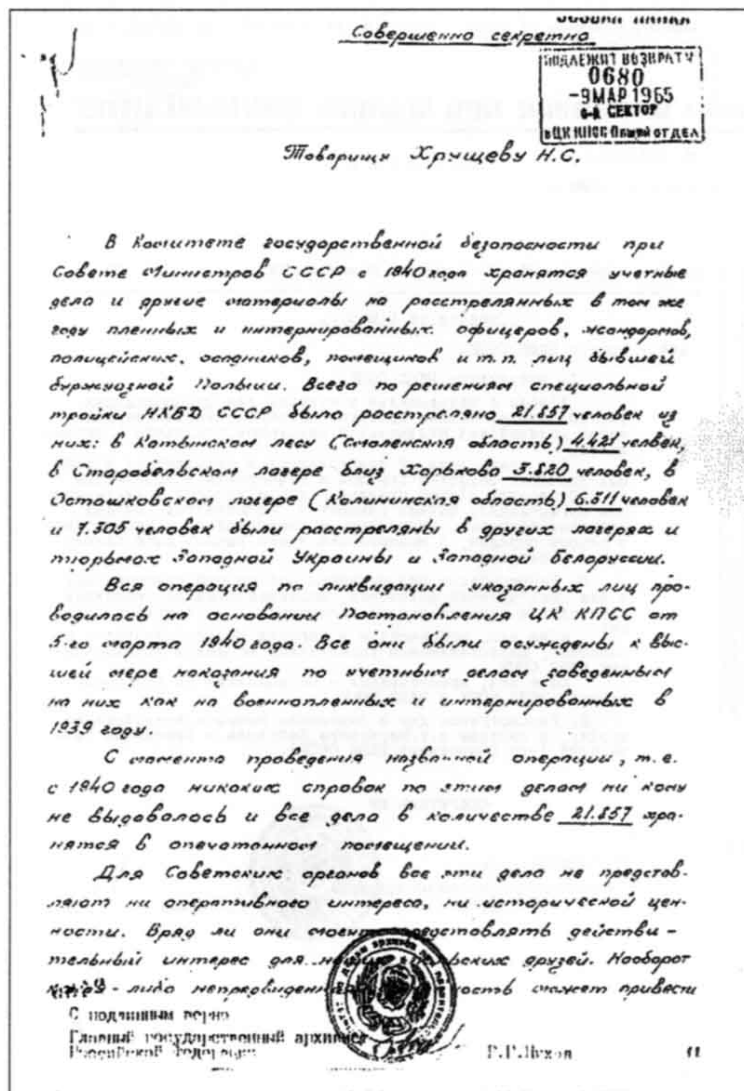
а) на лиц, находящихся в лагерях военно-пленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кабулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

С подлинным верно. Главный государственный архивист Российской Федерации Г.Г. Пихоя

валось и все дела в количестве 21.857 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии именованной: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета Государственной
Безопасности при Совете Министров СССР
А. Шелепин (подпись)
3 марта 1959 года

Проект
Совершенно секретно
Постановление Президиума ЦК КПСС
от _____ 1959 года

Разрешить Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР.

[Оригинал документа — рукописный]

Архив документов КПСС — в Интернете, на
web-сайте Владимира Буковского:
<http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/buk-rus.html>

Совершенно секретно

Товарищу Хрущеву Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года никаких справок по этим делам никому не выда-

Ежи ПОМЯНОВСКИЙ

ЭТА ГОДОВЩИНА

В годовщину катынского преступления мы публикуем небольшую подборку документов не затем, чтобы сыпать соль на раны, и уж заведомо не затем, чтобы язвить этим напоминанием сегодняшних российских граждан: прошло 60 лет, на нынешних поколениях эта вина не лежит, и почти наверняка нет в живых никого из исполнителей резолюции политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

Да, именно во исполнение этой резолюции были убиты, по скрупулезным учетным данным НКВД, 21857 польских военнопленных и заключенных, в т.ч. 4421 офицер из числа интернированных в Козельске, 3820 — в Старобельске и 6311 полицейских и пограничников из лагеря в Осташкове. Первые лежат в Катыни под Смоленском, вторые — в Пятихатках под Харьковом, третьи — в Медном под Тверью. Но мы отнюдь не считаем, что польские страдания горше и больше других. В Куропатах под Минском лежит в десять раз больше белорусов и других расстрелянных, а такие массовые могилы на территории бывшего СССР — в каждой области, и зачастую по несколько. В Пятихатках в общих рвах — больше русских и украинцев, чем поляков. Другое дело, что поляки лежат в мундирах, а по существу и военнопленными они не были, так как Польша не объявляла войны Советскому Союзу в сентябре 1939 г., рассчитывая на совсем еще недавний договор о ненападении. Но она подверглась советскому нападению в то самое время, когда вела неравные бои с тем же самым гитлеровским агрессором, который два года спустя напал на СССР, а в то время был его союзником и соучастником.

Безусловно, на счету большевиков несравненно большее число жертв и актов вероломства. Есть, однако, причины, которые превращают катынское дело в совершенно особый случай.

Во-первых, не было другого преступления против другой нации, которое бы так старательно скрывали — то молчанием, то ложью, — как катынское. Прежде всего отказывались предоставить какие бы то ни было сведения семьям военнопленных: последние письма, полученные от них, были датированы — внимание! — мартом 1940 года. Потом, после 22 июня 1941 г., когда Польша из злейшего врага вдруг стала желанным союзником СССР, когда из сотен тысяч эзков и ссыльных должна была создаваться польская армия, — польское командование сбивали с толку известиями, что офицерские кадры задерживаются, потому, мол, что они далеко — на Земле Франца Иосифа, в заполярных льдах. А когда немцы в 1943 г. обнаружили и вскрыли катынские могилы, советская пропаганда — от Кремля до последней стенгазеты — принялась твердить, что поляки из всех трех лагерей оказались в Катыни, т.е. на западе страны, и там попали в руки гитлеровцев. После освобождения от немцев Смоленской области устроили экспертизу, для проведения которой использовали самого проф. Бурденко и его сотрудников: она должна была доказать, что массовые расстрелы происходили не весной 1940-го, а осенью 1941 г., т.е. уже после захвата немцами Смоленска. Вещественные доказательства были немногочисленны, да и те откровенно сфаб-

рикованы, зато число жертв завышено, чтобы никто и не вздумал искать военнопленных из Старобельска и Осташкова, давно уже зарытых в других местах.

В эти доказательства, однако, поверили многие, в том числе и среди поляков, находившихся в СССР и, стало быть, отрезанных от других источников информации. Пишущий эти слова с горечью признается, что и он принадлежал к тем, кто принял эту версию за чистую монету. Размах других гитлеровских преступлений был вопиюще очевиден, и в ум не вмещалось, что Сталину настолько не хватило разума, чтобы накануне войны уничтожить элиту завтрашнего союзника. Эта логика сегодня вызывает сожаление и стыд: уничтожил же Сталин элиту собственного народа. Отрезвление принесли факты: советский отказ допустить к расследованию Международный Красный Крест, известие, что в немецких лагерях польские военнопленные в основном выжили. Наконец, и Нюрнбергский трибунал не принял советскую версию, не возложил вину за Катынь на немецких военных преступников, а Н. Д. Заря, помощник прокурора Руденко, покончил жизнь в Нюрнберге загадочным «самоубийством», став одним из первых отважных и жертвенных свидетелей обвинения по делу о большевистской лжи.

На Западе правду хоть и знали, но замалчивали, чтобы не компрометировать восточного союзника, а после войны — ялтинский раздел Европы. Дезинформация не прекратилась до самого последнего времени, о чем свидетельствует, например, вышедший в 1995 г. в Москве «Катынский криминал» некоего Мухина. Не будем питать иллюзий: в России многим до сих пор неизвестно ни само катынское дело, ни его значение. А, казалось, истина лежит на ладони. Можно было обойтись даже без доказательств, умело использованных геббельсовской пропагандой после раскрытия массовых захоронений поляков под оккупированным Смоленском. 6311 польских пленников из Осташкова лежат в Медном, куда немцы во время войны не добрались. Их расстреливал тот же начальник комендатуры НКВД СССР В.М.Блохин, который несколькими неделями раньше расстреливал Исаака Бабея, Всеволода Мейерхольда, Михаила Кольцовы. Полный список его соратников сохранился, как сохранились и рапорты начальника Калининского областного управления НКВД Токарева.

Во-вторых, никакие документы и свидетельства не приходилось вырывать с таким трудом, как доказательства этого массового уничтожения. О судьбе польских офицеров отказывались что бы то ни было сообщить не только генералу Андерсу, который создавал в СССР свой польский корпус, или ротмистру Чапскому, художнику, уцелевшему в Старобельске и по поручению Андерса искавшему их от Памира до Новой Земли, но и коммунистам — генералу Берлингу, формировавшему просоветские польские части, первому секретарю ЦК ПОРП Гомулке, а под конец и Ярузельскому. Особо красноречивы именно их свидетельства, потому что их невозможно заподозрить во враждебности к советскому государству и социалистической системе и потому что они имели прямой доступ к тем, кто в СССР решал все, в том числе — что будет считаться истиной, а что нет. Это мучительное вырывание истины в конце концов принесло плоды, заслуживающие особого внимания. Оказалось, что все фаль-

сификации напрасны и нет секретов, которые в конце концов не обнаружатся. Что еще важнее, мы получили доказательство, что оглашение горькой истины (чего еще боялся Горбачев и чего не испугался Ельцин) не отравило, а, наоборот, очистило атмосферу отношений Польши с Россией. Без этого смелого решения за Россией продолжал бы тянуться траурный шлейф духовного наследия советских времен, цепь старых и уже чужих грехов. Что мы сделаем дальше в этих условиях, зависит уже только от нашего разума. Или от его недостатка.

В-третьих, это случай напомнить важную вещь: ничто не происходит само собой. Чтобы эта истина вышла на свет Божий, нужна была необычайная, упорная страсть многих отважных людей. Разумеется, среди них преобладали поляки — начиная с писателя Юзефа Мацкевича, Чапского, Гедройца и всего круга «Культуры», ученых, таких, как проф. Заводный, политиков из польского правительства в изгнании и до деятелей из ПНР, которые, зачастую шепотом или во весь голос, требовали огласить то, что и так все знали. Не молчали и иностранцы, такие, как Фицгibbon или 227 депутатов британской Палаты Общин, потребовавших от ООН расследования катыньско-

го дела. Но особо волнующим и в конце концов решающим было и остается участие русских в этом очистительном процессе. Я прошу вас, читатели «Новой Польши», вслух прочитать текст и подписи под заявлением, опубликованным в журнале «Континент» (тогда еще эмигрантском) группой наших друзей — недавних советских граждан по инициативе писателя Владимира Максимова в апреле 1980 г., когда не только никакая стена еще не рухнула, но и «Солидарности» еще только предстояло родиться. С тем же волнением пишущий эти слова читает список членов совместной польско-русской редакции тома «Катынь» (М., 1999) — этого образцового собрания «совершенно секретных» документов, долгие годы скрытых в кремлевских архивах и теперь изданных под редакцией акад. Александра Николаевича Яковлева. К ужасу и боли при их чтении присоединяется растущее чувство надежды и веры, что есть на свете добросовестность. И что будет так, как сказано в Писании: истина сделает нас свободными. Свободными от груза ненависти и недоверия. Только истина поможет полякам и русским достичь примирения.

Перевод с польского: Наталья Горбаневская

Опубликовано в журнале
«Новая Польша», № 3 за 2000 г.

Юзеф ЧАПСКИЙ

Старобельские воспоминания (Фрагмент)

В октябре 1940 г., за восемь месяцев до начала советско-германской войны, большевики привезли в специальный лагерь под Москвой, а потом и в Москву нескольких наших штабных офицеров, в частности полковника Берлинга, и предложили им сформировать польскую армию против немцев. Берлинг уже тогда принял предложение, но поставил твердое условие: в эту армию смогут вступить все солдаты и офицеры, независимо от политических взглядов. Была встреча с Берией и Меркуловым.

— Ну естественно, — ответили они. — Поляки любых политических взглядов получают право вступить в эту армию.

— Замечательно, — произнес Берлинг, — у нас есть отличные кадры для армии в лагерях Старобельска и Козельска.

И тут у Меркулова вырвалась фраза:

— Нет, эти — нет. Мы сделали с ними большую ошибку. (Выделенное курсивом — по-русски в тексте)

Из сборника «Катыньское преступление в свете документов»

3 декабря 1941 г. в Кремле состоялся разговор генерала Сикорского со Сталиным при участии генерала Андерса и комиссара Молотова. Вот соответствующая часть протокола:

Ген. Сикорский: ...заверяю вас, господин президент, что ваше распоряжение об амнистии не выполняется. Многие, притом самые ценные наши люди, еще находятся в трудовых лагерях и тюрьмах.

Сталин (делая заметки): Этого не может быть, амнистия касалась всех, и все поляки освобождены. (Последние слова адресует Молотову. Молотов подтверждает).

Ген. Андерс (по требованию ген. Сикорского, приводит подробности): Это не соответствует действительному положению вещей. У меня в армии есть люди, которых освободили только несколько недель назад и которые заявляют, что в отдельных лагерях остались еще сотни и даже тысячи наших соотечественников. <...>

Сталин: Этого не может быть. Они бежали.

Ген. Андерс: Куда же они могли бежать?

Сталин: Ну, в Маньчжурию.

Ген. Андерс: Не может быть, чтобы всем удалось бежать... Большинство офицеров, упомянутых в списке, известны мне лично. Среди них — мои штабные офицеры и командиры...

Сталин: Наверняка их освободили, просто они еще не прибыли.

Ген. Сикорский: Россия велика, и трудности тоже велики. Возможно, местные власти не выполнили приказ. Если бы кто-то выбрался за пределы России, он наверняка доложил бы мне.

Сталин: Знайте, что у советского правительства нет ни малейшего повода задерживать хоть одного поляка.

Молотов: Быть того не может, чтобы в лагерях находились ваши люди.

Ген. Андерс: Однако мы с абсолютной достоверностью установили, что они там есть...

<...>

Этот разговор еще больше укрепил польскую сторону в убеждении, что пропавшие офицеры живы и их содержат в трудовых лагерях.

Оглянись в раскаянии

Заявление российских правозащитников

В эти памятные и скорбные для Польши дни мы, советские правозащитники, хотим еще раз заверить своих польских друзей, а в их лице и весь польский народ, что никто из нас никогда не забывал и не забудет о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни.

Мы уверены, что уже недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам: одним — в меру их злодеяния, другим — в меру их мученичества.

Апрель 1980

Людмила Алексеева,
Андрей Амальрик,
Владимир Буковский,
Борис Вайль,
Томас Венцлова,
Александр Гинзбург,

Наталья Горбаневская,
Зинаида и Петр Григоренко,
Борис Ефимов,
Татьяна Житникова (Плющ),
Арина Жолковская (Гинзбург),
Юлия Закс,
Эдуард Кузнецов,
Павел Литвинов,
Кронид Любарский,
Владимир Максимов,
Владимир и Галина Малинкович,
Раиса Мороз,
Виктор Некрасов,
Владлен и Светлана Павленковы,
Леонид Плющ,
Галина Салова (Любарская),
Надя Свитличная,
Павел Стокательный,
Валентин Турчин,
Борис Шрагин,
Юрий и Вероника Штейн,
Татьяна Ходорович

(«Континент» №24, 1980)

ПРОСТИТЕ НАС, ПОЛЯКИ

**МЕДНОЕ,
2 сентября 2000 года**

Фоторепортаж
Сергея РОМАНОВА

**Церемония открытия и
освящения мемориального
кладбища в Медном.
2 сентября 2000 г.
(фрагмент молитвы)**

Вечный Боже, милосердный Отче!

...

Вспоминаем перед тобой тех, которые были лишены права на свободу, на возвращение, на жизнь и на достойные похороны. Вспоминаем со скорбью, но без ненависти, зная, что через молитву, правду и прощение ведет дорога к будущему без новых жертв идеологии, национализма и людского высокомерия.

...

Сделай, Господи, так, чтобы принесенная жертва жизни наших родных не была напрасной для будущего нашего народа и наших соседей. Сделай так, чтобы эта земля никогда больше не знала братоубийственных войн, насилия и убийств. Чтобы те, которые здесь упокоились и те, которым здесь жить, узнали мир и покой. Научи нас, Господи, быть добрыми соседями....

"Я ПЕРЕШЕЛ НА СТАТУС СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА"

С правозащитником **Иосифом Дядькиным** беседуют **Андрей Блинушов, Сергей Романов, Юлия Середа.**

— **Иосиф Гецелевич, Вы коренной тверяк... или тверич, как правильно сказать?**

— Можно и так и эдак. Нет, я родился на Украине, в Белой Церкви. Это было в 1928 году. Потом меня, двух лет от роду, увезли в Винницу. А в 39-ом, когда наши войска вошли в Польшу, отца забрали в армию — он был провизором — и отправили служить в Кронштадт начальником аптеки флотского госпиталя. В самом начале 1941-го отец перевез нас с матерью к себе. И это нас спасло, мы остались живы. А все наши соседи по Виннице, все мои друзья-евреи — погибли...

Потом мы с мамой были в эвакуации, в Воткинске, это Удмуртия. Туда вывезли киевский «Арсенал» и муж моей двоюродной сестры был начальником строительства завода. Он-то нас и приютил. Работал дядя Миша... Мы его видели от силы два часа из 24-х. Еще бы! Он, после войны уже, рассказывал, как приезжал Устинов (*В 1941-1953 гг. — нарком вооружений СССР — прим. ред. «Карты»*), выкладывал револьвер на стол и говорил: «Чтобы первая пушка была к... через три дня!» Вот так тогда работали.

В 1944-м отец опять увез нас в Кронштадт. Помню, что из Москвы в будущий Петербург мы ехали по железной дороге трое суток! Отец был какой-то никакой, интендантской службы, но офицер, поэтому ехали мы не в теплушке. С продуктами тоже было более менее. Дело в том, что в отличие от Ленинграда, где продуктовые склады разбомбили и они сгорели в первые же дни войны, в Кронштадте немцам этого сделать не удалось. Поэтому на флоте пайки были нормальные, голод коснулся только гражданского населения. Отец нам даже посылки присылал в Воткинск из *осажденного* Кронштадта. Можете себе представить? Бомбили этот город-крепость крепко, особенно в сентябре 1941-го. А я помню 22-е июня, когда первые самолеты налетели и как я дрожал. Правда, дня через четыре привык и при объявлении воздушной тревоги уже лез на крышу смотреть. Попала бомба и в госпиталь. Половина здания была разрушена. Отец, к счастью, был в другой половине и остался жив.

В Кронштадте я окончил среднюю школу. Вы знаете, конечно, что тогда обучали раздельно. Но в Кронштадте не было такого мальчика, который не мечтал бы о флоте и не пошел бы в школу юнг. Поэтому в мужской школе, начиная с 8-го класса, осталось всего 3-4 безнадежно штатских ученика, которые не поддались, так сказать, милитаризации. И потому я окончил женскую школу. Нас сидело трое пацанов среди целого класса девочек. Они относились к нам с презрением, еще бы! — когда целый город морячков вокруг. Но записочки через нас передавать не стеснялись. Иной раз такое писали, что диву даешься, до сей поры помню... А вообще ощущение у меня от Кронштадта, как у Салтыкова-

Щедрина: город в котором вместо неба, — солдатская шинель. Одни военные...

В 1946-м я поступил в Ленинградский политехнический институт, кончил его и затем 22 года проработал в Башкирии. Но это только в официальной биографии так коротко, все было гораздо замысловатее. Начать с того, что в ЛПИ, куда я поступил на ядерную физику, через некоторое время, в 1948-м, меня выставили с этой специализации. И не только меня, конечно. Оттуда убрали всех «неблагонадежных»: кто был на оккупированной территории, у кого родственники репрессированы и т.д. и т.п., ну и всех евреев в придачу. Но поскольку деканствовал у нас знаменитый Иоффе, академик, никого не тронули, не выкинули, просто перевели на другие специальности и все. А те, кто остался, так сказать, «чистые и сверхчистые» по всем статьям, сидели в специальном закутке и изучали американскую переводную литературу.

— **А Иоффе?**

— А что он мог сделать? Ничего он не мог сделать...

— **А правда, что тогда толком не знали о вредности ядерного излучения и потому не применяли никакие средства защиты и не соблюдали правила техники безопасности?**

— В институте мы не работали с ядерными материалами. А что было потом — я расскажу. Итак, я окончил радиофизику, получил диплом, а меня никуда не берут! По все той же причине. Но нашелся один главк — «Нефтегеофизика», — который брал всех. И евреев, и бывших под оккупацией, — пожалуйста! То ли у них разрешение на это было, то ли приличные люди в руководстве собрались (а они действительно были приличными, как потом выяснилось), в общем, попадаю я в этот главк и с огромным удивлением обнаруживаю, что мне предстоит заниматься ядерной геофизикой. Когда я оформился и приехал в Башкирию, встречает меня коллега и будущий хороший друг Юра Гулин и говорит: «Будем заниматься гамма-каротажем». (*Каротаж — инженерно-физические методы исследования скважин на кабеле с целью выяснения геологического строения и наличия полезных ископаемых — прим. ред. «Карты»*).

Сначала я подумал, что это магнитный каротаж — есть такая единица магнетизма: «гамма». Но оказалось, — нет, ядерный, а именно: нейтронный гамма-каротаж. Таким образом, я случайно попал на ту специализацию, с которой меня выперли в институте. Как говорится, от судьбы...

И что оказалось особенно приятным, — ядерная геофизика была совершенно открытой тематикой среди прочих ядерных направлений. Все мои работы в этой области опубликованы в открытой печати, и каждый может судить о моей глупости и какой-то, может быть, доле разума.

Это был 1952-й год. Действительно, никакой защиты тогда не было. Не было никаких дозиметров. Но мы же все были физиками. Юра Гулин прекрасно разбирался в ядерной геофизике. Мы все рассчитали: на каком расстоянии держать источники, в каких контейнерах, сколько времени можно облучаться и т.д., и меры предосторожности прекрасно знали и выполняли. И никто из нас не заболел лучевыми болезнями. Ядерная геофизика всегда была и остается абсолютно открытой. Я горжусь тем, что никогда не занимался секретными работами. Ядерная геофизика — это действительно применение атома в мирных целях. В общем, отработал я в исследовательских партиях 12 лет и участвовал таким образом в становлении ядерной геофизики в нашей стране.

Мы исследовали по всей Башкирии все скважины месторождения так называемого «второго Баку». И вот там, во время работы «в поле», во мне, тогда истинном сталинце, — так я был воспитан, что там говорить, — впервые зародились сомнения.

Причиной были огромные колонны зэков, которые строили там все и вся — в Салавате, Стерлитамаке, Уфе. Лагерь было — полно! И вот едешь со своей каротажной станцией, а они идут, идут, идут, — поневоле задумаешься.

Правда, первые проблески у меня были еще в институте, когда мы летом 1951-го пошли на шлюпках из Ленинграда в Сталинград по Марининской системе каналов. И вот плывем, а по берегам колючка, километр за километром. Одна зона кончается, другая начинается. Зэков не видели, но все равно...

— *Говорят, что у физиков-ядерщиков атмосфера была более вольнодумной, чем везде, а как у геофизиков?*

— Конечно! То же самое! Говорили у нас все, что хотели. Совершенно свободно. Вот, к примеру, мой друг Юра Гулин — большой умница, энциклопедист, — он прекрасно разобрался в Сталине гораздо раньше меня и, конечно, говорил мне об этом. Я какое-то время ему просто не верил. Но к 1954-му году «созрел» и все понял, сопоставив и свои наблюдения, и рассказы Юры...

— *А в 1953-м — переживали? Смерть «отца народов»...*

— Да. Еще — да. Переживал...

— *Значит, разговаривали свободно. А стукачей не боялись?*

— Стукачи, разумеется, были, но никаких последствий для нас это не имело. Я приведу пример, какая там у нас была обстановка. Кажется, в 1956-м или 1957-м вздумалось мне выдвинуть независимого кандидата в депутаты. От них был какой-то бурмастер. Хороший бурмастер, между прочим. А я счел, что необходима альтернативная кандидатура. И высказал это публично. Ну, тут началось черт знает что! Анализируя этот эпизод сейчас, полагаю, что вполне могли меня посадить тогда. Но нет, только вызвал меня секретарь горкома — это город Октябрьский в Башкирии — и давай читать нотацию, а я начал с ним спорить.

В итоге мне было сказано, что я ничего не понимаю в политике нашей особой страны, где партия стоит в нерушимом блоке со своим народом, и если партия решила выдвинуть одного кандидата, народ будет выдвигать одного кандидата, а мне при этом лучше помолчать. Вот так. Кстати, мы с этим секретарем соседями были, жили на одной лестнич-

Иосиф Дядькин. Медное, 2 сентября 2000 г.
Фото: Сергей Романов

ной клетке. В общем, все для меня обошлось благополучно. И у других я ничего не помню, чтобы что-то случилось по поводу откровенного высказывания своих взглядов.

Такой атмосфере способствовало еще и то, что в Башкирии жила масса ссыльных. И немцы поволжские, и крымские татары. Они работали и у нас, мы общались, и они рассказывали, естественно, правду, как у них все случилось. Так что атмосферы единомыслия не было.

Потом меня пригласили в Башкирский университет, и 10 лет я работал в Уфе, преподавал. И говорил студентам кое-что, правда, осторожно. Здесь, в начале 70-х годов, я вкусил самиздата. В частности, прочитал «В круге первом» Солженицына.

— *А как самиздат к вам попал?*

— Через москвичей. Мы очень часто ездили в Москву, поскольку совместно разрабатывали методы ядерной геофизики. Сначала с Московским нефтяным институтом, а потом, когда начальник главка Алексеев организовал ВНИИЯГ, — с ними. Кстати, этот институт под разными названиями существует до сих пор. Именно он внес основополагающий вклад в развитие ядерной геофизики в СССР.

А далее события развивались так. В начале тех же 70-х, извините, совершенно нечего стало жрать. И это в Башкирии, на богатейших землях! Детей учить там тоже было негде. Все-таки не тот в Уфе был уровень. Все это вместе подвигло геофизиков — напомним, что головной институт

Юрий Гулин.

располагался в Октябрьском, — организовать свой филиал в Калинин, то есть Твери. Поближе к Москве, вузам, «колбасным электричкам». И меня пригласили руководить лабораторией теоретической геофизики. Так я оказался и поближе к самиздату. Впервые в жизни мне сразу выделили трехкомнатную квартиру. Я уже был женат, трое детей — двое от первого брака — плюс мой отец, да мы с женой. Но все равно, по тем временам это было неслыханно, чтобы так сразу.

В скором времени, с помощью своего друга Лени Лозовского, приглашенного в Калинин из Академгородка, я познакомился с Александром Павловичем Лавутом, который тоже работал в геофизике. Через него и началась моя диссидентская деятельность. Контачили мы с ним плотно. Электрички ведь не только для колбасы существовали, хотя и с продуктами помогали очень и очень сильно.

— *Что, тут со снабжением тоже плохо оказалось?*

— Да. Хотя когда мы в 1972-м приехали, по сравнению с Башкирией снабжение было отличное. Хотя никаких видимых причин для этого не было. Но ровно через полгода — все исчезло. И начались вынужденные рейды в Москву.

В Калинин свершилось главное в моей жизни — я перешел на статус свободного человека.

Я стал читать, что я хочу, я стал делать то, что нахожу нужным... Правда, здесь, в отличие от Башкирии, меня арестовали. В 1980 году. В основном за то, что я написал демографическую работу, в которой рассчитал, сколько людей погибло в ГУЛАГе.

— *И что же получилось?*

— Что получилось? Ну, во-первых, поскольку я научный работник, подход был сугубо научный: исходные данные — такие-то; предположения и допущения — такие-то; демографические формулы — такие-то; выводы — с нескольких точек зрения. Я проанализировал и по абсолютным числам переписей, и по соотношению мужчин и женщин, и по возрастным группам. Все это было представлено. И получилось у меня, а посчитал я с 1928-го по 1949-й год, что с 1928-го по 1941-й годы погибло от всех видов репрессий и голода — от 10 до 15 миллионов человек.

А за период с 1941-го по 1949-й год то есть за войну плюс 4 послевоенных года — 30 миллионов человек. М.С. Горбачев в начале перестройки называл-таки цифру погибших в 1941-45 годах, за собственно войну, — 27 миллионов.

Конечно, в официальных данных были большие лакуны. Но эти лакуны сами по себе говорили и даже вопияли для всякого, кто дал себе труд задуматься.

Например, данные о смертности населения были приведены за 1928-й год, а потом только аж за 1936-й. Потом, как ни странно, за 1937-38-й (впрочем, страннее и подозрительнее выглядело, конечно, если бы годы «большой чистки» были выкинуты), а 1939-й уже шел с присоединенными территориями...

Короче говоря, невооруженным глазом было видно, что лакуны сделаны для того, чтобы в целом *был прирост насе-*

ления. А провалы завуалировались. Но ведь это очень просто выявляется! Например, с 1926-го по 1928-й годы относительный прирост был примерно 4%. С 1937-го по 1941-й тоже примерно четыре, хотя я думаю, что цифра явно завышена. А с 1928-го по 1936-й — 1,3%. То есть почти в три раза меньше! Это же *качественный* скачок! Может быть такое в природе само собой?!

В общем, все свои размышления и расчеты я написал и запустил в самиздат. Один экземпляр отдал Саше Лавуту, а второй — моему другу Игорю Николаевичу Хохлушкину. Саша отправил статью на Запад. Там она была опубликована в какой-то французской газете и в «Уорлд стрит джорнэл». А Игорь отдал Солженицыну. И чета Солженицыных, будучи в эмиграции, опубликовала ее через Людмилу Торн, с большим предисловием.

— *Иосиф Гецелевич, Вы эту работу под псевдонимом опубликовали?*

— Нет, нет — открыто. Назвал ее «Статисты» и под своей фамилией, а все письма протеста против других действий властей я подписывал с адресом (они значатся в нашем с Сергеем Максимовичем Горбачевым деле — номер ... неохота искать, вроде 2.48).

— *А Вы представляли последствия?*

— Ну, я же говорил уже, что перешел на статус совершенно свободного человека. Я считал, что, если я могу провести научное исследование, говорю, откуда взял данные и что в результате анализа получилось и любой может меня критиковать, с какой стати мне таиться? Первый вариант я написал в 1974-м, потом делал уточнения. Последний вариант вышел в 1976-м.

— *А в 80-м Вы были арестованы... И по какой статье Вас обвиняли?*

— 190 прим. Не 70-я. То есть я делал «заведомо ложные измышления», но не покушался на строй. В отличие от Сергея Адамовича Ковалева, который хотел этот строй извести, как говорится, на корню.

— *А с Ковалевым Вы познакомились через Лавута?*

— Через Лавута, но заочно. Я узнал о нем после того, как он сел уже. Это было в 1974-м. Но Лавут мне о нем все уши прожужжал. И когда Сергей появился в Твери после

Следователю прокуратуры
т. Мякову В.Е.

От сотрудников КО ВНИГИС
зав.отделом № 5 Ю. А. Гулина
зав. лабораторией А. В. Золотова
зав. лабораторией Е. Б. Бланкова

Заявление

25 апреля с.г. арестован наш коллега по работе И. Г. Дядькин. Мы более 20 лет знаем его как человека неспособного уклониться от ответственности за совершенные им действия. Поэтому, не затрагивая вопроса об его виновности или невиновности, мы просим Вас заменить для него содержание под стражей до суда подпиской о невыезде.

Эта просьба обоснована еще и тем, что И. Г. Дядькин болел язвой желудка и перенес операцию, после которой нуждается в регулярном частом питании и диете.

Гулин. Золотов. Бланков.

28. 04. 80 г.

(Всех троих понизили в должности. — И.Д.)

Сергей Ковалев

лагеря — его в Москву не пускали — и мы с ним первый раз встретились, я сказал: «Я тебя знаю! И подробно!» Потом он сторожил все что можно: какую-то стройку, горсад, драмтеатр. И я в его сторожках был, пожалуй, самым частым гостем.

— В каком году Сергей Адамович попал в Тверь?

— В 1984-м. Я уже год как был на свободе, отсидев от звонка до звонка максимум по моей статье — 3 года. Моим подел-

ником был мой друг Сережа Горбачев, ему дали два года. Вообще ни за что! Он не был диссидентом, хотя имел философский склад ума, нашу систему прекрасно понимал, но никаких абсолютно действий против нее не предпринимал.

— Каким же образом его «притянули» к Вашему делу?

— Тут такая история. Как только меня арестовали — 25 апреля 1980 года — он сразу же поехал в Москву и сообщил Саше Лавуте и Игорю Хохлушкину. Они тут же передали информацию в «Хронику текущих событий» и на Запад.

Разумеется, эта поездка не осталась незамеченной. Поэтому обыск был не только у меня, но и у Сергея. Я чужие работы успел спрятать, а свои не стал, с какой стати? Это — мои работы, я от них не отрекаюсь. Поэтому они изъяли полностью весь мой самиздат.

А у Сергея и у других (еще обыск сделали у Лени Лозовского и Володи Голицына) мало чего нашли. Сначала его таскали в качестве свидетеля. А через два месяца, в конце июня, вызвали и самым подлым образом арестовали прямо на допросе.

Видимо, решили, что если арестуют да надавят, то он даст показания против меня. Но здесь они просчитались. Пытались и меня шантажировать, дескать, Горбачев про вас все рассказал, мы вам устроим сюрприз с ним и т.д. В общем, обычные их приемчики.

Но я сразу понял, что ничего у них не выйдет. Сергей хоть и не диссидентствовал, но не такой был человек, чтобы давать показания на друга. И он очень быстро сообразил, как себя с ними вести. Кстати, в этом отношении ему очень помогла жена. Когда его арестовали, он сумел позвонить домой прямо из кабинета следователя, когда тот вышел оформить какие-то бумаги. Жена ему сказала: «Сережка, терпи! Пусть лучше морда в крови, чем потом всю жизнь каяться».

Так что, видимо, гебешники решили ему отомстить за стойкость. Правда, имелась и формальная зацепка. При обыске у него нашли одну-единственную брошюрку самиздатовскую: «Неполитические письма» Расина. Это такие, действительно неполитические, советы, как уберечь ребенка от нежелательных влияний, в том числе и государства.

Но Сергей, по неопытности, сказал следователю, что давал ее Голицыну. А раз давал, значит, «распространение», получи два года. Это несмотря на то, что Голицын на суде заявил, что «не Горбачев мне давал брошюру, а кто именно давал — отказываюсь отвечать». Судили нас вместе.

Вообще-то, меня должны были судить вместе с Лавутом. У него эпизодов обвинения было раз в десять больше, чем у меня, — такой «прожженный» был диссидент, — в том числе и связанных со мной: у него нашли подлинники моих статей.

Но они не захотели, и вот по какой причине. Его следователь поручил моему допросить меня о Лавуте, а мой, соответственно, наоборот. Потом я в деле прочитал, что Саша отказался давать показания по всем вопросам. У меня позиция была такая: о себе я буду рассказывать, а о других, а также о распространении литературы, не скажу ни слова.

И как они меня ни пугали 70-й статьей, я стоял на этом до конца. Поэтому, когда мне задали первый вопрос о Саше, я ответил так: «О Лавуте ничего говорить не буду, но я готов выступить на суде над Лавутом и рассказать, что я думаю о его деле и о нем самом». В ответ на это мой следователь, Валерий Мягков, изрек: «Хотите, значит, встретиться на суде? Не выйдет!» И судили нас отдельно, хотя наши дела были связаны прямо.

— Иосиф Гецелевич, а вот такой вопрос... Что происходит с человеком, когда следователь говорит ему в первый раз, что его друг дал на него показания...

— Если ты уверен в своем друге... Хотя, честно говоря, в первое время мне было... беспокойно. Ведь ты же изолирован! Нельзя побегать и тут же все выяснить. Я мог предположить, что он действительно сказал, недопонимая чего-то, по неопытности и т.д. В конце концов, его могли и сломать. У Сергея было очень неважно со здоровьем. Но очень-очень скоро, по некоторым нюансам в поведении следователя, я понял, что все это блеф, типичный прием «конторы».

Так что этот натиск я пережил вполне благополучно. А действительно большую тоску на меня навело вот что. Когда я отказался говорить обо всем, кроме себя, следователь ответил так: «Пожалуйста, можете не говорить. Но Вы, конечно, знаете, что я следователь областной прокуратуры. Так вот, я с огромным удовольствием передам это дело в КГБ. И Вас будут судить по статье 70-й». Вот тут меня тоска взяла действительно существенная. Но, тем не менее, я быстренько — там гораздо быстрее начинаешь шевелить извилинами — сообразил, как ответить. Я сказал: «Хорошо, 70-я так 70-я. Но если со следователем областной прокуратуры я готов разговаривать и давать показания о себе, то со следователем КГБ я не буду говорить совершенно! Потому что права и обязанности КГБ не опубликованы в открытой печати». Может быть, это подействовало, а может быть, то, что Солженицын в это время уже опубликовал сообщение об аресте и призвал ученых мира защитить меня, но они все-таки не стали переквалифицировать мое дело на 70-ю статью.

— А Вы знаете, кто из ученых вступился за Вас?

— Французские ученые и, кажется, еще кто-то. Комитеты защиты создавали. Ведь тогда кучу людей арестовали, и Орлова, и других...

Кое о чем я узнал уже тогда, из дела своего, когда знакомился. Например, был документ, озаглавленный «Дан-

Александр Лавут.

ные радиоперехвата» — каково? И в нем это самое заявление Александра Исаевича. Значит, они внимательно отслеживали «забугорные голоса». А про комитеты ученых я узнал уже в наше время. Марио Корти с Радио Свободы прислал из архива все, что касается меня.

— *Долго шло Ваше следствие?*

— Не очень, особенно если вычесть время, затраченное на психиатрическую экспертизу. Да, пришлось и через это пройти. Мой следователь решил потянуть время, исходя из своих каких-то целей и со-

ображений. Он зацепился за данные «пятиминутки» у психиатра, который в обязательном порядке беседует вначале со всеми подследственными.

В моем случае это было так, я потом прочитал. Меня спросили о старшем сыне Леве. Я сказал, что люблю своего сына, но поскольку он никакого отношения к моему делу не имеет, зачем я о нем буду рассказывать? Это было интерпретировано так: «Скрытен. Не хочет отвечать на вопросы о сыне».

Отсюда — прямая дорожка на стационарную экспертизу. И меня отправили в Бурашево. Везли в компании уголовников, которые были ужасно рады, что их везут в «психушку», что их могут признать ненормальными. А я был просто убит...

Врача я встретил с почти враждебным недоверием. Но он сразу сказал: «Я вижу, что Вы не наш пациент. Я Вам гарантирую, что через месяц Вы отсюда выйдете». Я ему, каюсь, не поверил. Но он точно сдержал свое слово. Через месяц меня действительно отправили обратно с «диагнозом» — нормален.

— *А как проводилась экспертиза?*

— Разговоры разговаривают. Этот врач приходил еще со мной в шахматы играть. Санитары тоже наблюдают и тоже, видимо, пишут какие-то отчеты. В моем случае экспертиза была истинной. Но в целом я понял, что нужно поменьше говорить, поменьше рассказывать.

Именно такой путь и избрал Саша Лавут. Он вообще ни о чем не говорил на следствии. Только на суде сказал. Я же избрал путь: о себе говорить, о других — нет.

— *Иосиф Гецевич, зачем, собственно, нужно было говорить о себе? Чтобы совсем уж следствие не разозлится?*

— Нет, нет! Я же объясняю, что я перешел на статус свободного человека в свободной стране. Просто я решил, что именно так должен поступать свободный человек. Вот и все.

— *А если бы Вы, как Лавут, отказались отвечать на вопросы следователя, это бы Вам чем-нибудь грозило?*

— Я не знаю. Вряд ли. В конце концов, Сашу судили по той же статье 190 прим. Хотя могли перекалвалифицировать

на 70-ю запросту. Там разницы практически никакой: был ли умысел подрыва устоев социализма или не было умысла.

А вот в лагере... Ведь в лагере ему добавили 5 лет ссылки (в Чумикан). А Славе Бахмину (тоже 190 прим) — еще год заключения. В лагере добавить срок — пара пустяков. А меня все-таки выпустили точно по приговору. Может быть, именно такая моя позиция на следствии сэкономила мне годы?

Правда, в отношении меня тоже была попытка такого рода. Причем, исключительно по инициативе КГБ, как я понимаю. Это было очевидно. Ведь мы — со 190-й прим — сидели в уголовном лагере, и начальству два-три политических были абсолютно «до лампочки», у них хватало своих головных болей.

И вот все идет нормально и хорошо, остается мне буквально полгода, как вдруг «ни с того ни с сего» мной занялся опер. Для начала он просмотрел мои письма, наскреб «материал» и начал «шить».

Вызывает: «Итак, Дядькин, в таком-то своем письме Вы написали то-то и то-то. Что Вы имели при этом в виду?» Ну, например, я накарябал такой стишок в ответ на посылку, в которой жена прислала табак «Золотое руно»:

Руно жены — махра богов!

Закуришь — дым отечества приятен.

На солнце МВД не видно пятен,

А на колючих проводах — шипов.

«Так что Вы имели в виду???» И сразу же после эдаких разговорчиков меня переводят в штамповочный цех и с первого дня требуют выполнения нормы на 100 %. Я эти станки вижу в первый раз в жизни и, естественно, ни о какой норме речь идти не может. Меня тут же сажают в карцер.

Короче говоря, только debil не понял бы, что грозит «добавка» к сроку. И так, «на взводе», они держали меня до самого конца срока. Душу выматывали. Может быть, ждали, что я сорвусь?

— *Ну а сами «они» в лагерь не приезжали с Вами поговорить?*

— Нет. За три года даже близко никто не сунулся.

— *В каком месте Вы срок отбывали?*

— Сначала в Тобольском, а потом в Тюменском лагерьях.

— *А как Вы ладили с уголовниками?*

— Вы знаете, я как-то сразу понял, что если не проявить твердость немедленно — в любой ситуации! — то дело будет плохо. Там ведь «закон — тайга». Скромных да застенчивых они скручивали безо всяких. Пришлось давать немедленный отпор, вплоть до рукоприкладства. Пару раз пришлось...

Причем сразу, на первой же пересылке в Ярославле. Дело в том, что меня отправили на этап вместе с Сергеем Горбачевым. Кстати, косвенно это говорит о том, что они прекрасно понимали, что он ни в чем не виноват. Осужденных уголовников даже после суда ни за что, никогда не пошлют одним этапом.

Так вот, в первый же вечер на ярославской пересылке все и началось. Действуют уголовники нагло, нахраписто. «Что у тебя в рюкзаке, а ну покажи!» А «закон» их такой, что самым в чужой «сидор» лезть нельзя. Сережа человек мягкий... В общем, к тому моменту, когда я вмешался, он уже расстался с меховой шапкой. Ну, уж тут я разошелся на всю ивановскую... хе-хе, камеру. Но, разумеется, культурно, без

мата, и это произвело впечатление. Надо было видеть эти физиономии, когда они слышали слова «негодяй», «мерзавец» и тому подобные! Просто глаза на лоб у них повывалили...

Зато, как только *так* себя поведешь, отношение сразу же становится нормальным.

На пермской пересылке пришлось действовать так же жестко, почти нагло, как они. И нас оставили в покое. Кстати, производило впечатление и то, что мы — политические. Пожалуйста, можем показать приговор. А уголовные приговор *никогда* не покажут. По разным причинам это может иметь столь отрицательные последствия для показавшего, что для них это табу. А мы показывали свободно. Это вызывало симпатию. А для стукачей наши приговоры были даже поводом докладывать, что мы рассказываем что-то необычное, агитация, так сказать.

— *А вообще в лагере интересовались, за что вас осудили?*

— Простые эски обычно говорили: «Ах, вы против коммуны? Вот молодцы!» И приходилось объяснять: «Почему мы против коммуны? Где тут сказано, что мы против них? Мы просто отстаиваем свои человеческие права. Пусть они будут сами по себе и не лезут в наши души... Совсем мы не против коммуны». Но это обычно не доходило...

— *Иосиф Гецелевич, запомнилось Вам что-либо особенное из лагерного периода?*

— Как не запомниться... Бывало всякое. И свиданий лишали несколько раз, лишали посылок, в карцер сажали. Правда, в отличие от Лавута, который сидел в карцере раз десять, я отсидел всего дважды. Так что, я считаю, относился ко мне более менее либерально. Может быть, потому, что я сам либерал?

А из запомнившегося особо, пожалуй, стоит упомянуть два события. Первое произошло в Тобольске. Был я совершенно один, в смысле, никого из политических нет. И вдруг эзковская почта доносит: «Слушай! Там в этапе кент пришел твоего пошиба, в карантине сидит». Я очертя голову бегу знакомиться, и знаете кто это оказался? Олег Попов, баптист, из Рязани. Замечательный человек! В общем, с этого момента я стал наслаждаться общением с нормальным человеком.

Его осудили тоже по 190 прим. Нашли в багажнике автомобиля два баптистских бюллетеня. Впрямую распространение доказать не могли. Тогда его взяли через намерение. Раз в багажнике, значит, намеревался куда-то отвезти, а значит — «распространить». Получи три года.

Олега поставили хлебоборозом, но он не купился этим местом, о котором большинство уголовников страстно мечтает. Еще бы, в лагере за хлеб можно достать что хочешь! У этой работы только один недостаток — нет выходных. Но Олег твердо сказал начальству: «Вера не позволяет мне работать по воскресеньям. Но я понимаю, что вы не привыкли еще иметь дело с баптистами, поэтому некоторое время я буду работать, как у вас положено, но потом работу по воскресеньям я буду вынужден прекратить».

Разумеется, начальство не поверило. Чтобы на таком месте, да условия ставить? А он, действительно, через некоторое время отказался работать. Его, конечно, сразу в карцер, потом в самый вонючий химвещ... Что меня поразило в случае с Олегом? Это как человек в условиях несвободы сумел, не роняя себя, проявить добрую волю. Думаю, что он рассматривал свое пребывание в лагере, как миссию, а себя

считал миссионером. Эски к нему просто липли и с удовольствием слушали. А было ему всего 27 лет.

Он и меня пытался обратить в свою веру. Мы с ним много дискутировали на религиозные темы. Общаться с ним, повторю, было чрезвычайно приятно! Я ему говорил, что для меня — научного работника — именно наука и научные методы познания имеют огромное значение и что не Иисус же Христос изобрел физику, математику и иные науки.

Поэтому я, полностью уважая его взгляды, понимая роль религии в истории человеческой цивилизации и сам веря в Бога, в том смысле, что я ответственен не только перед людьми, но и перед чем-то высшим, тем не менее не могу принять его догматы. В конце концов он сказал: «Ладно, Иосиф Гецелевич, оставайтесь самим собой. Но я все-таки утверждаю, что гуманитарные вопросы выше научных». Тут я с ним согласился...

Второй же случай произошел в самый последний день срока. Пришел-таки светлый день освобождения! Жена приехала встречать. А тюменская зона огромная, там каждый день по несколько человек отпускают.

И вот пришли мы, шестеро эзков, освобождаться. А нам — палкой по голове: «Денег в кассе нет. Выдать заработанное вами не можем. Расходитесь по местам». Вот тут у меня сердце екнуло будь здоров. И у сотоварищей моих челюсти отвисли, а делать нечего. В отряде тоже все раскрыли рты, когда я вернулся. Сижу, думаю, все: придется «мотать» новый срок. Но нет. После обеда опять всех вызвали и оформили освобождение. Я спрашиваю: «Почему же с утра не отпустили? Я мог бы и без денег».

Начальник объясняет довольно правдоподобно: «Вас, конечно, можно было отпустить и без денег. А остальные наверняка тут же стали бы их добывать преступным образом». Но, думаю, какая-то другая была причина. Может быть, пугнуть хотели напоследок. Для закрепления, так сказать, исправительного эффекта. Они ведь были должны воспитывать и перевоспитывать меня. А может быть, это такой специфический привет от КГБ напоследок. Не знаю, не знаю...

— *Скажите, Иосиф Гецелевич, а не было у Вас мысли эмигрировать?*

— После освобождения? Была. Это ведь был 1983-й год. Хельсинкскую группу разогнали. Беспросветно... Я говорю своей Наде — давай уедем. А она — маму не могу бросить. И я оставил эту мысль. В конце концов, семейные узы выше всего...

— *Расскажите, пожалуйста, про МХГ.*

— В Хельсинкской группе первого, как сказать, созыва или призыва, я не участвовал. Я был знаком с Валентином Турчиным, а с Орловым и Гинзбургом — нет. Но когда их арестовали, я пошел к Турчину и говорю: «Знаешь, до того

Олег Попов.

Вячеслав Бахмин.

тошно... Я хочу вступить в Хельсинкскую группу». А Валентин отвечает: «Иосиф, не торопись. Подожди свой черед. Не встревай пока».

В том смысле, я понял, что вот арестуют остальных, надо будет продолжить. И я его послушался. Таким образом он меня явно спас от 70-й статьи. Его самого в то время уже таскали в КГБ. В итоге он эмигрировал. Так было с первым составом.

А во второй меня попросил вступить Сергей Адамович. Это было в 1988-м. Он просил меня,

Лёню Колеватова и Славу Бахмина. Но Слава практически состоял и в той первой группе, только он был в комиссии по психиатрии. Я, правда, попытался говорить, что староват, все-таки 60 лет уже стукнуло, но Сергей меня быстро убедил, что нужно.

— *А у Вас после лагеря не было каких-либо ограничений?*

— Нет, никаких. Профилактировали меня, правда, неоднократно. Почему я со ссыльным Ковалевым общаюсь, почему с Бахминым? Особенно почему-то по поводу Бахмина у них было раздражение. Видимо, сильно их задела разоблачения Славы в психиатрических делах. Кстати, Сергея Адамовича тоже пытались профилактировать против Бахмина.

Я давал всякие уклончивые ответы, а потом один раз мне надоело и я сказал: «Так что, вы считаете, что я должен перестать общаться с Ковалевым и Бахминым?» И тут их штатный профилактор дал задний ход: «Ну... Это ваше, в общем-то, дело...» Я вернулся от него и говорю ребятам: «Теперь я продолжаю общаться с вами с разрешения КГБ!»

Да, общались мы много... Много спорили. Особенно по национальному вопросу и о патриотизме. Сергей, он на дух не переносит и «патриотизм», и деятелей всяких с упором на патриотичность, типа Шафаревича.

Я же всегда считал, что нужно с уважением относиться к русским национальным движениям. В конце концов, больше всех досталось русским, как там ни крути... Я считаю, что не должно быть права на самоопределение вплоть до отделения. Любая культурная автономия — да, пожалуйста! А отделения — не должно быть!

Почему? Потому что если нация, от которой собираются отделяться, *больше* соблюдает права человека, то от нее отделяться нельзя! Если отделяющиеся, заведомо ясно, будут соблюдать права человека *меньше* — отделяться нельзя! Но я теоретизирую, а как все это сделать на практике... Кто знает?

А Сергей считает, что право на самоопределение вплоть до отделения — неотъемлемое право нации. Беда лишь в том, что не разработаны механизмы такого отделения и что обязательно нужно их разрабатывать. Здесь у меня с ним разногласие. Но вообще-то, я ужасно рад, что мы с ним жили в одном городе и тесно общались с 1984 по 1988 год, вплоть

до того момента, когда был разговор с Сахаровым по телефону, когда его вдруг подключили Андрею Дмитриевичу...

Когда либерализация режима докатилась до того, что перестали глушить «голоса» и мы услышали новость о телефоне, Сергей тут же в Москве узнал номер. После этого он позвал меня, и мы пошли в Затверечье и из тихого почтового отделения позвонили в Горький. Благожелательная телефонистка соединила мгновенно. Это было просто удивительно! Я стоял рядом и потрясенно слушал, как Сергей разговаривает с Сахаровым.

В конце Ковалев говорит, что вот тут, рядом со мной, стоит Иосиф Дядькин. И Сахаров сказал, передай ему, что я очень хорошо помню его дело, передай ему привет. Когда Сергей все это мне передал, я, конечно, расцвел. И оттого, что слышал этот разговор, и от внимания...

— *А Вы встречали Андрея Дмитриевича, когда он возвратился в Москву?*

— Нет. Тогда еще было неизвестно, когда он поедет из ссылки. В разговоре было, в частности, такое: «Я скоро возвращаюсь в Москву, так что встречай меня!» А Ковалев отвечает: «Андрей Дмитриевич, я не имею права выезжать в Москву без разрешения». А Сахаров ему: «Да? Но я-то имею право. Поэтому первый, к кому я поеду, будешь ты». Ковалева не было на встрече в Москве. А через некоторое время он плюнул на все и поехал в Москву без всякого разрешения. И никто ничего. Так что действительно что-то стронулось тогда, в 1988 году...

— *Иосиф Гецелевич, как организовалось тверское общество «Мемориал»? Вы ведь один из тех, кто начал...*

— Ну, это громко сказано, хотя Арсений Рогинский (один из создателей общества «Мемориал» в Советском Союзе, бывший политзаключенный — прим. ред. «Карты») действительно говорил со мной об организации работы «Мемориала» в Твери. Сказал, между прочим: «Иосиф, но это должны быть приличные люди...»

А я ведь не тверской... Общался, в основном, с Ковалевым и Славой Бахминым. Я решил поговорить со Славой, он коренной тверяк, у него здесь друзей много — они его все время поддерживали. Слава мне сразу ответил четко и определенно: «Иди к Сергею Глушкову». Я поговорил с Глушковым и, вот здесь я боюсь соврать, но кажется, уже после нашего разговора, тверской «Мемориал» очень быстро был создан. Но, конечно же, потребность в такой общественной организации уже назрела. В этом году тверскому «Мемориалу» будет уже 12 лет.

Нам удалось установить в центре города памятник жертвам тоталитарного режима. Вы его видели. Это заслуга всех мемориальцев в целом, но больше всех, конечно, Сергея Владиленовича Глушкова. Как только общество было создано, мы сразу начали давить на власти. И вот, как говорится, не прошло и 10 лет... Додавили. Автором скульптуры стал беженец из Грузии Феликс Азаматов. Он все сделал безвозмездно. Деньги на металл дали спонсоры, власти отвели землю. Открыли памятник в 1998 году...

И, конечно, в поиске захоронений в лесу под Медным тоже есть заслуга тверского «Мемориала» — Юрий Алексеевич Шарков и Сергей Глушков очень многое сделали для этого. Вот, наконец, вчера и открытие мемориального комплекса в Медном состоялось. Одним словом — жизнь продолжается...

Виктор КАГАН

Синтаксис погрома

...Давно уже не до шуток. Да, конечно, антисемитизм — интернациональная форма шовинизма — объединяет шовинистов всех стран. Когда этот симптом налицо, о диагнозе уже нечего спорить — он ясен. <...> Синдром культурного иммунодефицита (СКИД) — так называется эта болезнь. И у нее далеко не один симптом.

СКИД возникает в периоды социальных и культурных кризисов, что прекрасно описано и исследовано на примере, скажем, средневековья, 80-ти лет XX столетия в России, Германии 30-х годов и теперь вот доступно живому наблюдению в настоящем. На крутых поворотах развития общества, когда привычные устои и стереотипы разрушаются, возникает вполне понятная тревога.

Моя тревога поддерживает тревогу всех, а тревога всех — мою. Сегодня в России повышенный уровень тревоги отмечается у 65-70 % вместо 10-15 % людей, как обычно. Тревога обращается в агрессию против тех и того, кто и что воспринимается как отнимающая привычный покой (пусть даже стильный-распостылый покой раба, набившего брюхо брюквой) новизна. Спастись может только борьба с врагом и высшие силы. Врагом становится новое или носители нового.

Когда есть враг — я уже не боюсь, я уже борец. Но для этого враг должен быть неуловимой метафорой. И — взгляните в образ врага: он чрезвычайно хитер, злоумышлен, малочислен, затаен, замаскирован. Он таится под личинами друга, веры, благополучия, литературы, искусства, школьной программы: «Все вы говорите хорошие слова, а на самом деле стремитесь нас разрушить, растлить, подорвать, убить, подавить». Здесь-то и начинается суд не по делам, и даже не по словам, а по тайным, неизвестным и самому подсудимому, мыслям и умыслам.

С ведьмами знался или планировал прокопать тоннель от Лондона до Дели — не так уж важно: под давлением собственного страха и стадного чувства или с помощью пыточных дел мастеров — сознается. А не сознается — тем хуже для него. Запах чужого паленого мяса оказывается ароматом своей сохраненной жизни.

А потом, когда костры и печи погаснут, запах паленой человечины забывается, а чувство животной удовлетворенности остается: не было ГУЛАГа, не было Освенцима и Дахау, не было Холокоста, не депортировал Великий Отец целые народы — все было так хорошо и весело!

Погромное мышление всегда провозглашает чистоту исключительно своих крови, веры и нравственности; оно стремится уничтожить обладателей иной крови, веры и нравственности или, на худой конец, навязать свое видение всем прочим. И если исходить из опреде-

17 сентября 2000 года в самом центре города Рязани группа нацистов напала на воскресную еврейскую школу, учинив в помещении разгром...

Это событие заставило редакцию журнала «Карта» обратить серьезное внимание на проблему национал-экстремизма в России и, в частности, в нашем родном городе.

С текущего номера мы начинаем публикацию серии материалов, посвященных трагедии евреев в XX веке.

В Интернете, на сайте «Права человека в России», мы открыли специальные страницы антифашистской общественной кампании:

<http://www.hro.org/actions/nazi>

Редакция журнала «Карта»

ления свободы Мераба Мамардашвили: «Свобода — это когда свобода одного упирается в свободу другого и имеет эту последнюю своим условием», то оно, это мышление, и есть первая и главная угроза любой свободе, любой возможности людей быть самими собой. Ничью свободу не иметь своим условием и освобождаться всеми способами от чужих свобод — вот логика и синтаксис погрома.

Мы давно уже живем посреди погрома. С какой яростью преследуются непривычные религии и конфессии! На них навешиваются ярлыки «иностраных» (будто вера — не добровольно избираемое человеком убеждение, а шоколадка или кроссовки), «тоталитарных», «деструктивных», «нетрадиционных». Их обвиняют в «зомбировании», «подрыве нравственного здоровья нации», просто в сведении людей с ума и, вообще, во всем, в чем возможно и невозможно обвинить. Получается, что если ты православный шизофреник — это беда, а если баптистский или, там, мормонский шизофреник — то уже жертва происков злоумышленной западной секты. Если ребенка в младенчестве крестили по православному обряду — это хорошо, а если в 13 лет и по обряду Свидетелей Иеговы — то вовлечение малолетних в секту и насилие над личностью.

Хочешь не хочешь, а вспомнишь Эзопа: «Волк увидел, как пастухи в шалаше едят овцу. Он подошел к ним и сказал: «Представляю себе — какой бы шум вы подняли, если бы это делал я» — если бы, к примеру, адвентисты седьмого дня занимались беспощадным импортом табака и водки! Казалось бы, такая логика — предмет для психиатрического анализа. Однако, нет — вот уж сколько лет ряд психиатров, а вместе с ними и ряд чиновников Минздрава, в жизни не видевших ни одного человека, у кого душевное заболевание было бы вызвано религией, усиленно исповедуют ту же самую логику погрома, навязывая представление о «не нашей» религии как причине психических расстройств. «Наше» и «не наше».

Если 99 из 100 «наших» делают дурно — это исключение из хорошего правила. Если 1 из 100 «не наших» — это доказательство дурного правила, основание для

немедленного запрета, высылки и проч. Разве не на этом настоян закон «О свободе совести и вероисповедания», принятый в 1997? Безумствующее торжество принципа Вышинского — презумпции виновности. Недавно в одном таком собрании я вслушался в гудение зала: «Россия — для русских православных. А чего эти все ходют и ходют? Пусть убираются отсюда!» Вот и вся логика. Логика злобы и погрома. <...>

Можно ли всерьез говорить об этом на фоне того, что происходит в сегодняшней России? Подумаешь — еврея обидели, у кавказца лишний раз паспорт спросили, каких-то там «сектантов» в угол задвинули, уроков полового воспитания не будет... Но это и есть то, что происходит.

Реакция всегда выбирала прежде всего национализм, религиозный экстремизм, сексофобию для агитации за себя. Эта троица реакции неразделима. И если не говорить об этом, то говорить вообще не о чем — надо просто поднять руки ... и сдаться красно-коричневым.

Фашизм приходит к власти там, где большая часть людей болеет СКИДом. Там, где в день гибели Галины Старовойтовой ТВ продолжает греметь разухабистой рекламой. Где мы продолжаем здороваться с мерзавцем. Где делаем брезгливую гримасу, услышав о другом способе веры. Где начинаем искать здравый политический смысл в изрыгаемой кучкой экстремистов грязи. И тогда эта кучка становится могучей кучей. Но тогда уже некому жаловаться и не у кого искать защиты.

<...>

Вирус СКИДа живет не в обществе, не в культуре вообще. Он живет во мне, в вас, в нем, в ней. Он лишает меня, вас, его, ее защитных сил, культурного иммунитета. И тогда мы начинаем оправдывать московский расизм по отношению к «лицам кавказской национальности» ситуацией на московских рынках, антисемитизм — банкирскими традициями евреев и словарем Пушкина и Достоевского. Тогда начинаем влезать в сапогах атеистического мышления в души верующих и вершить «мирской суд в духовной брани», сомневаться в целесообразности отмены смертной казни и введения альтернативной службы ...

Есть очень много маленьких, вроде бы безобидных прорывов в поведение того неосознанного, что полностью определяет действия погромщиков. Это и есть первые симптомы СКИДа. Если я отмечаю их у себя — я могу им противостоять. И вы, и он, и она, и каждый. Тот, кто хочет замечать и способен заметить эти первые симптомы.

<...> Есть в России охотнорядец, но есть и — вне зависимости от уровня образования — интеллигент, которого Алексей Симонов точно определил как «человека, чей гуманизм (т.е. уважение к инакомыслию, инакочувствию и инакожитию) шире, чем его собственные убеждения». Сколько этого интеллигента во мне — ровно столько у меня шансов не заболеть СКИДом. Сколько окажется среди нас интеллигентов в этом симоновском понимании, столько шансов у России не стать Четвертым Рейхом.

Публикуется в сокращении.

Полный текст:

<http://sexology.narod.ru/info012.html>

Давид ТАРАСЮК

Без вины виноватые

Еврейские погромы в годы Гражданской войны в России

В публикациях некоторых авторов, пишущих сегодня о белом движении, последнее выглядит девственно «белым», почти невинным по сравнению с кроваво-красным, большевистским. Меняются оценки, утвердившиеся в тенденциозной советской историографии, причем и новые оценки не менее тенденциозны.

В действительности же был и красный, и белый террор. Результатом того и другого стали невосполнимые людские потери и, в том числе, невероятные бедствия российского еврейства, пережившего трагедию, сопоставимую с хмельничной в XVII веке и превзойденную лишь в период Холокоста.

Евреи занимали заметное место в русском революционном движении. Они входили во все партии — от крайне левых (анархистов и большевиков) до находившихся на крайнем правом фланге кадетов, поэтому говорить о какой-то единой «еврейской» политике нет оснований.

Среди 300 главных революционных политических деятелей начала XX века было 53 еврея, из них лишь 16 стали активными участниками Октябрьского переворота, а 37 отнеслись к нему отрицательно. Однако в сознании русского обывателя — от люмпена до интеллигента — роль евреев в революции представлялась еще большей, чем она была на самом деле, что вызвало после революции всплеск и без того сильных в стране антисемитских настроений.

Сироты из Ковшицы в Бобруйском детском доме. С 1914 по 1921 годы без родителей осталось 300000 еврейских детей. Советское правительство разрешило ряду западных организаций, в частности, Американскому объединенному еврейскому комитету содействия, оказывать помощь жертвам погромов.

Нарастание антисемитизма среди городского населения отметил Максим Горький. В своей газете «Новая жизнь», в цикле «Несвоевременные мысли» (который скрывался от читателя более 70 лет), он писал летом 1917 года: «Антисемитизм жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову...»

Захватив власть в октябре рокового для России 1917 года, большевики не допускали открытого проявления антисемитизма, по крайней мере, погромов. Но они также замалчивали эксцессы на территории, занятой белыми, чтобы не давать аргументов тем, кто рассматривал большевистский режим как служащий «еврейским» интересам.

Изначально и в белом движении не было открытых проявлений антисемитизма. Евреи даже служили в Добровольческой армии. Однако зимой 1918-1919 года произошел буквально взрыв ненависти к евреям.

Одесские евреи, погибшие во время погромов в годы Гражданской войны.

Во-первых, красный террор, объявленный декретом Совнаркома от 5 сентября 1918 года, многие связывали с евреями — не только по той роли, которую они играли в ЧК, особенно в ее провинциальных отделах, но и потому, что сами они реже становились жертвами «карающего меча революции».

Во-вторых, противники большевиков рассматривали Ленина и его окружение как ставленников Германии и считали, что с уходом германских войск ленинский режим падет. Но большевики устояли, а жизнь народа стала еще тяжелее, что, конечно, без всякого основания приписывалось «еврейскому господству».

Наконец, с евреями связывали злодейскую акцию по истреблению императорской семьи, хотя в действительности окончательное решение об этой акции принимали не евреи.

Когда Белая армия вступила на территорию Украины, все слои населения были настроены антисемитски. Армию, по свидетельству Деникина, буквально натравливали на «предателей-евреев». Деникин пытался, но не смог остановить увольнения немногочисленных офице-

Четыре жертвы погрома в Ходорковцах после оказания им медицинской помощи в Александровской больнице в Киеве.

ров-евреев по требованию русских, которые отказывались служить под их началом.

В 1919 году в контролируемых белыми районах евреи стали устранять и с гражданских должностей. Боясь прослыть юдофилом, Деникин отклонял любые предложения о смягчении этой политики, например совет В. А. Маклакова, последнего российского посла в Париже (блестящего адвоката, защищавшего в свое время Менделя Бейлиса), о включении в деникинскую администрацию хотя бы одного еврея «в качестве символа».

Антиеврейские эксцессы начались в 1918 году, при гетмане Скоропадском, еще в условиях немецкой оккупации. Первый крупный погром произошел в январе 1918 года в г. Овруче на Волыни, его вдохновителем был атаман Кожур-Журка, сподвижник Петлюры.

Затем последовали погромы в Проскурове, Фелшти-не, Бердичеве и Житомире. В 1919 году было два пика погромов: в мае и в августе-сентябре. Белая армия причастна лишь ко второму, а до того устроителями погромов были части Петлюры и отряды других атаманов.

По поводу личной виновности Петлюры, части которого осуществили большинство погромов, мнения историков расходятся. Известно, что в июне

Банда атамана Стрюка оставила по себе страшную память кровавыми погромами в Чернобыльской волости. Бандиты позируют на фоне игрушечной лошади.

Синагога в Демьевке (Украина), разоренная поляками.

1919 года им был издан приказ о запрещении антисемитской пропаганды. Но он не всегда контролировал свои войска и их командиров, для которых антибольшевизм отождествлялся с антисемитизмом.

Ставленник Ленина на Украине Антонов-Овсенко в донесении правительству среди причин неприятия украинцами советского режима отметил их ненависть к евреям,

в которых видели агентов правительства «москалей».

Весной 1919 года жесточайший еврейский погром устроили в Елизаветграде люди атамана Григорьева: грабежи, изнасилования и убийства продолжались три дня. В своем «универсале» Григорьев обрушился на «горбоносых комиссаров» и призвал своих «братьев» грабить Одессу — с большим еврейским населением — до тех пор, пока оно не станет маленьким.

Трупы евреев, убитых бандитами атамана Стрюка. Иванов, 1919 год. Ни Стрюк, ни другие атаманы так и не были привлечены к ответственности за свои злодеяния.

Всего во время Гражданской войны в России было 1236 случаев антиеврейских насильственных актов, из которых 887 классифицируются как погромы, а остальные — как эксцессы, то есть акции, которые не сопровождались насилием в массовом масштабе.

Из общего числа погромов 493, или 40 процентов, совершили петлюровцы, 307 (25 процентов) — отряды атаманов Григорьева, Махно, Зеленого и других, 213 (17 процентов) — части армии Деникина, 106 (8,5 процента) — части Красной Армии.

Относительно последних авторы исторических работ десятилетиями хранили молчание. А между тем известно, что 10 мая 1918 года частями Красной Армии был устроен погром в Новгороде-Северском. Описание жутких сцен погрома в Одессе 2 мая 1919 года мы находим в «Окаянных днях» И. А. Бунина.

Д. Волкогонов отмечает, что, когда во время польской авантюры 1920 года («советско-польская война») части Первой конной армии покатались назад, они на своем пути устраивали погромы, безжалостно грабили и уничтожали еврейское население.

А на сообщения об этих безобразиях Ленин отреагировал лаконично и равнодушно: «В архив».

Общее число погибших в погромах не поддается точному определению. Приводимые в различных источниках цифры колеблются между 50 и 200 тысячами. Сле-

Евреи, пережившие погром в Словечно. Украина, 1919 год.

дует отметить, что ни Ленин, если не считать выступления по радио 2 апреля 1919 года против антисемитизма в общей форме, ни Деникин еврейские погромы публично не осудили.

Лишь глава Православной церкви патриарх Тихон в обращении к верующим 21 июля 1919 года назвал насилия против евреев бесчестными, а их зачинщиков — преступниками. Многие «духовные пастыри», однако, не вняли призыву патриарха и проявляли самое активное, иногда подстрекательское участие в погромах.

И для белых, и для красных, и для зеленых евреи неизменно оставались нежеланными, ненавидимыми, виновными во всех бедах. Без вины виноватыми.

Опубликовано на <http://www.jew.spb.ru/>

В материале использованы фотографии фотовыставки «Черта оседлости: до и после», 1995 «BRON», Amsterdam.

Норман КОН

Благословение на геноцид

<...> Гражданская война только разгоралась. Она продолжалась еще два года, и неоднократно Советское правительство находилось на волосок от гибели, пока наконец белые армии не были окончательно разгромлены. В этот период фальшивка «Протоколы сионских мудрецов» впервые была использована для подстрекательства к убийству. За «Протоколами» стояли все те же люди. С 1910 года «Союз русского народа» (*антисемитская праворадикальная организация, созданная при активном участии агентов царской охраны, известная пещерной ненавистью к "инородцам" и прямым участием в погромах — примеч. ред. журн. "Карта"*) формально уже не существовал как единая организация, но его прежние руководители подвизались теперь в различных белых армиях, образовывали новые политические группировки типа «Союза русских национальных комитетов» или «Русской думы» и в основном активно пропагандировали погромы. Француз дю Шайла, который в это время находился в рядах белой армии, описал, с каким рвением эти люди распространяли «Протоколы». Присяжный поверенный Измайлов и войсковой старшина Родионов совместно выпустили дешевое издание «Протоколов» в Новочеркаске в 1918 году. Эту книгу распространял среди войск Пуришкевич, основатель «Черной сотни», занимавший пост в отделе пропаганды штаба генерала Деникина в Ростове. В Крыму при генерале Врангеле черносотенцы, «субсидируемые правительством, говорили на всех перекрестках о «Протоколах» и жидо-масонском всемирном заговоре» [А. М. дю Шайла. С. А. Нилус и «Сионские протоколы». — «Последние новости» (Париж), 12 и 13 мая 1921].

Кроме того, издания «Протоколов» появились в Сибири, одно было напечатано в Омске для армии адмирала Колчака. Сам адмирал был помешан на «Протоколах». Г. К. Джинс, который часто виделся с Колчаком в это время, сообщает, что тот буквально «пожирал» «Протоколы». Голова адмирала «была набита антимасонскими идеями. Он видел масонов повсюду, даже в собственном окружении... и среди членов военных миссий союзников» [Г. К. Джинс. Сибирь, союзники и Колчак. Т. II. Пекин, 1921, с. 39]. Несколько изданий «Протоколов» появились в Восточной Сибири, во Владивостоке и Хабаровске. Одно издание было выпущено русскими белоэмигрантами даже в Японии.

Значение, которое придавалось «Протоколам», подчеркнуто в предисловии к первому из новых изданий, которое было отпечатано Измайловым и Родионовым в Новочеркаске под названием «Сионские протоколы, план завоевания мирового господства евреями и масонами»:

«Протоколы» — это тщательно и детально разработанная программа завоевания всего мира евреями. Большая часть этой программы уже осуществлена, и если мы не одумаемся, то неизбежно будем обречены на уничтожение... «Протоколы» являются, по существу, не только

ключом к пониманию нашей первой неудачной революции (1905), но и нашей второй революции (1917), в которой евреи сыграли столь губительную роль для России... Для нас, свидетелей такого самоуничтожения, для нас, надеющихся увидеть возрождение России, этот документ тем более знаменателен, поскольку он раскрывает те намерения, с помощью которых враги христианства стремятся поработить нас. Только в том случае, если мы разгадаем эти намерения, мы сможем успешно бороться с врагами Христа и христианской цивилизации» [Сионские протоколы (изд. А. Родионова). Новочеркасск, 1918].

«Протоколы» все-таки были слишком сложны и запутаны для понимания простых солдат, в большинстве своем людей малограмотных. На процессе в Берне в 1934 году Хаим Вейцман вспоминал, как он впервые увидел «Протоколы». Британские офицеры, прикомандированные к белым армиям, привезли с собой в Палестину какой-то документ, состоящий из четырех или пяти машинописных страниц, и объяснили, что такой документ находится у каждого белого офицера. Оказалось, что этот документ содержит выдержки из «Протоколов». Согласно другим источникам, подобный материал широко распространялся среди грамотных бойцов различных белых и украинских армий, которые вслух читали его и разъясняли смысл неграмотным.

В дополнение к «Протоколам сионских мудрецов» появились новые подделки, цель которых была подновить и приспособить их к требованиям момента. Среди наиболее известных вариаций была одна, найденная якобы у некоего командира Красной Армии, еврея по имени Цундер. Экземпляры этого документа, судя по всему, циркулировали уже в мае 1918 года; зимой 1919/20 года, когда белые армии терпели одно поражение за другим, этот документ стал появляться в газетах белых армий, иногда в

Собранные для уничтожения свитки торы из витебской синагоги, одной из 650 синагог, закрытых в 20-е годы. В Витебске же был устроен показательный суд над хедером — традиционной еврейской школой, после чего хедер был тут же закрыт.

новых и значительно расширенных вариантах. В нем говорилось:

«Секретно. Представителям всех отделений Международной израильской лиги.

Сыны Израиля! Час нашей окончательной победы близок! Мы находимся на пороге завоевания мира. То, о чем раньше мы только мечтали, становится явью. Еще недавно слабые и бессильные, мы теперь можем, благодаря мировой катастрофе, высоко и гордо поднять головы.

Но мы, однако, должны проявлять осторожность. Можно с уверенностью предсказать, что, после того как мы промаршируем по рухнувшим и разбитым алтарям и тронам, мы продолжим наш марш по предначертанному пути.

Авторитет чуждых нам религий и вероучений мы с помощью успешной пропаганды подвергли беспощадной критике и насмешкам. Мы заставили культуру, цивилизацию, традиции и сами троны христианских народов пошатнуться, и среди этих народов мы нашли куда больше людей, чем необходимо для нашей работы. Мы сделали все, чтобы надеть на русский народ ярмо еврейской власти, и в конце концов принудили их пасть перед нами на колени.

Мы почти завершили задуманное, но в то же время мы должны проявлять бдительность, так как угнетенная Россия — это наш самый главный враг. Победа над Россией, достигнутая благодаря нашему интеллектуальному превосходству, может в будущем, при новом поколении, обернуться против нас самих.

Россия завоевана и повалена на землю. Россия агонизирует под нашим каблуком. Но не забывайте ни на минуту, что мы должны быть бдительны. Священная обязанность заботиться о нашей собственной безопасности не позволяет нам проявлять ни жалости, ни милосердия. Наконец-то мы получили возможность лицеизреть горькую нужду русского народа и видеть слезы на его глазах! Отбирая у них собственность, золото, мы низвели этот народ на положение беспомощных рабов.

Будьте бдительны и спокойны. У нас не должно быть жалости к врагам. Мы должны уничтожить лучших, выдающихся представителей русского народа, чтобы побежденная Россия более не смогла найти себе достойного вожда! Так исчезнет любая возможность сопротивления нашей власти. Мы должны разжигать ненависть и вражду между рабочими и крестьянами. Война и классовая борьба уничтожат все сокровища и культуру, созданную христианским народом. Но не теряйте бдительности, сыны Израиля! Наша победа близка, так как с каждым днем растут наши экономическая и политическая мощь и влияние на широкие массы. Мы покупаем правительства с помощью займов и золота и тем самым контролируем мировую финансовую систему. Власть в наших руках, но будьте бдительны и не верьте предательским, теневым силам.

Бронштейн (Троцкий), Радомысльский (Зиновьев), Розенфельд (Каменев), Штейнберг — все они, как и тысячи подобных им, — истинные сыны Израиля. Наша власть в России безгранична. В городах комиссариаты и комитеты по продовольствию, домкомы и т.д. возглавляют наши

люди. Но пусть победа вас не опьяняет. Проявляйте осторожность, ибо никто, кроме вас, не сможет защитить нас.

Помните, мы не можем полагаться на Красную Армию, которая в один прекрасный момент может повернуть свое оружие против нас. Сыны Израиля! Час нашей долгожданной победы над Россией близок — смыкайте шеренги! Пропагандируйте нашу национальную политику! Боритесь за наши вечные идеалы! Храните в святости наши древние заповеди, которые завещаны нам историей! Пусть наш ум, наш гений защитит нас и поведет нас вперед! Центральный комитет Международной израильской лиги».

При всей абсурдности так называемый «документ Цундера» явился своеобразным предтечей, ибо идея, лежащая в его основе, — что большевистская революция явилась результатом еврейского заговора и осуществлением вековых чаяний израильского народа, — оставила заметный след в истории.

Она приобрела характер мании у многих белоэмигрантов, позже она стала символом веры нацистов и на протяжении целого поколения оказывала влияние на внутреннюю и внешнюю политику германского правительства. Необходимо рассмотреть, имеет ли эта идея какое-либо историческое обоснование.

Вплоть до самых последних времен быть евреем означало только одно: исповедовать иудейскую религию. Для верующих евреев «большевистская революция» означала не осуществление их чаяний, а новую угрозу.

В то время верующие евреи подвергались таким же гонениям в Советском Союзе, как и христиане. Как раз в то самое время, когда «документ Цундера» циркулировал в белых армиях, советское правительство закрывало синагоги, превращая их в клубы, распускало еврейские религиозные, культурные и филантропические институты, запрещало все еврейские книги независимо от их содержания. Евреи-большевики отнюдь не испытывали чувства солидарности с верующими евреями. Когда депутация евреев посетила Троцкого и попросила его не провоцировать «белую солдатню» на организацию погромов, он ответил: *«Возвращайтесь к своим евреям и передайте им, что я — не еврей и мне наплевать на то, что с вами случится»* [См.: Valentin H. Antisemitens Spiegel. Vienna, 1937, S. 179-180]. Здесь видна непреодолимая пропасть, которую пропагандисты антисемитизма стараются во что бы то ни стало замаскировать.

Существовала еще одна причина, по которой широкие массы евреев не оказывали поддержку новой власти: они в основной массе были мелкими лавочниками и частными ремесленниками-одиночками. Несмотря на крайнюю бедность, они не были причислены идеологами революции к союзникам большевиков.

И хотя евреи были настроены против царского режима, который подвергал их дискриминации, они становились кем угодно, только не коммунистами. Во время краткого промежутка, когда можно было свободно выражать политические взгляды, евреи встали на сторону буржуазной партии конституционалистов-демократов (кадетов). В 20-е годы более трети еврейского населения было лише-

но гражданских прав по сравнению с пятью-шестью процентами нееврейского населения.

Несомненно, евреи, то есть лица еврейского происхождения, составляли непропорционально большую часть в руководстве (хотя не от общего состава) партий большевиков и меньшевиков. Причину уяснить нетрудно. Это были люди, как правило, порвавшие с традиционной еврейской общиной и еврейской религией, что не спасало их от дискриминации и преследований при царизме. Именно этим объясняется их приход в ряды левых партий.

В политику шли в основном студенты, причем еврей должен был обладать поистине выдающимися способностями, чтобы попасть в университет, так как в те времена существовала официальная процентная норма (5%) для поступления евреев в высшие учебные заведения. Вступая в ряды партии, они оказывались гораздо лучше других подготовленными и потому занимали руководящие посты. Такое положение неоднократно повторялось в других странах, где еврейские интеллигенты успешно боролись с антисемитизмом, не ища поддержки и утешения в религии.

Евреи-политики, как правило, идеалисты, вдохновленные идеей построения общества, где будут уничтожены все виды дискриминации. Обычно это плохие политики, и их, как правило, убирают сразу после свершения победоносной революции.

В России евреев было значительно больше в меньшевистском, чем в большевистском руководстве. Все еврей-меньшевики впоследствии были сосланы или уничтожены. Та же участь постигла евреев среди большевистских вождей, почти все они были расстреляны в 30-е годы.

Таковы факты. Но вера не опирается на факты, и миф о еврейско-коммунистическом заговоре оказался более живучим, чем миф о заговоре еврейско-масонском. Гражданская война в России впервые продемонстрировала его силу и живучесть. Некоторые главнокомандующие, такие, как генерал Деникин, были возмущены антисемитской пропагандой, которая велась в их армиях, но это не меняло сути дела. Черносотенцы ясно сформулировали лозунг: «Бей жидов — спасай Россию!»

Массовое уничтожение евреев, осуществленное нацистами, затмило все погромы прошлого, так что очень немногие знают о той прелюдии, которая разыгралась в России в период с 1918 по 1920 год. Число жертв было довольно внушительным — около 100 тыс. убитых и неизвестно сколько раненых и искалеченных. Свидетельства об этих погромах настолько чудовищны, что вряд ли их можно пересказать.

Отрывки из сообщения русского журналиста Ивана Деревенского о погроме, который учинил казачий полк в Фастове, неподалеку от Киева, в сентябре 1919 года, могут дать какое-то представление о том, что такое погром и как он организуется. Вот что случилось после неудавшейся попытки большевиков захватить город:

«Грабежи и убийства происходили в эти первые дни преимущественно ночью. Действительно, ночью все население слышало то там, то здесь отчаянные крики и выстрелы. Убийств было еще не так много. Но они все усиливались. На третий, примерно, день по местечку уже

открыто ходили группы казаков, отыскивая еврейские квартиры, и делали в них что хотели. Останавливали евреев на улице. Иногда просто спрашивали: «Ты жид?» — и пускали пулю в лоб, но чаще предварительно обыскивали, даже раздевали догола, и в таком виде тут же на улице расстреливали. Среди громил были и пьяные.

...Поджоги еврейских домов и лавок начались примерно на второй-третий день. Вначале они диктовались желанием погромщиков скрыть следы своих особенно ужасных преступлений. Так, в одном доме на углу Торговой площади было пятнадцать трупов, в том числе много изнасилованных, а затем убитых девушек. С целью скрыть следы этого преступления погромщики подожгли дом.

...Опишу погромные преступления по отдельным видам их.

Убийства. Количество жертв в дни моего пребывания в Фастове определить с точностью еще никто не мог. Похоронено на еврейском кладбище до 18-го сентября было 550 трупов (цифра, сказанная мне в Красном Кресте). Общее мнение пострадавших и всех других обывателей, что погибло в Фастове 1500-2000 человек убитыми... Все трупы, которые лежали в Фастове на виду, были при мне уже похоронены. Продолжалось отыскивание и уборка трупов в оврагах, лесах, отдельных домах и пр. Кроме того, по словам потерпевших, много трупов погорело на пожарищах. Продолжается их отыскивание. Действительно, около некоторых погоревших домов чувствуется трупный запах. Часто на месте пожара находят кости, неизвестно чьи. Многих лиц родственники не находят ни в числе живых, ни мертвых. Есть основания предполагать, что они погибли. Несколько трупов в овраге за молитвенным домом сожрали свиньи и собаки...

Раненые. Число раненых определяется человек в 300-400. Каждый день среди раненых наблюдаются смертные случаи. Медицинская помощь была очень слабая, за отсутствием достаточного медицинского персонала. Раненые, помещенные в двухклассном училище, лежали без перевязок и в такой тесноте, что между ними трудно было пройти.

Зверства и издевательства. Рассказывают об одном случае, когда живой человек был брошен в огонь. У некоего Киксмана отрезан язык и обнаружена рана раз-

Минская синагога, превращенная в 1934 году в Государственный еврейский театр. В Минске и Одессе при закрытии синагог власти применили силу — не обошлось без человеческих жертв.

Советский плакат, призывающий евреев к занятию сельским хозяйством: «Пахать землю лучше, чем торговать воздухом».

рывной пулей (умер). О применении разрывных пуль говорят все, в том числе и лица из медицинского персонала земской больницы. У раненого Маркмана обрезаны уши. У одного из Маркманов обнаружено 12 ранений шашками, у другого — 8. Труп девочки М. Польской был найден обгорелым. В одном списке похороненных (имеется у писемоводителя пристава) есть фамилии двух шестимесячных детей — Аврум Слободской и Рувин Коник. Труп одного еврея был разрублен пополам. У

синагоги большая группа евреев (человек 20) была разделана догола и тут же расстреляна. Такой же случай был с четырьмя евреями на Вокзальной улице. Особенно часто практиковалось погромщиками подвешивание жертвы, как форма угрозы...

Есть и повешенные насмерть, как, например, Мошко Ременик (в саду на дереве); Меер и Борис Забарские (отец и сын-гимназист) оба подвешивались, причем мальчика заставили затянуть петлю на шею своего отца...

Изнасилования. Фамилии изнасилованных и оставшихся в живых, по вполне понятным причинам, потерпевшие не сообщают. Таких немного — мне говорили только о двух девушках, которые лежат где-то в больнице. Но вообще-то изнасилованных много, как рассказывают потерпевшие. Их обыкновенно, после совершения гнусного злодеяния, убивали. Рассказывают об изнасилованных подростках...

Пожары. Выгорело в общей сложности около 200 строений... Тысяча семейств осталась буквально без приюта и ютится в синагоге, школах и просто на улице, под открытым небом.

На вопрос, кто устроил погром, — представляется ответить вполне определенно: казаки 2-й Терской пластунской бригады, командиром ее состоит полковник Белогорцев...

Должен заявить, что потерпевшие почему-то убеждены, что погром был разрешен пластунам их начальством. К такому убеждению привело их как равнодушное, а порой и явно поощрительное отношение офицерского состава бригады к погрому, так и заявление отдельных громил-казачков, что им «приказано бить жидов», что они могут «по закону гулять три дня», что «ничего им за это не будет» и т. п. Но должен заметить, что отдельные офицеры той же бригады принимали меры к прекращению погрома, защищали отдельные дома и вообще всячески помогали еврейскому населению в его несчастье. Так, поручик

Илюшкин, начальник пулеметной команды, убедил казаков своей сотни защищать от погрома целый участок...

Обращаюсь к вопросу о поводах к погрому. Никаких определенных указаний на определенный повод я не получил, хотя и интересовался этим вопросом больше всего. Несомненно только одно, что среди казаков было прочное убеждение в симпатиях еврейского населения к большевизму, убеждение, конечно, в такой огульной форме, ни на чем не основанное. Поручик Илюшкин заявил мне по этому поводу, что среди казаков кто-то распространил «явно провокационный слух», что евреи радостно встретили большевиков, когда они ворвались на короткое время в Фастов, что евреи кричали «ура» на вокзале большевикам и, наконец, что они стреляли в добровольцев, когда те отходили от Фастова. Никто из опрошенных мною лиц не подтвердил правильности этих слухов. Наоборот, все — в том числе и лица, настроенные явно враждебно к еврейству, — отрицали даже возможность таких фактов. Крики «ура», действительно, были слышны в местечке со стороны вокзала в момент, когда туда ворвались большевики, но евреев, да и вообще местечковых обывателей в тот момент на вокзале не было, ибо все боялись боя и попрытались...

[Иван Деревенский был послан в Фастов организацией, основанной в Киеве в 1919 году, для сбора информации о погромах на Украине, которая позже, обосновавшись в Берлине, была названа «Центральным архивом материалов о погромах». Деревенский прибыл в Фастов 17 сентября 1919 года. Погром был 10-13 сентября. Его сообщение напечатано в книге: Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине. Берлин, 1932]. В то время, когда подобные события происходили в России, «Протоколы» и миф о еврейско-большевистском заговоре проникли на Запад и прежде всего укоренились на германской почве.

Во время гражданской войны в России погромщики и белые офицеры, на которых они оказали большое влияние, создали целый свод антисемитских легенд и фальшивок. Например, в сентябре 1919 года газета монархического направления в Ростове-на-Дону напечатала подложный документ, якобы составленный высшим комиссаром французского правительства при Федеральном правительстве в Вашингтоне [«В Москву!». Ростов-на-Дону, 23 сентября, 1919].

Смысл документа сводился к тому, что большевики получили многомиллионную субсидию в долларах от американского банкира, еврея Якова Шиффа, через нью-йоркский банк Куна, Лозба и К°, и это помогло им довести революцию до победного конца. Легко понять, почему именно Шифф упоминается в этом документе.

Во время погрома 1905 года он действительно пытался убедить американское правительство выступить на защиту евреев в России, и, конечно, погромщики не могли ему этого простить. Некоторые из иностранных корреспондентов и членов военных миссий при белых армиях восприняли весь этот вздор всерьез и переправляли его по своим каналам на Запад, в Европу. В Париже монсеньор Жуэн охотно перепечатал фальшивку о Шиффе в своем издании «Протоколов», а для нацистской пропаганды она стала неисчерпаемой темой.

Тем временем сами «Протоколы» уже циркулировали на Западе. Спустя 20 лет после того, как рукопись французской подделки была доставлена из Парижа в Россию, отпечатанные копии ее русского перевода вывозились из России в багаже белых офицеров.

В 1919 году отпечатанные на машинке на различных языках, они появлялись на столах министров и гражданских служащих в Лондоне, Париже, Риме и Вашингтоне. Цель подобного маневра заключалась в том, чтобы убедить правительства различных держав продолжить и даже усилить интервенцию в России. Всякого рода возражения могли быть выдвинуты против вмешательства в обычную гражданскую войну, ну а что, если конфликт в России — это не просто гражданская война, а на самом деле осуществление международного еврейского заговора с целью порабощения русского народа? Каким бы нелепым сейчас ни казался этот аргумент, в то время, судя по всему, он имел некоторое воздействие на государственную политику.

Уместно заметить, что не все распространители «Протоколов» заботились лишь о «большой политике». Так, например, летом и осенью 1919 года некий таинственный литовец, бывший агент охраны, посетил еврейскую делегацию на Парижской мирной конференции и предложил ей купить за 10 тыс. фунтов стерлингов книгу, которая, по его словам, представляла смертельную опасность для евреев. Вряд ли стоит упоминать, что сделка не состоялась, но делегация видела книгу-копию «Протоколов». И это не единичный инцидент. Американский еврейский комитет сообщил в своем ежегоднике за 1920 год, что к нему обращались некоторые русские с предложением за известную сумму уничтожить первоисточник-рукопись «Протоколов».

Но время мелких интриг вокруг «Протоколов» подошло к концу. К исходу 1919 года их известность стала всемирной благодаря деятельности двух русских фанатиков, обосновавшихся в Берлине, — Петра Николаевича Шабельского-Борка и Федора Викторовича Винберга [См.: Rollin H. L'Apocalypse de notre temps. Paris, 1939, p. 153; Laqueur W. Russia and Germany. London, 1965, p. 109].

Шабельский-Борк родился на Кавказе в 1893 году. Его отец был крупным помещиком, а мать — активным членом «Союза русского народа», автором антисемитской и антимасонской книжки «Подручные сатаны двадцатого века». Сам Шабельский-Борк в юности состоял в «Союзе русского народа» и был членом другой организации — «Союза Михаила Архангела». Как офицер он участвовал в первой мировой войне, а также, очень недолго, — в гражданской. В сентябре 1918 года он находился в Екатеринбурге, утверждая, что ему было поручено весьма важными особами провести расследование, связанное с выяснением обстоятельств убийства императорской семьи. Он допросил многих людей, и, конечно, ему было известно о свастике и о книге Нилуса.

Винберг был значительно старше Борка. Он родился в Киеве в 1871 году и был сыном командующего артиллерийской бригадой. Борк тоже был офицером в звании полковника Императорской гвардии. Будучи членом

«Союза Михаила Архангела», он постоянно писал черносотенные статьи. В 1918 году был арестован за контрреволюционную деятельность и заключен в Петропавловскую крепость в Петрограде, но вскоре то ли бежал, то ли был освобожден. Он отправился на Украину, где примкнул к белогвардейским антисемитам и погромщикам в Киеве. Убийство царицы и находки, обнаруженные в ее комнате в Екатеринбурге, имели для него особое значение. Когда он умер в 1927 году во Франции, некролог в «Международном журнале тайных обществ» отмечал, что царица была почетным полковником в полку Винберга: «Он по-настоящему боготворил ее, и все его сочинения, направленные против евреев и масонов, пронизаны этим почитанием».

Шабельский-Борк и Винберг покинули Россию в начале гражданской войны. Когда немецкие войска оставили Украину после заключения перемирия в 1918 году, германские власти предоставили поезд для всех русских офицеров, пожелавших выехать вместе с ними. Шабельский-Борк и Винберг воспользовались такой возможностью и уехали в Германию.

Судя по всему, сразу же по приезде в Германию Винберг познакомился с человеком, который стал первым переводчиком «Протоколов» на немецкий язык, — Людвигом Мюллером. Мюллер, любивший величать себя Мюллером фон Хаузенем, взял себе псевдоним Готтфрид цур Бек. Он был армейским капитаном в отставке и издателем антисемитского и консервативного еженедельника «Ауф форпостен».

В конце ноября он уже располагал копией книги Нилуса «Великое в малом» издания 1911 года вместе с «Протоколами», которую получил либо от Винберга, либо от одного из его приятелей. Дружеские отношения между этими темными, полубезумными, полууголовными личностями привели к серьезным последствиям: Монсеньор Жуэн, который много сделал для распространения «Протоколов» во Франции, считал, что деятельность Винберга в Германии «стала отправной точкой в крестовом походе против еврейско-масонской угрозы».

Если эта оценка и звучит преувеличением, то она содержала долю истины. Несомненно, с этого момента антисемитская агитация приняла такие чудовищные масштабы, которых ранее не знала Западная Европа.

В Берлине Винберг и Шабельский-Борк сотрудничали в ежегоднике «Луч света», третий номер которого (май 1920) содержит полный текст издания книги Нилуса 1911 года. Все номера ежегодника навязчиво толковали о еврейско-масонско-большевистском заговоре, как и книга самого Винберга «Крестный путь», которая была переведена на немецкий.

Во всех своих писаниях Винберг в том или ином виде утверждал, что с евреями необходимо покончить. Конечно, он понимал, что ничего подобного нельзя сделать в демократической стране, но это его отнюдь не беспокоило, ибо, по его мнению, демократия является чудовищным заблуждением, дьявольским инструментом, придуманным евреями для достижения своего господства. Винберг поэтому требовал, чтобы признанные вожди наций раз и навсегда признали политическое невежество

Белогвардейский антисемитский плакат. В верхней части — Троцкий.

толпы и, покончив с игрой в демократию, захватили власть, установив диктатуру над этим «человекообразным стадом». Тогда созреет необходимый момент для объединения всех наций против всемирного заговора евреев.

Пока же Винберга утешало одно: Германия была относительно свободна от демократического «недуга». «В Германии гуляет по городам, по фабрикам и заводам, переносится из деревни в деревню знаменательная книга — «Протоколы сионских мудрецов», и рабочие по поводу этой книги собирают экстренные совещания и выносят постановления о пересмотре всех своих социалистических программ» [Винберг Ф. В. Крестный путь. Мюнхен, 1922, с. 246].

Оплотом «мудрецов», по его мнению, являлись Франция и Англия, эти враги Германии. Еще в XVIII столетии Англия по требованию «мудрецов» платила Руссо, Вольтеру и энциклопедистам за их работу, направленную на подрыв Франции; недавно она заплатила Толстому и Горькому за подрыв общественных устоев в России. Французская революция была делом рук «мудрецов», так же как русская и германская революции 1917-1918 годов:

«Общая связь и нашей, и немецкой революции заключается в том, что оба государственных переворота совершены искусственным путем, посредством мировой, всюду раскинутой сети интриг и тайных прощесов еврейско-масонских организаций. В этих организациях масонство низшими слоями своими играет роль слепого орудия знаменитой «Алит» («Всемирного еврейского союза»), а высшие слои (степени) масонства совершенно поглощены и заполнены евреями, так что высшее управление масонством сосредоточено исключительно в еврейских руках» [Луч света. Т. 1. Берлин, 1919, с. 50].

«Более того, не только революции, но и первая мировая война была делом рук «мудрецов», которые контролировали внешнюю политику Англии и Франции. Кайзер и царь сделали все, чтобы избежать войны, но они не могли по силе равняться с «мудрецами». Единственный теперь выход — это союз истинной Германии с истинной Россией, то есть Россией и Германией под диктатурой правых. Такой союз может бросить вызов и разрушить еврейско-масонский заговор вместе с его французскими и английскими марионетками. Должен быть выдвинут новый лозунг: «Россия, Германия — превыше всего, превыше всего в мире!» «И тогда, — комментирует Винберг, — оба народа найдут свое настоящее призвание и обретут всечеловеческое, великодушное и благостное стремление к «Миру всего Мира» [Винберг Ф. В. Крестный путь. Мюнхен, 1922, с. 49].

В качестве политической программы высказывания Винберга невозможно было принимать всерьез. Среди русских эмигрантов, даже в среде правых экстремистов, лишь незначительная часть мечтала призвать Германию на помощь, чтобы восстановить царский режим, а среди немецких правых лишь немногие, например Людендорф, настолько были оторваны от реальности, что всерьез рассматривали возможность реставрации монархии.

С другой стороны, Винберг был абсолютно прав, считая, что «Протоколы» найдут в Германии значительно больший отклик, чем в любой другой стране. Он знал, конечно, что со времени возникновения антисемитизма как политической силы (около 1870 года) он был значительно сильнее и значительно более широко распространен в Германии, чем в Англии и Франции. Но это было еще не все: как только стало ясно, что Германия проигрывает войну, те, кто вел страну к катастрофе, поспешили свалить вину на евреев, которых объявили ответственными не только за развязывание войны, но и за поражение в ней.

Уже в январе 1918 года ежемесячник правых «Дойчланд эрнйерунг» опубликовал некоторые вариации на тему «Речи Раввина», но изрядно приспособленные к требованиям текущего момента. Он сообщал, что в 1913 году в Париже собралась международная группа еврейских банкиров и приняла решение, — что наступило время для крупных финансистов свергнуть с престолов царей и императоров и открыто навязать свою власть всему миру; то, что раньше контролировалось тайно, теперь должно стать открытой диктатурой. Именно эти люди вовлекли мир в войну. Они также настаивали на том, что «еврейские агитаторы» должны так подорвать общественные устои Германии, чтобы иностранные державы могли беспрепятственно напасть на нее, заранее зная, что эта война превратится в революцию.

Эту «смелую» идею быстро восприняли в правых кругах. Так, в течение последних отчаянных месяцев войны в Германии и Австрии возникали забастовки, повсюду разбрасывали листовки, утверждавшие, что «американские, английские и русские евреи выделили 1500 миллионов марок... чтобы натравить немцев на немцев, брата на брата».

В августе 1918 года, когда немецкая армия спешно отступала на Западном фронте, доктор Отто цу Зальм-Хоршмар, который затем стал активным распространителем «Протоколов», заявил: «Германия проигрывает войну из-за того, что демократическая идеология подорвала укорененную в Германии философию аристократизма, что демократическая идеология нашла наибольшую поддержку в международном еврействе, действующем через масонские ложи». Для усиления своей аргументации он добавил, что Ленин также еврей и принадлежит к масонской ложе в Париже, к той самой, что и Троцкий. Все это князь высказал в официальной речи в верхней палате прусского парламента.

Газета «Ауф форпостен» так прокомментировала окончательное поражение Германии: «Бело-голубой флаг

еврейского народа и кроваво-красное знамя старых, исстари воспринятых шотландских ритуалов [Масонская система имеет 33 ступени; шотландский ритуал — одна из них, которая была установлена в Соединенных Штатах и распространилась на многие страны. — Примеч. перев.] в настоящее время выиграли! Троны романовых, габсбургов и гогенцоллернов... опустели, а Германия стонет под тиранией рабочих и солдатских Советов» [«Auf Vorposten», 1918, Heft 4-6, S. 82].

В начале 1919 года, когда немцы переживали горечь поражения, появились объемистые книги, подробно истолковывающие исход войны. Среди них наибольшей популярностью пользовались «Счета, которые Германия должна свести с евреями», вышедшие под псевдонимом Вильгельм Майстер [Автором был Пауль Банг, эксперт по экономике в Национальной партии Германии, преемницы консервативной партии Пруссии, существовавшей до 1918 года.], и «Всемирное масонство, всемирная революция, всемирная республика — исследование происхождения и конечных целей мировой войны» доктора Ф. Вихтля.

Обе книги были напечатаны в Мюнхене, где Адольф Гитлер только начинал свою политическую карьеру. Цель этих книг с замечательной наивностью объяснена самим Вихтлем: «Мы хотим убедить читателя, что обвинять в чудовищном кровопролитии необходимо не нас, немцев, а еврейско-масонский всемирный заговор, этого незримого господина всех народов и государств» [Wichtl F. Weltfreimaurerei, Weltrevolution, Weltrepublik. Munich, 1922, S. 268].

Подразумевалось, конечно, что Россия находится в цепких лапах этой силы, но что в не меньшей степени подчинена ей и Англия. Англичане совместно с евреями вступили в заговор и развязали войну, чтобы легче достичь мирового господства. Как и пацифистская пропаганда, которая подорвала мощь Германии, Антанта была организована евреями из их бастиона в Лондоне. И если Троцкий является одновременно агентом высших финансовых кругов и раввината, то еврейским монархом, который должен быть возведен на трон в качестве правителя всего мира, должен стать не кто иной, как король Георг V. Страна, в которой подобный вздор мог пользоваться громадной популярностью (за один год эти книги разошлись тиражом в 50 тыс. экземпляров каждая), действительно созрела для «Протоколов».

Но тут «Протоколы» дали осечку. Предполагалось опубликовать их одновременно в Германии и Англии с соответствующими комментариями, однако найти в Англии издателя оказалось далеко не легким делом. Поэтому публикация их в Германии была отложена до начала 1920 года. Но уже в апреле 1919 года престарелый Теодор Фритш, «патриарх германского антисемитизма», опубликовал в своем «Молоте» предсказание, которое якобы в 1895 году, то есть во время появления «Протоколов», сделал в Париже какой-то еврейский революционер: «Примерно через тридцать лет Германия будет вовлечена в большую войну, которую она будет вынуждена проиграть. Тогда на руинах Германской империи мы построим

нашу империю, как нам и обещал Иегова, а царем ее станет второй Соломон». Как явствует из вышеприведенного отрывка, Фритш был знаком с текстом «Протоколов» (вскоре он их издаст и получит огромную прибыль).

Тогда же, в апреле 1919 года, «Ауф форпостен» поместила на своих страницах объявление, которое является весьма серьезным документом: «В Германии информация о сионских мудрецах до войны была известна лишь в еврейских и масонских кругах. Мировая история, несомненно, пошла бы по другому пути, если бы правительства европейских стран познакомились с «Тайнами сионских мудрецов» заблаговременно и сделали из всего правильные выводы... Из-за мягкотелости, проявляемой народами Центральной Европы, и особенно немецким народом, в подходе к еврейскому вопросу, обнародование до войны истинных целей евреев было бы, вероятно, отклонено с недоверчивой улыбкой. Даже во время войны только немногие осознали, что может существовать какой-то великий план уничтожения Германии; посвященные знали, что масоны и евреи разрабатывали этот план задолго до начала войны, на протяжении десятилетий, чтобы низложить правящие династии Европы, а затем начать борьбу против церкви... Пусть беспристрастный трибунал рассудит, кто виноват в этой войне! Мы вызываем руководителей международного масонства, еврейских всемирных союзов и всех главных раввинов в этот трибунал» [«Auf Vorposten», 1919, Heft 4-6, S. 78-80].

В этом воззвании правдой является лишь одно: люди, которые перед войной просто смеялись над «Протоколами» и с презрением от них отворачивались, теперь воспринимали их всерьез.

Те трагические события, которые происходили в России после Октябрьской революции, должны были повториться, только в значительно более широком масштабе, в Германии. Потерпевшие поражение, доведенные до отчаяния люди должны были хвататься за эту смехотворную фальшивку, чтобы хоть как-то объяснить свои несчастья и оправдать свои собственные промахи. И главное, горстка политических авантюристов воспользовалась всем этим как средством завоевания влияния, привилегий, власти, в чем некоторые из них настолько преуспели, как не снилось никакому погромщику из «Черной сотни»...

Лондон

Перевод с английского С. Бычкова

Публикуется по изданию:

Кон Н. Благословение на геноцид. — М.: Прогресс, 1990

Продолжение — в следующем номере «Карты»

В материале использованы фотографии фотовыставки «Черта оседлости: до и после», 1995 «BRON», Amsterdam.

В. ВОЛКОВ

Фашизм в России. Что завтра?

Фашизм в России — это реальность. В недрах российского общества он зреет уже давно. Ленивому и вялому обывателю хочется, чтобы к власти пришли решительные, подтянутые молодые люди и устранили все проблемы. Патриоту хочется, чтобы фашисты безжалостно скрутили головы не в меру резвым «нацменам» и заставили всех уважать русских. Интеллигенции уже сейчас хочется воспевать сильную личность, поклоняться ей. Несмотря на президентский Указ от 23 марта 1995 г. «О мерах по борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в стране», газетные статьи, предупреждения общественных деятелей, борьба с фашизмом в России до сих пор носила чисто декларативный характер. Ряд фашистских организаций официально зарегистрированы в Министерстве юстиции, а некоторые их лидеры даже были выдвинуты кандидатами в Государственную Думу и в Президенты России. Таким образом, одержав победу над фашизмом в войне, мы не приобрели иммунитет против самой его сути. Кроме того, фашизм многолик, изменчив, способен к мимикрии.

Например, русские националисты со свастиками на руках выступают под маской русских ура-патриотов. Кстати, боевики в черных рубашках — это только часть политического течения, именующего себя «национально-патриотическим движением». Духовный вакуум, созданный крушением коммунистической морали и распадом СССР, не смогли заполнить ни либерально-демократические ценности, ни христианство, ни народничество. Традиции национал-большевизма в нашей стране привели к коммунофашизму. Родство коммунизма и фашизма не случайно: и то и другое — разновидности тоталитаризма. Одна «черная» фаза тоталитаризма легко перетекает в другую — «красную» (и наоборот), а посткоммунистический фашизм оказывается еще более опасным. Теперь уже русский фашизм может рассчитывать на свою актуальность и востребованность обществом. Фашистская угроза стала реальностью в России. Отметим, что русский фашизм неоднороден и представляет собой целый спектр коричневых, красно-коричневых и черно-коричневых организаций, в котором четко различаются фундаменталистское и авангардистское крыло. Однако в главном они едины: им всем нужен «новый порядок».

Ученые считают, что в современной науке нет общепризнанного определения фашизма, поскольку этот феномен сложен и политически неоднозначен, противоречив. В последние годы понятие фашизма оказалось сильно

размытым, в силу чего дать юридическую трактовку дефиниции достаточно сложно. В научном смысле, суммируя понятия, используемые в специальной литературе (В. Ядов, А. Галкин, С. Пейн и др.), фашизм — это идеология консервативной революции, включающая в себя:

крайний национализм, носящий мистический характер, национальный солидаризм;

веру в государство, мистический этатизм;

идею социального государства, государственный патернализм;

корпоративизм, стремление законодательно закрепить структурирование общества по профессионально-корпоративному признаку;

ориентацию на «традиционные ценности»;

агрессивную ксенофобию, доходящую в германском варианте до расизма;

веру в конструктивные возможности политического насилия;

идею расширения «жизненного пространства» нации;

антипарламентаризм;

веру в вождя;

милитаризм.

Однако не всякая антидемократическая идеология — фашизм, не всякий диктаторский режим — фашистский.

Диктатура Франко в Испании не была фашистской, хотя «Испанская фаланга» на первых порах играла в структурах власти существенную роль. То же самое и архаичная диктатура Салазара в Португалии. Румынская «Железная гвардия» Кодряну была фашистской партией, но марионеточный режим Антонеску — вряд ли.

Известный всему миру чилийский диктатор генерал А. Пиночет вовсе не был фашистом, хотя в идеологии его режима можно найти много черт, сходных с фашизмом. Во взглядах В. В. Жириновского и идеологии ЛДПР много общего с фашизмом, но на сегодняшний день он — радикальный империалист-авторитарист. В последнее время он активно заигрывает с русскими «патриотами». Условно последних можно поделить на национал-патриотов (РНЕ — А. Баркашова, РНС — А. Стерлигова) и имперских патриотов («державники» или «государственники», как, например: «Держава» — А. Руцкого, РОС — С. Бабурина).

Фашизм — это идеология и практика, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем. От фашизма нужно отличать политический экстремизм, который является более широким понятием. Он предполагает пропаганду и использование насилия для достижения любых политических целей. Политический экстремизм может иметь разную идеологическую направленность (фашистскую, коммунистическую, сепаратистскую и др.), проявляться в сферах национальных отношений, религиозных вероучений, внешней и внутренней политике. Это говорит о том, насколько сложно использовать юридические запреты фашизма и политического экстремизма. Например, идеологию как таковую запретить невозможно, ее можно лишь загнать внутрь, придав ей дополнительные «жизненные силы». Поэтому нужен специальный закон о запрещении фашистской пропаганды и фашистских движений, в котором были бы обозначены основные признаки фашизма. Однако исходя из этих оснований, назвать строго теоретически, например, тех же «баркашовцев» русскими фашистами, а не политическими экстремистами будет довольно проблематично.

Присутствие в законе понятия фашизм излишне и опасно. В программах неонацистов причудливо переплетены консервативные, модернистские, коллективистские, индивидуалистические, националистические, интернационалистские ценности. Но в идеологический багаж попадают лишь те взгляды, постулаты, концепции, которые лег-

ко поддаются радикально-агрессивной, экстремистской интерпретации. Поэтому невозможно бороться с помощью юридических запретов с общепризнанными родовыми чертами фашизма, как, например, социальная демагогия и ложь, культ вождя, отрицание общечеловеческих ценностей, неприятие парламента и принципа разделения властей. На поле идей закону вход запрещен, но как только отдельные лица начинают пропагандировать национальную (расовую) исключительность, призывать к национальному неравноправию, создавать военизированные формирования и т.д., — они немедленно должны нести ответственность за преступные деяния.

Тоталитарный строй, существовавший в СССР 70 лет, с полным основанием мог бы быть назван социальным фашизмом. У нас уже был свой отечественный фашизм — не со свастикой, а с серпом и молотом. Теперь он может легко возродиться под флагом национал-коммунизма.

Пока фашизм не у власти, он существует как идеология. Затем, как мы уже знаем, идеи овладевают массами и фашистская партия (национальная, патриотическая, социалистическая, либеральная или какая-либо еще) получает на свободных, демократических выборах большинство голосов и устанавливает тоталитарный режим. Интересно, что, помимо Конституции РФ и Уголовного кодекса, у нас достаточно правовых актов, запрещающих возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, пропаганды насилия, войны и т.д. Однако пассивность правоохранительных органов, Роскомпечати, региональных инспекций по защите свободы печати и массовой информации дает полную свободу для внедрения идей фашизма в общественное сознание.

Фактически общество платит за свой бескровный переход к демократии (1991 г.), но истинная демократия — это диктатура закона, который пока безмолвствует... Дискредитация демократии в России обогнала саму демократию и бежит впереди нее. Сблазн своего, российского пути развития — это тот же сблазн коммунизма, только опрокинутый. Худшая черта западной демократии — неумное потребление, однако это лучше, чем тоталитаризм.

литарное бесправие и унижение человеческого достоинства и личности.

Международный форум «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе», проходивший в Москве в январе 1995 г., пытался осмыслить нынешнюю ситуацию, дать анализ предпосылок российского фашизма, показать его идейные корни и перспективы развития.

С тех пор многое уже изменилось в России, и не в лучшую сторону. Обострение социально-экономической ситуации в стране, рост преступности, угроза державно-большевистской диктатуры крайне поляризовали российское общество на сторонников «жесткой руки» и апологетов либерально-рыночного сценария развития. Следует напомнить, что в России идеи национал-социализма имеют свои особенности. У нас (пока еще) нет единой сплоченной фашистской партии (хотя региональные отделения РНЕ имеются почти во всех субъектах РФ), нет харизматического лидера, который пользовался бы абсолютным авторитетом и мог бы выполнить роль цементирующей основы всего движения. Русские фашисты неспроста бравируют своей религиозностью. Становятся все более настойчивыми попытки некоторых священников превратить православие в этническую религию, в атрибут русской национальной идеологии. Из русской православной церкви хотят сделать русскую национальную церковь, хотя христианство едино, наднационально.

Поражает сходство идеологических постулатов, лексикона неонацистов и православных священнослужителей. Большая часть текстов заиклена на еврейской теме, «мировом заговоре», «Протоколах сионских мудрецов» и т.д. В настоящее время 156 фашистских, профашистских, нацистских, социал-националистических изданий продаются и распространяются на территории России (например, газеты: «Русский порядок», «Народный строй», «Русское дело», «Молния», «Завтра», «Аль-Кодс», «Оппозиция», «Колоколь», «Бумбараш»).

По опросам общественного мнения (1998 г.), идеями фашизма были увлечены не более 5% от числа голосующего населения, однако число сочувствующих или индифферентных к этому явлению — гораздо больше и приближалось к 30%. Более того, число таких граждан постоянно растет, что обусловлено многими социально-

экономическими причинами. Идет колоссальное обнищание населения. Число люмпенов на улицах множится не по дням, а по часам. Русские (а в России — это 90% населения) явно недовольны засилием «лиц кавказской национальности» и семитов в политике, бизнесе и торговле. Армия сокращается, а работы для бывших военнослужащих нет. В обществе зреет недовольство внутренней политикой истеблишмента, отсутствием президентского контроля за ситуацией. Регионы отказываются перечислять деньги в Москву. Экономика России уже не может существовать без серьезных финансовых вливаний извне. Создается стойкое ощущение, что срочно требуется «сильная рука» для наведения порядка. В сложившейся ситуации идеи национал-социализма, конечно, будут пользоваться повышенным спросом. Известно также, что фашизм — дитя кризисов. Чем глубже и всеобъемлюще кризис общества, тем питательней почва для фашизма. Фашизм черпает свои силы в массовом движении протеста, а оно, в свою очередь, нуждается в идеологии, способной доступно сформулировать цели и способы их достижения, создать образ врага. Снять угрозу фашизма сможет только улучшение социально-экономической обстановки в России, а оно-то как раз и не предвидится.

Пока еще в обществе сохраняется сильный иммунитет на сам термин «фашизм» и, в определенной степени, — на пропаганду чисто фашистской идеологии. В правящих кругах не замечается стремления к использованию фашистских методов для сохранения власти. Очевидно, пока в этом просто нет необходимости. Однако в настоящее время потенциал власти стремительно стал иссякать, и вот уже мы «вползли» в умеренно-авторитарный режим функционирования государства. Под угрозой находится институт президентства в России как таковой. Сегодняшний реальный выбор — это выбор между полным авторитаризмом и полудемократией. Дозировка авторитаризма будет обуславливаться реальными нуждами общества, экономической ситуацией и особенностями политической борьбы...

Исторический опыт других государств, в частности трагический опыт заката Веймарской республики и конституирования фашистского государства в Германии, учит, что борьба с фашизмом, как тоталитарной системой, должна вестись всеми, в том числе юридическими, средствами еще до захвата власти диктатурой.

СЛОВАРЬ

ГЕНОЦИД

Геноцид [от греческого *genos* — род и латинского *caedere* — убивать] — действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу.

Геноцид — это массовое преднамеренное истребление группы, представляющей, как правило, меньшинство населения, осуществляемое государством или же подавляющим большинством, опирающимся на силу, включая государственную поддержку. Концепция геноцида была введена в международный правовой кодекс сразу же после событий 1933-1945 годов для выработки правового механизма по предотвращению повторения совершенного тогда геноцида.

11 декабря 1946 года под влиянием Нюрнбергского процесса Генеральная Ассамблея ООН закрепила геноцид как страшное преступление против человечества и заявила, что он подлежит суровому наказанию.

9 декабря 1948 года в Женеве была принята международная Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за них. Она вошла в силу в 1951 году. По этой конвенции под геноцидом понимается любое из следующих действий, направленных на полное или частичное уничтожение национальных, этнических, расовых или религиозных групп:

- убийство их членов;
- причинение им серьезных телесных повреждений или психических расстройств;
- сознательное создание условий, которые ведут к физическому исчезновению такой группы;
- введение мер по предотвращению рождаемости у ее членов;

— насильственный перевод детей из этой группы в другую.

Практика геноцида включает погромы, помещение людей в концентрационные лагеря, массовый и индивидуальный террор, приводящие к физическому уничтожению группы. Практика геноцида включает принудительную стерилизацию, запреты браков.

Идеологической основой геноцида является расовая теория, на которой и строятся публичные подстрекательства к геноциду типа призывов к уничтожению евреев, содержавшихся в нацистской газете «Дер Штюрмер» в 1938-1941 годах.

В последние годы к такого рода пропаганде можно отнести отрицания Холокоста, распространенные в неонацистской прессе.

Генеральная Ассамблея ООН предложила всем своим членам принять законодательные меры по предотвращению геноцида и наказанию за него. Это относится и к частным лицам, и к государственным деятелям. Они подлежат суду международного трибунала, если обвиняются в любых попытках или заговорах с целью проведения геноцида.

Геноцид объявлен предметом неустанного внимания всего международного сообщества и не может считаться внутренним делом отдельных стран.

ЭТНОЦИД

Этноцид [от греческого *ethnos* — народ и латинского *caedere* — убивать] — термин, введенный в последние десятилетия для обозначения национально-культурного геноцида. Рабочая группа по коренным народам при ЮНЕСКО предлагает понимать под этноцидом «любое действие, направленное на лишение

этнических черт или идентичности, любые формы насильственной ассимиляции или интеграции, принуждение к переходу к чуждому образу жизни и пропаганду против коренных народов». В частности, к этноциду следует относить сделанные под давлением изменения своей национальности, которые нередко практиковались в СССР (узбекизация таджиков, таджикизация народов Горного Бадахшана, азербайджанизация татов

и лезгин, требование от мегрелов записываться грузинами и т.д.).

Методы этноцида включают также уничтожение национальных и культурных памятников, переименования географических и прочих пунктов, запрет родного языка, переписывание истории, уничтожение архивов и библиотек. Проблема защиты коренных народов и этнических меньшинств от исчезновения возникла в связи с бурной модернизацией (индустриализацией, урбанизацией), наблюдающейся во многих развитых и развивающихся странах. На наших глазах с лица земли исчезают традиционные сельские поселения и целые районы с их неповторимой культурой и бытом, под угрозой находятся уникальные языки и культуры ряда малочисленных народов, попадающие «под нож» неумолимо наступающей индустриальной цивилизации.

Между тем право на сохранение своей культуры, языка и идентичности является неотъемлемым естественным правом любого человека. Для удовлетворения этой потребности в международной практике разработаны два подхода — введение либо национально-культурной, либо национально-территориальной автономии. Национально-культурная автономия может достаточно хорошо работать в странах с давними традициями гражданского общества. Там, где этих традиций нет, как, например, в странах тоталитарного режима или тех, где сохраняется сильное тоталитарное наследие, более надежным представляется введение той или иной формы национально-территориальной автономии. Опыт СССР показывает, что свои языки и культуры лучше сохранили те из малочисленных народов Севера и Сибири, которые имели свои национально-территориальные автономии, т.е. обладали, хотя и сильно урезанным, но все же самоуправлением. Любопытно, что по этому же пути в последние 10-15 лет пошли США и Канада, где на месте прежних резерваций, по договоренности с правительством и местными властями, возникают те или иные формы самоуправления коренных народов. В России 17 июня 1996 года принят Закон РФ «О национально-культурной автономии».

ЭТНИЧЕСКАЯ ЧИСТКА

Этническая чистка — политическая практика, получившая особое распространение в XX веке и направленная на создание культурной и языковой однородно-

сти в государстве путем физического вытеснения этнических меньшинств, отличающихся от господствующего населения по культуре, языку или религии. Например, в начале 1980-х годов турки Болгарии были поставлены перед дилеммой: либо сменить имена на болгарские, либо выехать из страны, что привело к значительной эмиграции турок в Турцию. Этнические чистки чаще всего происходят во время этнических войн, как это наблюдалось недавно на Балканах, в Армении и Азербайджане, в Абхазии. Итогом стали десятки и сотни тысяч беженцев, лишенных возможности вернуться на родину.

Крайним выражением этнической чистки является геноцид, когда группа попросту уничтожается. В подавляющем большинстве современные государства многоэтничны и многокультурны, и этнические чистки не могут решить постоянно возникающие этнические проблемы. Единственным цивилизованным путем к их решению является демократизация, позволяющая человеку свободно изъяснять свою волю и удовлетворять свои культурные, религиозные и языковые потребности.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Преступления против человечества — особый вид преступлений, совершенных против гражданского населения. К ним относятся убийства, истребление, порабощение, пытки, помещение в концентрационные лагеря, депортации, применяемые в отношении целых групп населения, по каким бы признакам эти группы ни выделялись. Этот вид преступлений был определен в договоре между Францией, Великобританией, США и СССР о преследовании и наказании военных преступников, который был подписан 8 августа 1945 года. В 1961 году ООН приняла Декларацию о запрещении ядерного оружия, где применение ядерного оружия квалифицировалось как преступление против человечества. Преступления против человечества в отличие от обычных преступлений не имеют срока давности.

Автор подборки **Виктор ШНИРЕЛЬМАН**

Впервые опубликовано в журнале
«Диагноз», 1997, №2, (ноябрь)

Она хотела, чтобы люди знали правду

21 августа 2000 г. в Москве умерла Анна Михайловна Гришина, одна из старейших участников мемориального движения, основательница «польской программы» Общества «Мемориал». Помощь полякам и польским гражданам — жертвам советских репрессий и их родственникам, изучение истории этих репрессий стали для нее делом жизни. По словам Анны Михайловны, так она решила, когда, приехав осенью 1988 г. в Польшу к друзьям, увидела на улицах Варшавы демонстрации, требовавшие от коммунистических властей отменить запрет «Солидарности», введенный военной хунтой 13 декабря 1981 г., обнародовать правду о Катыни и других преступлениях советского режима, репрессировавшего в былые годы тысячи и тысячи поляков и польских граждан других национальностей.

Польша присутствовала в жизни Анны Михайловны с самого ее рождения. Она родилась 23 августа 1920 г. в западной Белоруссии в местечке Городеа, через которое проходит железная дорога Минск–Барановичи. Ее отец был комиссаром Красной Армии, он служил в одной из частей Западного фронта, который под командованием Тухачевского летом 1920 года занял северо-восточную часть Польши и в августе подошел к Варшаве. Но Варшаву Красной Армии взять не удалось, так как в результате сокрушительного польского контрнаступления, начавшегося 15 августа, Западный фронт потерпел поражение и ему пришлось стремительно откатываться на восток. Отцу Анны Михайловны удалось во время отступления «заско-

чить» в Городею и забрать оттуда жену с новорожденной дочкой. Так Анна Михайловна оказалась в России. Но в Городею, отошедшей по Рижскому мирному договору к Польше, остались родственники, к которым Анна Михайловна в детстве даже ездила погостить (пока это еще было возможно)! Родственники были горячими поклонниками Юзефа Пилсудского — признанного вождя Польши и ее национального героя, сначала добившегося восстановления независимости страны после 125 лет раздела и неволи под властью России, Пруссии и Австрии, а затем задумавшего и осуществившего спасительное контрнаступление 15 августа (и по этой, в частности, причине страстно ненавидимого советским руководством). Может быть, именно детским поездкам и встречам с родными обязана Анна Михайловна тем, что всю жизнь ощущала свою связь с Польшей.

Однако вернемся к концу восьмидесятих годов. Вскоре после возвращения из Польши Анна Михайловна участвовала в Москве в учредительной конференции Общества «Мемориал». Затем была огромная работа по подготовке двух знаменитых выставок «Мемориала» — к 50-летию пакта Риббентропа–Молотова в 1989 г. и к 50-летию катынского преступления в 1990 г. «Катынская выставка», подготовленная под руководством Анны Михайловны и открытая в апреле 1990 г. в Кинотеатре в Москве, стала одним из самых первых в СССР публичных обращений к нашей общественности, доносивших правду о Катыни после полувека лжи.

В московском «Мемориале» Анна Михайловна собрала вокруг себя людей, которые хотели заниматься проблемой советских репрессий против поляков. Так возникла Польская комиссия «Мемориала», и поныне добывающая в архивах бывшего Советского Союза официальные справки для заявителей из Польши, которые присылают в «Мемориал» письма с просьбами помочь в документальном подтверждении фактов репрессий против них или их родственников, в выяснении судьбы своих близких, пропавших без вести в СССР.

Одновременно Анна Михайловна вела и научно-архивные исследования по истории репрессий против польских коммунистов в СССР в 1937–1938 гг. В частности, по архивным материалам Коминтерна ей удалось установить истинную судьбу Веры Кошутской-Костшевы — одного из лидеров Коммунистической партии Польши, арестованной в 1937 г. и умершей в заключении в 1940 г., найти в архиве личные документы этой мужественной женщины, имевшей смелость открыто противостоять Сталину.

Все время, параллельно с польской работой, Анна Михайловна вела в «Мемориале» и программу «Репрессированное востоковедение».

Анна Михайловна была очень сердечным, добрым, ярким, остроумным человеком, такой она и останется в нашей памяти.

Александр Гурьянов,
член Польской комиссии Общества «Мемориал»

Иннокентий ПАСЫНКОВ

Победа

Посвящается Алексею Светлову, дорогому другу с детских лет, умершему после тяжелой болезни в Сиднее 22 декабря 1999 года.

Свердловская область, Тавдинский район, станция Азанка. Здесь был расположен один из бесчисленных островков Архипелага ГУЛАГ: огромная зона и три шпалозавода, на которых за голодный паек трудились на непосильной работе «враги народа». Рядом с Азанкой располагался сангородок, где работали врачи-зэки, прекраснейшие специалисты, проходившие в основном по «делу Горького».

Я попал в сангородок с дистрофией 2-й группы, но благодаря умению врача Ефремова Дмитрия Исааковича и стараниям фельдшера Орлова Бориса Дмитриевича за полгода смог оправиться и принять вновь человеческий облик. Их я никогда не забуду!

...Итак, августовский вечер 1946 года, сангородок. Погода отличная, солнечно и тепло. С утра по больнице разнесся слух — из лагеря бежали двое, один из них — Светлов. Как Светлов? Я не поверил: кроткий, деликатный Алеша, сын священника, и вдруг пошел на верную смерть?! (Обычно такие попытки кончались убийством беглецов). Но слух упорно ходил по палатам, и вот около пяти часов я увидел, как через внутреннюю дверь вахты конвоир вывел какого-то высокого человека в ободранной и окровавленной одежде, с совершенно безумным взглядом, устремленным в никуда... Было видно, что его вели в баню. И тут только, как молния, пронзила мысль: «Да это же Алешка! Мой друг с раннего детства, бок о бок с которым прошли юность, студенческие годы, а потом еще и путь в скотских вагонах из Харбина на Урал...»

Здесь придется рассказать немного о временах пятнадцатилетней давности, иначе не понять дальнейшего.

Харбин, центр российской эмиграции в Маньчжурии, — средоточие представителей старой русской интеллигенции: ученых, врачей, педагогов, литераторов, военных. 22 церкви, дореволюционный русский быт. Милая, добрая семья Светловых. Глава ее — протоиерей отец Владимир Светлов, священник Свято-Николаевского собора (отец Владимир умер от инсульта в сталинском лагере на ст. Новочунская Иркутской области в 1954 году, а собор сожжен хунвейбинами в 1956 году). У всегда приветливой матушки Анны Евдокимовны очень красивая внешность, почти оперное контральто и золотые руки хозяйки. В семье трое детей, две дочери-красавицы — Лидия и Валентина, и сын Алексей. (О том, как они оказались на чужбине, бежав из Приднестровья, — отдельная трагическая повесть).

В Харбине Алеша окончил реальное училище, а затем Ориентальный институт, получив квалификацию ученого синолога. С Алешей Светловым связана вся моя молодость — и обучение в институте, и посещение балов, и рыбалка на Сунгари, и многое-многое другое — прекрасное и незабываемое...

Вторая мировая все изменила в корне. За четыре недели в августе 45-го была сокрушена Квантунская армия япон-

цев, советские войска заняли Маньчжурию и вступили в Харбин. Россияне с восторгом встретили Красную Армию. Над городом плыл колокольный звон, на улицах толпы людей, крики «ура!», цветы, ликование. Но все это быстро и навсегда закончилось, когда эмигрантов прямо на улицах стали арестовывать и они исчезали неизвестно куда. Репрессии разворачивались стремительно, людей «брали» и на работе, и дома — чаще по ночам.

До меня «очередь дошла» в начале сентября, до Алеши — чуть позже. Не буду описывать все ужасы допросов в случайных, приспособленных для КПЗ подвалах и таких же тюрьмах в Харбине и Гродеково (Приморский край). В гродековской тюрьме, на моих глазах, на полу, от инсульта и отсутствия медицинской помощи погиб известный русский писатель и поэт Арсений Несмелов. В конечном итоге мы с Алешей очутились в одном этапе в Свердловскую область.

Везли нас в огромных телячьих вагонах, в холоде, на голодном пайке. В нашем вагоне умерло трое: Иноземцев, Отланов и Дандуров. Их трупы долго не убрали, и в темноте мы спотыкались о них. (Этот этап достоин отдельного описания). На 29-е сутки нас выгрузили на станции Азанка и препроводили в огромный, пустой и запущенный лагерь с ржавой водой в колодцах.

После так называемой бани медики-чекисты бегло осмотрели и распределили на работу. Мы с Алешей попали на один из шпалозаводов, на тяжелый физический труд, к которому не были приспособлены. Официальный лозунг гласил:

Алексей Светлов. 1940 г.

«Только тяжелым физическим трудом можно искупить вину перед Родиной!»

Наивные и доверчивые, воспитанные в иных моральных категориях, большинство из нас в это верило, в том числе и Алеша. Хотя почему только трудом и обязательно тяжелым? И какую вину? Ведь в отношении нас — харбинцев — не было закончено следствие, естественно, не было и суда, была лишь полная неопределенность дальнейших судеб, усугублявшая моральными страданиями муки подневольного труда в голоде и холоде. И Алеша, кроткий и высоконравственный человек, не смог выдержать такой жизни...

А теперь вернемся в тот августовский вечер, когда Алешу после бани поместили в терапевтический корпус. Вскоре мы выяснили, что у него тяжелое огнестрельное ранение и сильнейшее физическое истощение. Узнали мы и о том, что из оперчасти поступил негласный приказ: «Светлова не лечить!»

В этот же вечер я навесил Алешу вместе с другими земляками. Мы принесли ему хлеба и селедку. Как же жадно он ел! До сих пор вспомнить тяжело... А теперь о самом побеге. О нем я знаю из рассказов Алеши. Позже, в Австралии, он написал воспоминания и опубликовал их в сиднейской русскоязычной газете «Единение», в нескольких номерах. Ниже — фрагменты из его очерка «Побег».

«...Почти целый год с напарником по работе Афанасием Постниковым (*это был местный житель, охотник, хорошо знавший тайгу — И. П.*) мы обсуждали и серьезно планировали побег и ждали только удобного случая. Той ночью нашу погрузочную бригаду нарядчик разбудил как обычно, трехэтажным матом, и погнал на вахту. Там уже ждал конвой с собаками. По прибытии начальник конвоя расставил по местам солдат и велел бригадиру начинать. Бригадир Валеев (*маньчжурец, которого потом убили свои же за издевательства над земляками — И. П.*), окинув бригаду звериным взглядом, разбил всех по парам. Нам с Постниковым достался крайний в составе вагон. Разобрав инструменты, все отправились по местам.

Погода была дождливая, ветреная, черные мрачные тучи заволокли все небо, надвигалась гроза. Внезапно ветер резко усилился и разразилась буря с громом и молниями, а дождь полил такой, что трудно было различить даже ближайшие предметы. Мы ждали именно такого момента. Постников схватил меня за руку: «Бежим!» И мы рванули! Шквалы дождя то усиливались, то обрывались. К счастью, никто из конвоя не обнаружил нашего движения к лесу. Собаки, как ни странно, тоже не отреагировали. Мы бежали, и каждый ждал автоматной очереди в спину... Расстояние до деревьев — в 50 метров — показалось бесконечным, но, с божьей помощью, мы преодолели его незамеченными.

Вывавшись из освещенной зоны, мы перекрестились, поцеловались и побежали вдоль железной дороги, сознавая, что вот-вот наше отсутствие обнаружится и начнется погоня. С этой мыслью я метнулся в сторону от насыпи, но Афанасий перехватил меня: «Там волчьи ямы!» Я охотно повиновался следопыту и далее, не отставая, двигался только за ним. Наконец Афоня свернул в сторону, вглубь тайги...

Несмотря на гнетущую тяжесть ожидания погони, ее неизбежность, ощущение свободы буквально переродило

нас. Наши лица сияли, дышалось легко, даже привычный землистый цвет кожи будто бы исчез. Я смотрел на Афанасия и не узнавал его. Он помолодел, и не было в облике его суровости, свойственной старообрядцам (*Постников принадлежал к этой христианской конфессии — И. П.*). Это был верный друг и замечательный товарищ.

Мы продолжали бежать, делая малые передышки. Бежали целый день. Все время шел небольшой дождь, что было нам очень на руку. Афоня, стараясь еще больше замести следы, время от времени прыгал с валежины на валежину, и я неукоснительно двигался за ним. Но одна собака все-таки взяла наш след...

К вечеру, изможденные и голодные, на небольшой полянке мы дорвались до кустов со спелой смородиной. Жадно глотая ягоды, я внезапно поднял голову и увидел непередаваемый ужас на лице Афанасия... Затем он как-то неловко метнулся в сторону и побежал. Я обернулся. Метрах в десяти, среди деревьев, стоял конвойный и целился в меня из нагана. Между ним и мной на длинном поводке металась и рвалась овчарка. Ее рывки мешали ему, оружие ходило ходуном, и он отпустил поводок.

Собака в два прыжка преодолела расстояние и бросилась мне в лицо. Я инстинктивно закрылся руками, она вцепилась в запястье и стала рвать... Потом раздался какой-то крик, собака отскочила, и я разглядел перед собой искаженное злобой, совершенно озверевшее лицо чекиста и сквозь площадную брань уловил приказ: «Поворачивайся! Расстреляю!»

Тут собака вновь набросилась на меня, и я опять защищался от ее укусов руками. Я не могу этого объяснить, но близость звериной морды заставила меня... улыбнуться! «Чего лыбишься?!» — услышал я срывающийся на визг голос и почувствовал холод от приставленного к затылку дула нагана. Затем раздался звук «дзинь», и небо надо мной закачалось и опрокинулось...

В голове поплыли красно-желтые круги, со страшной, обжигающей болью по телу разлилось чувство слабости, я упал и сквозь отвратительную тошноту почувствовал, как меня рвет собака...

Чекист, считая меня убитым, а свою задачу выполненной, орал и оттаскивал пса, видимо, спеша броситься по горячему следу за другим беглецом. Я потерял сознание...

Время от времени сознание возвращалось... В эти мгновения я испытывал невыносимую боль в затылке, в верхней челюсти и темени. От большой кровопотери было страшно холодно, меня бил озноб. Так продолжалась всю ночь.

Утром, очнувшись, я почувствовал, что вся правая часть туловища отекала, правая рука двигалась с невероятным трудом, а когда попытался приподняться, обнаружил, что правая нога как бы проваливается. Одолевали кашель с кровохарканьем и мучительная боль в горле.

Уже в лагере, после изолятора, в котором просидел несколько недель, я был осмотрен врачом Приходько (*тоже харбинец — И. П.*) и узнал, что у меня сквозное ранение шеи с повреждением язычка, а также вырвана часть верхней челюсти справа вместе с двумя зубами.

Алексей Светлов и Иннокентий Пасынков. 1940 г.

Я лежал и думал о том, что конечно же вечером конвоир доложил о расстреле, значит, скоро придут за моим трупом, чтобы выставить его на вахте в назидание всему лагерю. Нужно было как можно скорее уходить с этого места. Превозмогая боль, я приподнялся и начался ад... Мучительное чувство жажды буквально грызло меня, но когда я стал слизывать капельки росы, вкус ее был столь горек, что последовал приступ кровавой рвоты. Очень болел раненый язычок, особенно когда начинался кашель с кровью. И все это на фоне жестокой, колющей боли в темени.

Из-за отека я не мог идти прямо. Пришлось передвигаться, скособочившись вправо, не поднимая головы. Ветки хлестали меня по лицу, а я не мог защититься, так как не в состоянии был поднять правую руку. И в довершение всего, вызывая тупую душевную боль, казалось, со всех сторон сразу слышался отдаленный собачий лай...

Я ковылял, избегая всяческих тропок, как вдруг увидел перед собой дорогу. Сначала я отшатнулся, но за дорогой простиралось огромное болото, которое могло надежно похоронить мои следы. Я пересек дорогу и ступил в холодную воду...

Через несколько шагов, потеряв равновесие, упал в болотную жижу. С трудом поднялся, сделал еще несколько шагов, но резкий приступ головокружения и общей слабости заставили остановиться. Начался мучительный кашель, а затем рвота со сгустками крови. Нашли меня и комары и с остервенением набросились на свою жертву. Я потерял сознание и упал на кочку...

Человеческая память — удивительнейшая вещь! По прошествии стольких лет я с потрясающей фотографической точностью помню все мгновения моих физических и душевных мук.

... Болоту конца не видно. Я бреду сквозь облако мошки и комаров, время от времени с тру-

дом садясь на мокрые кочки для отдыха. Они тут же проседают подо мной, и я сижу в грязной, очень холодной воде. Жажда мучает нестерпимо, порой открывается кровохарканье, порой я теряю сознание...

Наконец, когда солнце свалилось за кромку леса, я выбрался на другую сторону болота, которое могло стать моей могилой, но пока, я надеюсь, могло скрыть следы. Передо мной открылась большая поляна со свежими копнами сена. И опять глухо, но со всех сторон раздавался собачий лай. А может, это галлюцинации?

Я подковылял к одной из копен и стал зарываться внутрь. Вдруг нечаянный удар о какую-то жердь, и от жесточайшей боли я потерял сознание... Как долго я был без сознания — не знаю, но когда пришел в себя, услышал женские голоса, которые то приближались, то удалялись. Видимо, пришли убирать сено. Значит, наступил день. Голова — будто набита раскаленными углями. Опять тошнота, головокружения, кроваво-желтые круги перед глазами. Потом начался ужасный озноб, — переохлаждение в болоте дало себя знать.

До этого момента я помню отлично все, что делал, все даже мельчайшие подробности побега, а далее — какая-то притупленность сознания, безразличие к окружающему, что-то вроде полубреда и только слабый, но явственный инстинкт самосохранения пульсировал в мозгу — надо идти, надо идти... Куда же идти? Смутно помню, как я выбрался из копны и пошел куда-то вниз, по уклону. Внизу оказалась речушка, на ней плотик из тоненьких бревен, а по берегу — могучие заросли спелой уральской малины. Помню рядом с плотиком черемуху с черными ягодами, а

Алексей Светлов (стоит в центре) в лагерной больнице в пос. Сосновые Родники. 1956 г.

Иннокентий Пасынков — операционный фельдшер больницы №2 Озерлага. Ст. Новочунка Чунского района Иркутской области. 1955 год.

рядом лежали нанизанные на палочку подсушенные грибы. Первым делом, преодолевая боль, ложусь и пью, пью, пью... Какое это счастье — чистая, холодная вода! Ощущение такое, будто «по жилам заструилась свежая кровь».

Самочувствие улучшилось, я стал глотать сочные ягоды малины. Странно, но ни вода, ни ягода не раздражали раны во рту. Зато резко, скачком повысилась температура. Инстинкт самосохранения вытолкнул меня вновь на поляну, идти по тайге я уже не мог. И я побрел по какой-то тропинке, потеряв всякий счет времени...

На одном из поворотов тропы, внезапно, передо мной предстал седой как лунь старик с горбовиком за плечами, наполненным ягодой. От неожиданности он шарахнулся в сторону, покачнулся и упал. Ягода просыпалась... Не сводя с меня маленьких встревоженных, бегающих глазок, он медленно поднялся и буквально ощущал меня взглядом. Вдруг, бросив горбовик, он повернулся и помчался прочь с прытью молодого. Ясно — побегал доносить, что встретил беглеца. За такой «подвиг» в те времена полагалась награда от НКВД: солидное количество муки, часы и деньги. Невольно вспомнилось: «Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой». А уж о предательстве в «проклятое царское время» не могло быть и речи...

Я продолжал ковылять по тропе, осознавая только изнуряющий озноб, жажду, волчий голод и «пляску боли», пронизывавшей тело. И все же, наверное, уже бессознательно, я свернул с тропы в тайгу, пытаюсь как можно дальше уйти от преследователей. Наконец я потерял сознание и свалился. Это были последние минуты (или часы?) моей свободы...

Очнулся я от мелкого частого топота собачьих лап и человеческих голосов. Прямо перед лицом я увидел собачью пасть и едва успел закрыться руками, как клыки вонзились в предплечья... (Следы от укусов остались навсегда). Собака рвала меня, а два конвоира с наганами в

руках стояли поодаль и истошно орали: «Сдавайся!» Можно подумать, что перед ними была группа вооруженных бандитов, а не раненый, полумертвый и абсолютно беспомощный беглец. Казалось, они боялись меня больше, чем я их...

Вдруг один из чекистов прокричал: «Я тебе покажу, как убежать от нас!» — и прицелился из нагана. Но второй схватил его за руку: «Ты что?! Его должны допрашивать! А тебе «катушку» (т.е. 25 лет — И. П.) за срыв задания!»

Тогда тот, который собирался пристрелить меня, сломал ветку, заострил конец и стал тыкать острием в грудь, понуждая встать, а когда я сквозь боль и мучения с трудом утвердился на ногах, начал колоть в спину, заставляя бежать. Ни о каком беге, конечно, не могло быть и речи в моем состоянии. Кое-как я волочил свое тело, терял сознание, падал и вновь вставал, двигаясь на пределе той муки, за которой начинается небытие... Однако отчего-то совершенно

явственно помню группку ребят у костра при дороге, в который они бросали кедровые шишки. Они закричали: «Что вы делаете с человеком?!» А в ответ — омерзительный мат конвоиров.

...Время тянулось кошмарно медленно. Наконец дотащились до какой-то станции. Ждали недолго. Подали паровоз с вагоном. И вот снова Азанка — место моего побега. Конвоир привел в штаб охраны лагеря. За столом в кабинете сидел человек в военной форме, но в каком чине, не знаю, так как никогда не служил в армии. Лицо интеллигентное, серьезное. В облике его чувствуется выправка кадрового военного. Таких людей сразу можно выделить из серенькой рабоче-мужичьей массы, составлявшей поголовное большинство лагерной «вохры».

«Садитесь, Светлов», — обращается он ко мне с человеческой интонацией. Далее — долгая пауза. Я, привыкший к грубому, хамскому обращению начальников всех рангов, вздрогнул от удивления, что не ускользнуло от внимательного взгляда офицера. «Ну и что же? — опять длительная пауза. — Достигли своей цели? Рады? А я думаю вот что: у вас жизнь и так покалеченная, а вы еще добавили. От нас вы никуда не убежите. Все тщательно, до мелочей, продумано. Мышь не проскочит! А вас мне, по-человечески, — жаль. Посмотрите, во что вы превратились! Столько времени не есть!» «Принесите ему со столовой поесть!» — приказал он охраннику у двери.

Через несколько минут передо мной поставили миски с супом и кашей. Начальник смотрел, как жадно я ем, и мне показалось (возможно, только показалось!), что глаза у него набухли слезой... Говорили, что многих неугодных власти офицеров за разные проступки, например, за «мягкое обращение с врагами народа», посылали на исправление в такие медвежьи углы, как наша Азанка. (И другие заключенные, прошедшие через мясорубку ГУЛАГа, подтверждают, что встречали, правда, в виде редчайшего

исключения, очень благородных людей из числа начальства — И. П.)

...Два охранника повели меня на вахту. Там, по инструкции, полагалось посадить меня возле ворот, чтобы все заключенные видели, чем кончаются попытки к побегу. Но несмотря ни на что каждую весну побеги повторяются, хотя чаще всего кончаются смертью, реже — увечьями. И все-таки, на моей памяти, один кореец смог убежать!

После вахты, без всякого медицинского осмотра и, тем более, — помощи, я был отправлен в штрафной изолятор. Кормили впроголодь отваром чечевицы, который заключенные называли «голубой Дунай», ложку положенной каши-размазни, видимо, съедал надзиратель. И не только у меня... Тесная камера, клопы и никакой медицинской помощи. Я стал похож на скелет, обтянутый кожей, который сотрясал то озноб, то жар...

Лишь через три недели из сангородка приехал врач проводить «комиссовку». После осмотра меня сразу же поместили в стационар, которым заведовал врач Приходько. Началось действительное лечение моих ран, я стал поправляться. Еще через три недели, осматривая меня перед отправкой в сангородок на «окончательное излечение», бывший кремлевский врач-хирург Крамаренко, сам сидевший по «делу Горького», заявил: «Да, один из тысячи выживает при подобном ранении, но лечить *беглецов* мы не будем».

Увы, были и такие врачи, с таким уровнем профессиональной морали, а скорее — аморальности. К счастью, были и другие. В сангородке майор медицинской службы Коваленко по ночам приносил мне полоскания, опасаясь за рану в горле. Благодарная память о таких людях остается на всю жизнь. Никогда не забуду я и своих земляков, навещавших и поддерживавших меня...

Всем смертям назло друг мой не умер от «лечения», и, когда немного оправился, его выписали, отправили в Азанку и назначили в штрафную бригаду. Штрафники помещались в особом бараке, их выводили на самые изнурительные работы под особо усиленным конвоем. Вот еще один эпизод из лагерной одиссеи Алексея Светлова, рассказанный им самим.

«...Однажды, во время штабелевки шпал в сырую погоду, я оступился правой своей большой ногой и не успел выдернуть правую руку... Когда напарники приподняли шпалу, оказалось, что раздроблена вторая фаланга третьего пальца. Из кровавого месива разорванных тканей торчала поврежденная кость...

Не раз случалось, что в критические моменты даже среди конвоя находились люди, которые оказывали мне помощь (хотя чаще было наоборот). В данном случае сам начальник посадил меня около костра и со словами: «Ну и невезучий же ты, мужик», — стал накладывать повязку. И это несмотря на то, что у конвоя была установка — причинять «врагам народа» как можно больше мучений. Доброе начало в человеке неизменно даже в сталинском лагере...»

Заканчивая рассказ, хочу перечислить все лагерные травмы Алеши. «Показатели» получились вот такие: переломы трех ребер, перелом ключицы, перелом левой лучевой кости, перелом второй фаланги третьего пальца правой кисти. И, конечно, вырванный пулей кусок верхней челюсти с двумя зубами справа.

В 1956 году те харбинцы, кто выжил, были досрочно освобождены со снятием судимости, а в дальнейшем — реабилитированы. Алеша закончил заочно медучилище, заведовал фельдшерско-акушерским пунктом на одной из станций трассы Тайшет — Лена, женился. В 1970 с женой и двумя детьми эмигрировал в Австралию, куда чуть раньше переехали жить его мать и старшая сестра (а младшая сестра умерла в Харбине).

В Сиднее он работал рентген-лаборантом и до конца жизни преподавал в русских школах историю и литературу. Алексей пользовался огромным уважением в русской общине города, отличался удивительной скромностью. Верная спутница его жизни Любовь Сергеевна была инспектором русских школ Австралии. Дети — сын и дочь — подарили Алеше несколько внуков.

Из письма, полученного от австралийских земляков-харбинцев, я знаю, что хоронили моего друга очень торжественно: епископ, трое священников, пел соборный хор. Так 22 декабря 1999 года закончил свой земной путь этот чистый душой, столько переживший, но не озлобившийся, не сломленный жестокостью людей, а напротив — сохранивший лучшие черты своей личности русский православный человек Алексей Светлов.

Вечная память и вечный покой дорогому моему другу!

*«Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностью: были!»*

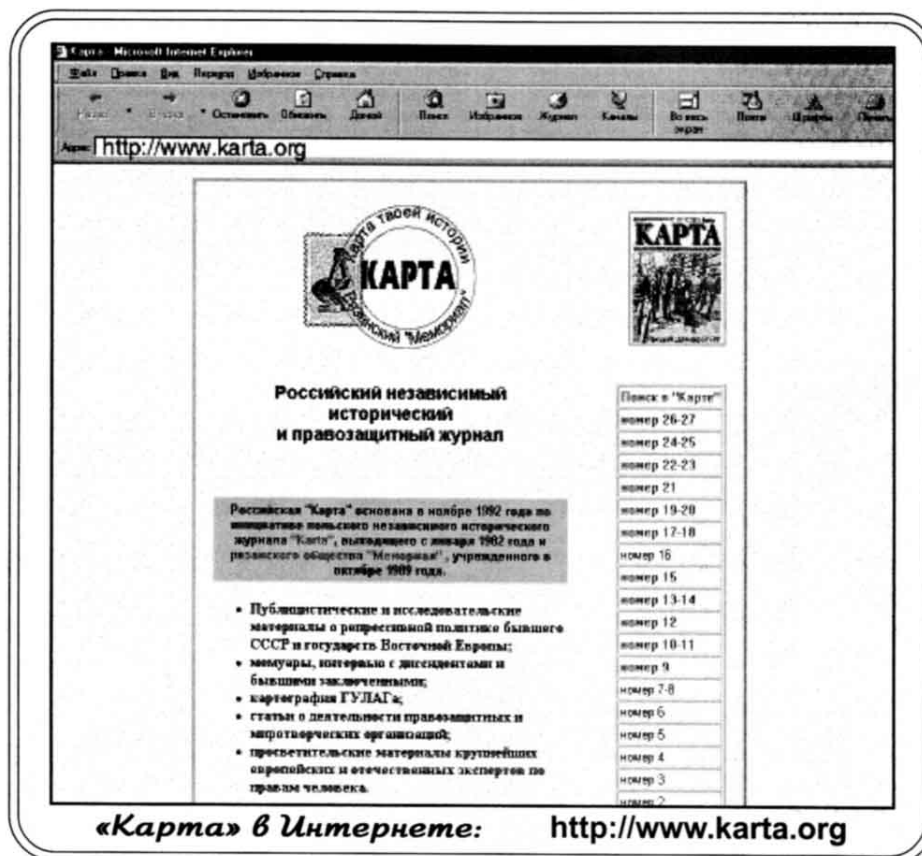
В. А. Жуковский

Москва

В публикации использованы
фотографии из архива И. Пасынкова

Слева направо: Алексей Светлов, его сын Владимир, дочь Лида, жена Алексея Любовь Сергеевна. Сидней, Австралия. 1986 г.

«Карта» в Интернете: <http://www.karta.org>

NED

Журнал «Карта» выходит при поддержке фонда
National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства
Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф»
(Рязань)

Фонд Форда
(Вашингтон)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
Общество" (Москва),
Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-
просветительское и правозащитное
общество «Мемориал»

Агентство США
по Международному Развитию

Институт Демократии в Восточной
Европе (Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия»
(Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов
Российско-Американской
Проектной Группы по правам
человека (Москва)

АО «Рокс»
(Рязань)

Фирма оргтехники Антониуса
Гуттермана
(Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу
за могилами жертв войны и
репрессий

Общественный Центр **Karta**
(Варшава)

Полиграфическая фирма Петера
Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой
Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За
гражданское общество»
(Москва)

**60-летие
катынской
трагедии:
стр. 50-77**